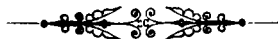

ОБЛАСТНИК— КООПЕРАТОР.

Сборник № 1

под редакцией А. А. Николаева,

К вопросу об изучении области, как организуемой силы современного общества.

От Редакционно-Издательского Отдела Бюро.

На первых же страницах настоящего Сборника мы считаем своей обязанностью принести глубокую благодарность „Северосоюзу“ за то содействие техническими средствами, которое он оказал нам при издании первого нашего коллективного труда. Можно с уверенностью сказать, что без этой братской помощи мы не смогли бы выпустить так скоро в свет предлагаемой здесь книги.

Заведующий Отделом А. А. Николаев.

Несколько слов вместо предисловия.

В тяжелую годину задумана и выполнена настоящая работа. Только тот, кто сам переживает в Москве текущую зиму, поймет, какого труда стоило авторам в спешном порядке написать необходимые статьи. Этим часто безысходным положением „пишущей братии“ объясняется и то, что некоторые из заказанных и чрезвычайно важных статей, не могли попасть не смотря на все усилия и настояния Редакции, в настоящий Сборник. К сожалению выжидать мы не имеем времени, ибо наша работа—очередная работа русской жизни... и не только очередная, но и совершенно новая по своей общественной постановке. Этой новизной постановки областного вопроса объясняется и невыдержанность Сборника со стороны некоторых его внутренних элементов. Мы просим читателя не забывать, что областной вопрос в современной постановке является новым не только с точки зрения многих идей, но даже и терминологии.

А. А. Николаев.

Москва 17 декабря 1919 г.

Область, как фактор социальной психологии.

I.

1. Основные предпосылки.

Социальная жизнь людей есть такое же явление природы, как духовная жизнь отдельного человека или как процессы физического мира. Взаимоотношения людей управляются вечными и неизменными законами, подобными закону тяготения, определяющему собой все бытие материального мира. Наличие таких законов социальной жизни не бросается в глаза; на первый взгляд все здесь представляется сложным и случайным сплетением обстоятельств. Но не следует забывать, что очень долго таким же случайным представлялся людям и физический мир. Считали, что всякое движение в этом мире вызывается капризным действием таинственных демонов; а когда от веры в демонов перешли к вере богов, то долго думали, что и богов можно упросить совершить чудо, т. е. отступить от ими же установленных законов природы. И в наше время только очень образованные люди вполне отрешились от веры в чудеса и понимают, что мы можем так или иначе использовать действие законов природы в наших целях, но изменить их не можем. Мы научились летать по воздуху; но наши полеты не свидетельствуют об отмене закона тяготения, но только об искусственном его использовании со стороны изобретателей воздухоплавательных приборов. Приходится настаивать на том, что и в общественных отношениях мы встречаемся с такой же неуловимой и неизменной закономерностью и что общественное строительство, как и строительство в физическом мире, сводится только к использованию этой закономерности в направлении наших нужд и идеалов.

Социальная психология имеет своей задачей, прежде всего, вскрыть те общие и неизменные законы, которые действуют в общественных отношениях. Она учит нас, напр.,

тому, что всякая густая толпа людей представляет из себя легко возбудимый материал; толпа отличается страстностью и неумением логически мыслить, если на нее подействует какойнибудь внешний раздражитель. Не будет такого раздражителя, и большое скопище людей может остаться спокойным; но ведь и боченок с порохом может простоять года и не взорваться; от этого он не перестает быть взрывчатым веществом. Следовательно, всякий, кому приходится иметь дело с толпой, должен считаться с проявляющимися в ее бытии неизменными законами социальной психологии, если он не хочет стать жертвою своего невежества.

Но помимо таких общих и неизменных законов, которые в социальной жизни действуют всегда и везде, изучение общественных отношений осложняется тем, что в них привходят еще некоторые факторы, которые вносят разнообразие в социальные процессы, индивидуализируют их. К числу таких факторов можно отнести, главным образом, фактор этнографический и географический. Первый состоит в том, что люди неодинаковы по своему духовному строю в зависимости от тех анатомических и физических различий, которые между ними имеются. Существуют различные человеческие расы и исторический опыт показал, что они не одинаково реагируют на события, что их чувствования, мышление и воля обладают особенностями. Социальная психология должна считаться с этим обстоятельством. Она не может своими средствами разрешать вопрос о расах, так как он в значительной степени падает в область естествознания и должен быть исследуем методами естественных наук. Но она должна базироваться на выводах антропологии и учитывать то значение, которое вскрытые антропологами явления имеют в общественной жизни. Аналогичные замечания приходится сделать и о факторе географическом. Внешняя природа, в которой разворачивается жизнь человеческих обществ, отличается большим разнообразием. Эта пестрота географических условий не может не отражаться на ходе общественной жизни. Огромное историческое значение получает, напр., распределение суши и моря на поверхности земного шара; оно приводит к тому, что почти вся история человечества разыгрывается в северном полушарии, так как южное в большей своей части занято океанами. Социальная психология не может взять на себя задачи исследования вопроса, почему произошло такое распределение суши и моря; она должна предоставить это географии и иным естественным наукам. Но учесть этот факт приходится и в социальной психологии. Точно также приходится учитывать влияние географического положения той или

иной области, распределение водных путей, формы береговой линии, горных хребтов, соотношение леса и степи, характера климата и т. д. Все эти явления имеют свои основные причины; при всей их пестроте в них сказывается действие известных неизменных и сравнительно простых законов. Но изучение этой закономерности есть дело естествознания. Социальная же психология должна принять, как факт, все имеющееся на лицо разнообразие географических условий, проследить влияние этого разнообразия на ход социальных процессов и учесть географический фактор, как индивидуализирующий фактор общественной жизни, делающий общественный процесс в каждом данном месте непохожим на общественные процессы в других местах.

Всем этим и определяется значение *области*, как фактора социальной психологии. Область есть конкретное географическое единство. Ни одна область не похожа на другую. Как бы ни были сходны между собою области, всегда между ними найдутся различия, которые так или иначе отразятся на ходе общественных процессов, в них происходящих. Так как общественная жизнь создает свои прочные традиции, накладывающие трудно изгладимую печать на целые массы людей, то влияние области на психику населения всегда оказывается прочным и длительным. В то время, как другие условия, в которых протекает жизнь людей, могут более или менее быстро меняться, географическая обстановка является одним из самых устойчивых факторов социального процесса. Поэтому под ее влиянием складываются особенно прочные и длительные навыки, определяющие собой основные черты характера данной общественной группы. Как каждый человек имеет свой индивидуальный характер, представляющий собой сложный продукт наследственности, окружающей среды и собственного самовоспитания, так можно с полным правом говорить и о характерах общественных групп. Правда, каждое отдельное лицо, входящее в состав группы, обладает своим собственным характером. Но, если группа людей долго живет и действует вместе в одинаковой исторической и географической обстановке, то у этих людей появляются известные общие им всем свойства и навыки, которые кладут свой отпечаток на их массовые действия и составляют то, что можно назвать характером данной группы. В каждом отдельном участнике группы эти характерные для нее черты, конечно, могут быть выражены с разной степенью интенсивности, и потому не всякий член группы окажется в одинаковой степени типичным выразителем характера группы. Чаще всего приходится слышать и говорить о национальных харак-

терах. Но можно различать и *областные характеры* в пределах каждой национальности, так как и отдельная область в едином государстве может отличаться особенностями, влияющими на общий характер населения.

Групповые характеры вырабатываются во всех социальных организациях, имеющих более или менее продолжительное бытие. О них приходится говорить даже применительно к таким союзам, для которых не обязательна связь с определенной географической средой. Так, все, кто внимательно наблюдает военную жизнь, признают, что каждый полк с постоянными кадрами имеет свои устойчивые навыки, вырабатывает свою определенную физиономию, которая в силу действия общественной традиции сохраняется за ним при смене входящих в его состав людей. В тем большей степени образование групповых характеров должно наблюдаться в жизни таких общественных групп, бытие которых связано с наличием определенной и неизменной географической обстановки. Такими группами и являются национальность или население определенной области в пределах обширной национальности или государства.

Область является важным индивидуализирующим фактором социальной психологии. Конечно, основные законы общественных процессов для каждой области являются неизменными и общими со всеми другими областями. Везде происходит действие общественного подражания и внушения, соперничества и вражды, везде складываются общественные традиции и переходят из поколения в поколение, везде рост населения оказывает содействие на общественную жизнь, приводит к тому, что, помимо, воли и желания людей, общественные процессы в многолюдном обществе и густом населении протекают не так, как в малолюдном и редко размещенном населении. Но различие областных условий приводит к тому, что эта общая закономерность действует на неодинаковый человеческий материал и потому дает не вполне одинаковые результаты. Население одной области в одном отношении живет более интенсивно, чем население другой, в другой — менее интенсивно; процессы одинаковой интенсивности могут быть окрашены разным качественным тоном. Если мы сравним малоросса и великоросса, то разница в духовном строе и общественных процессах бросится в глаза. Характер малорусской и великорусской поэзии и религиозности, ход общественных процессов там и здесь, даже характер расселения жителей по занимаемой ими поверхности оказывается весьма различными. Поэтому малороссы и претендуют на роль особой национальности. Между населением

поволжья, московской области и северных губерний Великой России, конечно, таких глубоких различий не обнаружится. Но и здесь, несмотря на наличие, несомненно, одной и той же национальности, внимательный наблюдатель констатирует массу областных особенностей, начиная с говора, характера построек и преобладающих промыслов и кончая всякого рода проявлениями общественного строительства.

Вопрос о влиянии внешней природы на человека и человеческое общество поставлен уже очень давно. Еще в античной литературе на него обращалось серьезное внимание. Между прочим один из главных предшественников современной социологии Аристотель придавал большое значение географическому фактору. В его „Политике“ мы найдем рассуждение о том, чем отличаются психические свойства северных варваров и восточных народов от эллинов и почему именно эллины одни предназначены стоять во главе человечества. Любопытные же размышления над этими же вопросами мы встречаем у социолога XIV века, араба Инб-Халдуна, которого в особенности интересует различие между оседлыми и кочевыми народами; затем у Бодена, Монтескье, Гердера. Но на строго научную почву весь вопрос поставлен был только в XIX веке с появлением особой науки „сравнительного земледения“, связанной с именем Карла Риттера, а затем более поздней „антропогеографии“ с такими видными представителями, как Ратцель и Реклю. Первоначально мыслители искали разрешения вопроса о вскрытии тех непосредственных воздействий, которые оказывает географическая среда на человека. Такие непосредственные воздействия, конечно, имеются. Окраска человеческой кожи, количество и состав пищи, характер дыхательных процессов и т. п. в значительной степени определяются климатом, высотой местности, степенью влажности или сухости и т. п. Но современные ученые придают гораздо большее социологическое значение непрямым влияниям географической обстановки. Географическая среда своими особенностями влияет не столько на самое строение и отправление человеческого тела или на жизнь человеческого духа в ее общей закономерности, сколько на порядок расселения населения по территории и на характер его преобладающих занятий, а уже эти условия отражаются на остальных сторонах духовной и общественной жизни людей, приводят к образованию более или менее длительных традиций, налагающих свою печать на общий облик населения.

Так действуют на людей все решительно особенности географической среды. Общим положением области среды, обширной территории определяется характер ее соседства

а соседством определяется характер ее внешних отношений. Судьба России в значительной степени определилась тем обстоятельством, что она расположена между Европой и Азией, не есть, по выражению Ключевского, ни вполне Европа, ни вполне Азия и всегда была форпостом Европы в ее борьбе с Азиатскими кочевниками и хищниками. Огромное значение имеет отношение области к морю. Островная Англия никогда не могла повторить в своей истории судьбы континентальных стран. Расположение водных путей в виде рек и озер является также первостепенным фактором. История Египта есть история реки Нила, история южной Руси определяется течением Днепра, как пути из Варяг в Греки, удельная система Суздальско-Московской Руси в значительной степени отражает на себе распределение речных бассейнов данной местности. О значении климата нечего распространяться. На этот фактор было обращено внимание чуть ли не в первую очередь; слишком уже велика разница между жизнью в теплых странах и холодных. Монтескье пытался к климатам свести чуть ли не все социологические различия между человеческими обществами. Устройство поверхности также оказывается весьма важным фактором. Горы всегда были одной из главных преград для сношений людей между собой. История Греции определяется горными хребтами, изрезавшими ее вдоль и поперек, история Швейцарии концентрируется около Альпийских проходов; занятие жителей гор значительно отличается от промыслов на равнине. Еще в большей степени, чем горы, раз'единяют людей болота; народы, окруженные болотами, обыкновенно сохраняют чистоту своего расового происхождения в гораздо большей степени, чем остальные человеческие группы. Немаловажную роль имеют в общественной жизни лес и степь. Южная Россия с ее обширными степями представляла собой, по выражению того же историка, корридор, по которому свободно двигались из Азии орды кочевников, и это наложило глубокий отпечаток на историю данного края. В противоположность этому история северной России есть история медленной и упорной борьбы человека с сплошным лесом; в образовании характера великоросса лесу принадлежит не последнее место. Почва с ее минеральными богатствами, с различной степенью плодородия призвана сказать также решающее слово в истории каждой человеческой группы. Черноземные и нечерноземные губернии России не могут создать одинакового уклада жизни для своего населения; каменноугольные бассейны или области с богатыми залежами какихнибудь руд по своему укладу жизни отличаются от чисто земледельческих или скотоводных местностей.

Было бы большой ошибкой думать, что по мере усиления и расширения культуры связь человека с природой ослабевает. Ослабевает только односторонняя зависимость человека от окружающей его внешней среды. Дикарь является простой игрушкой в руках природы. Он бессилён справиться с ее стихиями и всецело зависит в своем существовании от ее готовых даров. По мере накопления знаний и навыков трудовой жизни, человек овладевает природой. Он выучивается управлять ее силами и придавать их действию то направление, которое соответствует его желаниям. Зависимость человека от природы ослабевает и сама природа все в большей степени оказывается переработанной и преобразованной человеком. Но связь человека с природой расширяется. Прогресс науки и техники приводит к тому, что человек знакомится с самыми различными сторонами внешнего мира и познает их ценность для себя. Его внимание обращается на такие стороны природных процессов, которые прежде его не интересовали. Он начинает эксплуатировать такие уголки природы, мимо которых прежде проходил совершенно равнодушно. Сравнительно недавно людям стали известны благотворительные свойства каменного угля и это создало целый переворот в общественной жизни. В наше время мы жестоко страдаем в центральной России от потери областей, которые давали нам уголь и нефть. Изобретение способов передачи энергии на расстояние заставило говорить о „белом угле“ и страшно подняло хозяйственное значение таких, прежде совершенно бесполезных для людей вещей, как водопады. И таких примеров можно привести без конца. Все они показывают, как расширяется связь человека с природой. Хотя при этом усиливается воздействие человека на природу, но и природа усиливает свое влияние на человека, определяя характер его занятий и направление его передвижений. Открытие новых природных богатств заставляет человека селиться в новых местах, иногда во многом неудобных и даже опасных для жизни, и с великими трудами приспособляет эти места к условиям человеческого существования и самому приспособляться к их особенностям.

В результате всего изложенного мы можем сказать, что область, как географическое единство, имеет огромное социологическое значение. Но этим роль области в социальной психологии не исчерпывается. Ведь в каждой области в силу исторических судеб сталкиваются представители разных человеческих рас. Поэтому *область важно отметить и как этнографический фактор*. Различие истории южной и северной России определяется не только различием географической обстановки, но и тем, что выходцы в Суздальско-Московскую

Русь столкнулись в ее лесах с таким этнографическим элементом, как финны, с которыми прочно соединились в процессе медленного и постепенного мирного слияния и соединились в такой степени, что некоторые современные социологи и антропологи даже поднимают вопрос о том, не правильнее ли относить великороссов к монгольской семье народов. Это слияние наложило свой отпечаток и на анатомические особенности великоросса и на его духовный облик. А если разобраться в этнографическом составе различных областей, которые входят в состав обширной России, то значение этого обстоятельства станет чрезвычайно большим.

При всякого рода строительстве приходится считаться, во первых, с той общей закономерностью, овладеть которой надлежит строителю, так как строительство всегда представляет собой попытку создания известного параллелограмма природных сил, который должен дать желаемое действие. Во вторых, необходимо учитывать свойства строительных материалов. Прочный мост можно соорудить только из здорового леса или хорошего металла. Совершенно то же самое приходится сказать и о социальном строительстве. Не всякий человеческий материал одинаково пригоден для того или иного общественного учреждения или организации. Как нельзя большого дворца соорудить из необоженной глины, как нельзя создать университет среди австралийских дикарей, так невозможны и иные общественные начинания в неподготовленной общественной среде. Сверх того даже и успешные начинания различно складываются в различной среде. Это относится и к кооперативному строительству. При всем единстве основных принципов кооперации и преследуемых ею задач, характер кооперативных образований не может быть одинаков в различных областях с их географическими и этнографическими особенностями и вызываемым ими различным укладом общественной жизни. Вот почему необходима областная кооперация, а при изучении кооперативного быта и при разработке приемов кооперативного строительства должны быть учитываемы областные особенности. Если мне суждено будет осуществить задуманное мною силами Института Социальной Психологии изучение психологии кооперативного быта, о чем я сообщал на страницах „Вестника Промысловой Кооперации“ в истекшем, 1919 году, то, конечно, видное место в этом изучении должна будет занять областная сторона кооперативного дела. Такое исследование может быть весьма полезным, как для разработки все еще мало изученного вопроса о влиянии географической среды на общественные процессы, так и для научной постановки самой кооперативной практики.

II.

2. Метод изучения национальных и областных характеров.

В предыдущей главе я указал, что всякая устойчивая социальная группа рано или поздно вырабатывает свой особенный характер. Таковым является та сумма навыков и тенденций, которая накапливается в участниках группы, если они долго совместно действуют в общих для всех них условиях. Особенно прочны и устойчивы бывают эти навыки в тех группах, которые имеют прочное территориальное обоснование, каковы: государство, область, городская или деревенская община. Значение территории в социальных процессах состоит, главным образом, именно в том, что она придает особенно устойчивый характер социальным отношениям. На этом основании юристы всегда настаивают на том, что необходимым элементом государства должна считаться территория и отказываются признать государством кочевой народ, не имеющий определенной оседлости. Дело в том, что государственная власть и ее отдельные учреждения, сословные деления, самая спайка общественной группы в ее целом становятся в достаточной степени прочными лишь при наличии определенной территории. Кочевой народ сравнительно легко распадается. Имущество его членов состоит в движимостях и потому легко утрачивается: классовые и сословные деления при этом условии не могут быть устойчивыми. Политическая власть также не может приобрести сколько нибудь прочного характера и легко становится жертвою всякого рода внешних и внутренних трений. То же самое можно сказать и о всяком вообще социальном образовании: чем крепче оно соединено с определенным местожительством, тем больше шансов, что в нем выработаются прочные традиции и навыки, которые придадут определенную физиономию всему социальному целому. Это не значит, что такая физиономия не может сложиться у социальной группы, не имеющей территориального обоснования. Пример полков в армии, которые создают прочные традиции и пользуются каждый определенной репутацией, доказывает обратное. Но полки обладают устойчивыми кадрами; а в некоторых государствах существует и территориальная система их формирования, которая сильно содействует укреплению их традиций.

Таковы те общие предпосылки, из которых следует исходить при рассуждении о национальных и областных

характерах. На существование особого „духа народов“ (*génie de la nation*) наука обратила внимание давно. В начале XIX столетия германская школа юристов, считающая своим основателем знаменитого Савиньи, из духа народа стремилась вывести все продукты народного творчества: язык, религию, право, поэзию; Гегель свою философию истории также построил на этом понятии. Но в ту эпоху на дух народа смотрели мистически; в нем видели какую то изначала данную сущность, в которой коренятся все особенности народного творчества и из раскрытия которой в историческом процессе проистекают все произведения народной культуры. Рост культуры приравнивали к росту дерева из маленького зернышка, посаженного в землю. И в наше время можно встретить в литературе отголоски такого воззрения. На „душу народа“ смотрят как на особого рода сущность, усматривают в ней нечто таинственное и мистическое, что делается доступным нашему сознанию только путем известного интуитивного проникновения. Мы увидим, что кое что правильное в этих представлениях имеется, но в общем и целом они не соответствуют эволюционному духу современной науки.

Дух народа не есть нечто изначала данное. Он представляет собой просто совокупность тех духовных навыков, которые создались в группе людей благодаря совместной жизни и деятельности в одних и тех же географических условиях и переживанию общих исторических судеб в течение долгого времени. Каждый отдельный представитель народа обладает своим собственным личным характером и темпераментом; везде встречаются сангвиники, флегматики, холерики и меланхолики; везде мы найдем самые тонкие и путанные оттенки индивидуальных склонностей и привычек. Но все это существует на известном общем для всех членов народа фоне, который и составляет национальный характер. И русский человек, и англичанин могут хандрить, но есть известная качественная разница между типичной русской тоской-кручиной и английским сплином. Всякая толпа отличается особыми свойствами, присущими именно толпе; но в проявлениях этих свойств наблюдатель усмотрит типическую разницу между остроумной и подвижной французской толпой, сосредоточенной и сантиментальной немецкой толпой, буйной залихватски-разгульной русской толпой и т. д. Вот этот то общий для всех участников нации фон и составляет национальный характер. Каждый отдельный член народа в той или иной степени совмещает в себе черты своего личного характера и национального. Чем сильнее личность, чем она индивидуальнее, тем в меньшей степени может быть в ней выра-

жен национальный характер, так как он заслоняется оригинальными личными чертами. Но может быть и обратное: яркая личность может в себе с особою силой и рельефностью выявлять именно национальные черты.

Национальный характер слагается медленно, веками. Процесс его образования состоит в том, что совместное действие в одной и той же географической и исторической обстановке заставляет людей выработать для себя известные привычные образы действия, приемы мышления и склонности чувствования. Все эти привычки передаются путем воспитания и воздействия окружающей среды из поколения в поколение и постепенно закрепляются в глубинах подсознательной жизни. Психология нас учит, что все то, что является предметом постоянного упражнения, постепенно механизмуется и начинает действовать на человека совершенно вне контроля его сознания. Пока ребенок учится ходить, самый процесс ходьбы составляет для него сложное и трудное дело, за которым он должен внимательно следить, сознательно контролируя каждый свой шаг. Но когда он выучился ходить, процесс ходьбы выходит из сферы его сознания; он опускается под порог сознания и начинает направляться подсознательной психикой, так что сознание может обратиться к другим предметам; ребенок ходит и бежит и в это время совершенно не обращает внимания на самый процесс своего передвижения; он занят болтовней со своими товарищами, содержанием своей игры, пением и т. п. Точно также, пока человек только учится писать и читать, все его внимание поглощено самым процессом чтения и письма, так что ему трудно или невозможно следить за содержанием читаемого. Но бегло читающий или пишущий человек не замечает уже самого процесса писания или чтения и может всецело отдаваться рассмотрению содержания того, что он читает или пишет. Процесс письма и чтения составил в его психике прочный навык, вместе с тем механизмувался и автоматизировался и опустился в глубины подсознания.

Аналогичные духовные процессы приводят к созданию нарядных или областных характеров. Веками люди приучаются действовать, чувствовать и мыслить известным образом в одной и той же природной и исторической обстановке. В конце концов сложатся очень прочные приемы действия и мышления и склонности чувства, которые будут глубоко жить в душах отдельных людей и незаметно для их сознания определять собою их поведение в каждом данном случае. Раз только образовались такие навыки, национальный характер готов. Так как образуются они медленно, то в исто-

рии национальные характеры проявляются постепенно. Они не представляют собой чего то изначально данного, как это утверждала историческая школа юристов, но формируются в течение исторического процесса. Поздно появляется и национальное самосознание, которое предполагает уже наличие сложившегося национального характера и сводится к тому, что представители национальности начинают сознавать свои особенности и требовать от окружающих народов их признания и уважения к ним. Вот почему в истории Европы национальный вопрос выдвинулся сравнительно поздно. Еще X век был эпохой довольно решительно выраженного космополитизма и только с начала XIX века национальный вопрос резко выдвигается вперед и чем дальше, тем большую роль начинает играть в историческом процессе.

В чем же *проявляется* национальный характер? Долго искали для него определенных объективных выражений. Одни видели их в языке, другие в государственных и политических учреждениях, в религии, поэзии и т. п. Мне кажется, что все подобные попытки стоят на ложных основах. Национальный характер может проявляться во всех этих отношениях, но он не должен непременно и обязательно выявляться известным определенным способом. В частности, нельзя утверждать, что национальность проявляется непременно в языке; обыкновенно это бывает так, но вполне возможно представить себе ярко выраженную национальность, которая своего языка не имеет. Примером может послужить хотя бы Северная Америка; население здесь состоит из конгломерата выходцев из самых различных стран старого света с некоторою примесью негров и аборигенов индейцев. Преобладающим языком этого населения является английский, правда слегка измененный в произношении и синтаксических построениях. Тем не менее на наших глазах здесь складывается совершенно определенная национальность с ярко выраженным самосознанием и самобытностью, гордо проповедующая доктрину: Америка для американцев. Точно также нельзя считать характерным выражением национальности наличие государства. Польша дает нам пример национальности, которая долго была политически раздроблена между тремя государствами и при этом не только не утратила своей самобытности и самосознания, но еще больше их укрепила; эпоха раздела Польши была эпохой наиболее яркого расцвета польской национальной литературы и интенсификации польского национального чувства.

Приходится признать, что национальный характер может находить свое объективное выражение и в языке, и в государственных учреждениях, но не связан обязательно ни с

каким из этих проявлений в отдельности. Он выражается во всех действиях и состояниях народа. Каждый народ по своему делает свою историю и по своему воспринимает все, что на него действует извне. Кто хочет признать национальный характер, тот должен учитывать все действия и состояния народа и проследить, как в них отражается характер, специфически присущий данной группе людей и отличающей ее от других, ей подобных.

Все, что было сказано относительно национального характера, применимо и к характерам отдельных областей в пределах государства или национальности, но только сравнительно в более слабой степени, так как область обыкновенно не представляет собой самостоятельного исторического единства и ее исторические судьбы во многом являются общими с судьбами всего государства. *Но поскольку область имела свою собственную историю и поскольку ее территория отличается более или менее ярко выраженными особенностями, население области может выработать себе особый областной характер*, который будет объективно сказываться в том, что это население делает и производит. Поэтому вполне возможно изучать и областные характеры. Методы этого изучения будут те же, как и методы изучения национальных особенностей.

Каковы же должны быть эти *методы*? По этому поводу существует несколько предположений, но вообще этот вопрос очень еще слабо разработан, как и большинство вопросов молодой еще науки социальной психологии. Не существует пока руководящих классических трудов по вопросу об изучении национальностей.

Нередко в литературе приходится встречаться с мыслью, будто национальный характер лучше всего проявляется в тех *великих людях*, которых выделяет из себя данная национальность и что поэтому лучшим методом изучения национальности было бы изучение характеров ее наиболее выдающихся представителей. Такие поэты, как Пушкин или Достоевский, такие полководцы, как Суворов, служат яркими образцами русского народного духа. С таким взглядом я согласиться не могу. Великим человеком в настоящем смысле этого слова мы называем особенно сильную личность, с резко выраженной способностью оригинального творчества в какойнибудь области. Для такого творчества требуется особенно счастливое сочетание духовных свойств, которое само по себе является продуктом биологической случайности, игрой законов наследственности, но ни в какой связи с национальным духом и его особенностями не стоит. Личность может ярко выявить себя в области поэзии, живописи, науки, философии,

политической или военной деятельности своими талантами и иметь большой исторический успех среди своего народа; но из этого вовсе еще не следует, что именно черты народного характера проявились в ее деятельности. Это требует особого доказательства и проверки, а не разумеется само собой. Может быть так, а может быть и совсем иначе; возможно, что яркая индивидуальность именно своими оригинальными свойствами совершенно заслоняет в себе черты общенационального характера и заглушает их. Это особенно легко допустить относительно таких личностей, как наш Пушкин, который и по происхождению со стороны матери вовсе не был чисто русским. Но, скажут на это, если великий человек имеет успех среди своего народа, то это уже служит показанием того, что он действовал в национальном духе. И этот аргумент не является решающим. Можно допустить, что великий человек импонировал своим единоплеменникам и нравился им именно по контрасту с национальным характером, потому что он в себе выявлял как раз то, чего не хватает в этом характере. Я не отрицаю, таким образом, что великий человек *может* быть хорошим показателем национального характера. Напротив, я склонен думать, что, если в нем совместились свойства национального характера, то он их выявит с особенной яркостью и силой. Поэтому национальный характер можно изучать по великим людям. Но предварительно следует установить относительно каждого из них, что он был выразителем именно национального характера, а не оригинальных черт только своей сильной индивидуальности. А установить это придется на основании каких то иных критериев. Таким образом, великие люди могут быть только подсобным средством для изучения национальности. Впереди должен идти какой то другой метод, при помощи которого придется произвести известный отбор между самими великими людьми и определить, кто из них какие черты народного характера выявил в своей деятельности и произведениях. Великие люди сказываются только заключительной инстанцией в нашем исследовании, а не точкой отправления.

Иногда высказывается мысль о необходимости создания типа „среднего человека“, в котором и должны быть собраны характерные для данной национальности черты. Такого рода предложение делает, напр., Зомбарт в своей книге „Die Juden“. Для выяснения еврейского национального характера автор предлагает здесь изучать облики многих евреев последовательно и отмечать присущие им черты характера. Затем следует сравнить полученные характеристики, выделить из

них общие им всем черты и так получится физиономия типичного еврея вообще. По поводу такого предложения придется сказать, что оно практически невыполнимо и едва ли правильно по существу. Что касается практической стороны, то, прежде всего, возникает вопрос: какое же именно количество таких индивидуальных характеристик необходимо составить, чтобы окончательный вывод не был случайным и произвольным. Ответить на этот вопрос, мне кажется, не только трудно, но прямо таки невозможно. Можно сказать: чем больше, тем лучше. Но тут мы встречаемся с новым затруднением. Умножение количества регистрируемых случаев есть обычный прием статистической работы, и метод Зомбарта есть, в сущности, метод статистический. Но статистика может с успехом работать над таким только материалом, который сравнительно легко поддается счету. Являются ли подобным материалом человеческие характеры, можно ли их с удобством подвергать счетным операциям? На такие вопросы, мне кажется, можно дать только отрицательный ответ. Самое разложение характеров на отдельные элементы, предлагаемое Зомбартом, как основа всего дальнейшего сравнения и обобщения, есть дело не только трудное, но едва ли и выполнимое. Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с существующей литературой о характерах, чтобы прийти к заключению, что ученые еще очень далеки от соглашения по вопросу о том, какие именно элементы следует различать в характерах и как должно строить правильную классификацию характеров. Поэтому расчленение характеров отдельных представителей национальности на элементы было бы делом безнадежным в смысле общенаучной признанности тех критериев, которыми станет на практике пользоваться исследователь. Да если бы такие критерии и пользовались уже общим признанием, то в каждом отдельном случае анализ характера потребовал бы такого внимательного знакомства с человеком и такого сложного труда, что большого количества характеристик составить не удалось бы. Наконец, и это, может быть, самое главное: если бы даже такая работа доведена была до конца, то дала ли бы она нам представление о том, что нас интересует о живом национальном характере. Я думаю, что—нет: мы получили бы какого то „среднего человека“, совершенно абстрактную величину, не существующую в действительности и ни в одной конкретной личности не выраженную. Едва ли это создание нашей научной фантазии было бы адекватным той живой и действенной силе, которая именуется национальным характером.

Некоторые мыслители и в наше время, как уже было указано выше, продолжают смотреть на национальный ха-

рактер в духе Гегеля и германской исторической школы и видят в нем некоторую таинственную сушность, изначала данную и определяющую собой исторические судьбы народа. Они полагают поэтому, что для познания народного характера или народного духа необходима *особенная интуиция*, нечто вроде мистического проникновения в таинственные глубины. Путем научного анализа в этой области много сделать нельзя. Я думаю, что в этом взгляде есть известная доля истины. Мы видели, что народный характер слагается из прочно укрепившихся навыков и склонностей, которые благодаря вековому упражнению и действию традиции, уходят глубоко в подсознательную область и оттуда воздействуют на сознательное поведение людей. Поэтому, действительно, в проявлениях народного духа есть нечто таинственное и неожиданное. Часто в моменты глубоких потрясений народ обнаруживает наличие таких свойств, которые не были в нем заметны в эпохи мирной жизни, и приводит в изумление не только посторонних наблюдателей, но и самого себя. Это объясняется тем, что соответственные навыки таились в глубинах подсознания, но не находили себе яркого применения. Когда же наступил подходящий исторический момент, они вышли наружу и проявились в известных актах или произведениях народного творчества. Только что пережитая мировая война была обильна такими сюрпризами. Мы видели, что французы, которых в последнее время привыкли рассматривать, как изнеженную и до известной степени вырождающуюся нацию, где даже количество населения перестало возрастать за ослаблением жизненной энергии, проявили редкое мужество и настойчивость в защите своего отечества; это заставило говорить, что в них проснулась „душа предков“, храбрых и воинственных. Точно также германцы, на которых смотрели как на народ мирных ученых и философов и ленивых промышленников и комми-вояжеров, в своих действиях на войне проявили буйный и дикий нрав своих предков, о которых когда то писали Цезарь и Тацит. Но из всего этого следует лишь то, что характер народа нельзя изучать только наблюдая за его повседневной жизнью. Точно также, как человек свой собственный характер познает полностью только в жизненных испытаниях, и характер народа следует определять по тому, как он себя ведет не только в мирной жизни, но и в моменты трагических переживаний. Только в такие моменты дают себя знать глубоко заложенные и в обычное время дремлющие навыки и эмоции. Тем не менее из всего этого не следует, что характер народа есть мистическая сушность, раз на всегда данная и доступная только особого рода интуитивному прозрению, как средству своего

познания. Мы видели, как образуются эти глубокие навыки и тенденции народной психики. Как бы глубоко они не были заложены в подсознательной области, они все же не составляют из себя чего либо субстанциального. Они являются результатом постепенного упражнения и навыка, оказываются прочным осадком пережитых исторических судеб.

Конечно, нельзя отрицать роли интуиции в процессе познания народного характера. Художественное прозрение может нам очень облегчить научное изучение характера народа. Художник создает яркие образы, в которых особенно рельефно может выделить те или иные особенности национальной психики. Кто хочет изучать русский национальный характер, много потеряет, если не примет во внимание образов, созданных интуицией Толстого, Достоевского, Глеба Успенского, Гончарова, Салтыкова и т. д. Но все это не исключает и не заменяет научного анализа. Одно дело, заметить ту или иную духовную черту и выразить ее в ярком образе, другое дело — произвести строго научный учет всех особенностей национальной психики и объяснить их появление и причины происхождения. Художественная интуиция может быть ценным подсобным средством для научного исследователя, может обратить его внимание на разные стороны вопроса и облегчить их понимание. Но к ней следует относиться все же очень осторожно. Дело в том, что художник не связан обязанностью говорить только о том, что имеется в действительности. Он свободен в своем творчестве и может создавать образы идеальные и даже фантастические. Поэтому данные художественной интуиции без предварительной проверки не могут быть использованы ученым. Ученый сперва каким то другим методом должен установить, что из себя представляет в эмпирической действительности национальный характер и затем уже уяснять себе ту или иную черту его по художественной литературе, в которой эта черта изображается средствами художественного творчества.

Что же касается специально мистической интуиции, проникновения в глубины бытия путем особого самоуглубленного созерцания, то и этот метод для науки не годится, в виду того, что здесь отсутствует ясно выраженный логический контроль за познавательными операциями. Показаниями мистиков ученый также может пользоваться, но должен принять особые меры против той субъективности, которая может в них заключаться. Следовательно, и этот материал может быть только подсобным, но не основным и первоначальным.

Остается, как мне кажется, только один путь, единственно надежный и правильный. Этот путь логически выте-

кает из самого понятия национального характера. Национальный характер, как мы видели, сводится к той сумме духовных навыков, тенденций и наклонностей, которые выработались в общественной группе в результате общих исторических судеб, пережитых в определенной географической среде. Национальный дух есть явление социальной психологии. Он находит свое проявление в массовых действиях, в том, как данная группа реагирует на свои общие судьбы, как она делает и воспринимает свою историю. Поэтому и изучать национальный дух следует именно *по массовым процессам*, по тому, как народные массы ведут себя в разные моменты своей истории и какие они создают продукты своего коллективного творчества. Если брать все эти процессы и продукты сравнительно с такими же процессами и продуктами других аналогичных масс, то особенности каждой массы станут заметными для исследователя и могут быть сгруппированы ими в целое национального характера. Метод *сравнительно-исторического изучения* является основным методом изучения психологии национальностей и областей.

Прежде всего рассмотрению подлежат самые исторические *процессы* в их динамическом развертывании. При этом надлежит изучать народ и в мирном, сравнительно покойном состоянии, и в эпохи бурные и критические. Как народ мирно строит свою материальную, духовную и социальную культуру, какие он особенно любит применять приемы воздействия на окружающий физический мир, какие у него существуют излюбленные системы воспитания и образования индивидов, как он приступает к своему социальному строительству, — все это является очень показательным для народного характера. Если мы возьмем, напр., древних римлян или современных англичан с их уважением к старине, с их нелюбовью к радикальной ломке старых учреждений и присутствием им стремлением поправлять и дополнять их путем постепенных улучшений и пристроек, и сравним их хотя бы с той манерой, которую проявляли в своем политическом строительстве французы со времени своей Великой революции, то разница получится большая и весьма наглядная. Эта характеристика будет очень дополнена тем материалом, который доставит изучение критических моментов в жизни народов. Как народ ведет свои наступательные и оборонительные войны, как он переживает революции, как он реагирует на образцы для подражания, которые открывает ему знакомство с чужой культурой, все это будет весьма характерно для каждой народной массы. Мы увидим, что везде в этих случаях в истории многое повторяется, но каждым народом повторяется на свой особый лад.

Далее следует заняться изучением устойчивых *продуктов* народного творчества. При этом особенно показательными будут произведения именно массового творчества, в которых мы не встречаемся с индивидуальными творцами и яркими именами, но где все члены народа являются одновременно изобретателями и подражателями, где все они вносят свои скромные вклады, так что в результате получается такой продукт, у которого индивидуального творца нет. К этой категории относится прежде всего язык, в котором, конечно, отражается психология народного мышления и чувствования. Требуется работа филолога, чтобы наметить основные особенности каждого языка или областного диалекта, буде данная национальность или область располагает таковыми. Затем дело социального психолога проследить, как отразился национальный или областной дух в этих лингвистических особенностях, в какой связи стоят они с общим характером данной группы и ее историческими судьбами.—Далее ценный материал может дать изучение народных верований. В том, какие представления народ создал о добрых и злых силах, какие культы и обряды он выработал для обращения с ними, в значительной степени отразится то обстоятельство, каковы сами народные массы, которые эти представления и обряды создавали. Ведь более или менее общепризнанной истиной является то, что человек представляет себе божество по аналогии с самим собою. Вся область юридических и политических учреждений доставит следующую группу весьма важных данных. И притом наиболее поучительными будут такие учреждения и нормы, которые появились путем обычая, а не путем закона, потому что в обычном праве народная психика находит себе более непосредственное выражение, чем в законах, на которых сильнее может отражаться влияние той или иной сильной и оригинальной личности, принявшей особенно деятельное участие в составлении закона. Народная поэзия является новым критерием суждения о национальном характере. Достаточно сравнить народные песни малороссов и великороссов для того, чтобы наглядно видеть, насколько различны могут быть приемы и продукты художественного творчества даже у таких, очень близких друг к другу национальностей. Обильный материал для характеристики национального духа дают народные пословицы и поговорки. Здесь важно прежде всего их содержание, так как в нем выражается реакция народной мудрости и чувства на разные вопросы, которые ставит жизнь. Но возможно и известное количественное обследование. Вопросы, по поводу которых сложилось наибольшее количество пословиц, очевидно, наиболее занимают народную мысль и наиболее за-

девают народное чувство. Просматривая сборники пословиц вроде известной работы Иллюстрова, можно сделать интересные наблюдения в этом направлении.

Не следует оставлять без внимания и экономический быт, а также материальную технику. Какие занятия являются преобладающими, какие формы хозяйственного строительства выбирает народ с особенной любовью, какой характер он придает своим постройкам, орудиям и иным предметам материального быта, все это может быть очень показательным для доминирующих в народной психике тенденций.

Если суммировать данные, полученные всеми этими путями, то должна получиться яркая картина особенностей именно массовой психики. Здесь мы будем иметь дело не с какимнибудь воображаемым только „средним человеком“, но с совершенно реальной величиной, которая выступает действенным фактором в историческом процессе. Массовые духовные переживания и движения не составляют научной абстракции. Общество людей, находящихся во взаимодействии, не есть простая сумма этих людей. Процессу общения присуща своя закономерность и он создает такие продукты, которые не могут быть делом одного человека. Изолированный человек не создал бы языка, так как он не был бы ему и нужен; язык есть результат взаимодействия людей, в котором все изобретают и подражают чужим изобретениям. Не создал бы он и права, религиозного общественного культа, не он был создателем и народной поэзии, не имеющей определенных индивидуально авторов, в процессе создания которой участвовали своими поправками и дополнениями многие люди. Все подобные продукты своим творцом имеют общество с присущей ему закономерностью, представляют собой своеобразный синтез творчества находящихся во взаимодействии человеческих психик. Сам Зомбарт, предложивший метод построения „среднего человека“, на деле в своей монографии совершенно этого метода не применяет. Он идет, в сущности, именно намеченным только что путем. Для выяснения национальных особенностей евреев он прослеживает их массовые действия и судьбы народных масс. Тем же методом разрабатывает он в другой своей монографии вопрос о классовых особенностях буржуазии. Иного метода в вопросах социальной психологии по существу дела и быть не может.

Когда этим путем получена уже характеристика народа, тогда наступает момент для привлечения к делу того материала, который могут дать великие люди, а также художественная и мистическая интуиция. На основании полученных уже выводов мы можем судить—какие именно великие люди

действительно были яркими выразителями тех или иных сторон народного характера. На них, может быть, мы увидим соответственные черты с особой выпуклостью и рельефностью. При наличности таких предпосылок этим материалом можно воспользоваться с большой пользой для дела. Точно также художественные и мистические проникновения теперь могут быть освобождены от присущей им суб'ективности и использованы для углубления и расширения полученных основным методом выводов. Все то, что сообщали о „душе народа“ беллетристы, поэты, публицисты, проповедники, может оказаться очень ценным материалом. Но только предварительно все это должно выдержать испытание в об'ективности и научной достоверности.

Для характеристики народа следует пользоваться не только показаниями о нем его родных писателей и деятелей, но и показаниями *иностранцев*, конечно, также только в качестве вторичного, подсобного материала. Иностранцы, с одной стороны, не могут проявить такого глубокого и интимного знакомства с жизнью народа, как человек, который сам к нему принадлежит, с самого раннего детства с ним сроднился и проникся народным духом. Многие для иностранца останутся чуждым и непонятым, многое им не будет замечено, многое будет ложно истолковано. Но, с другой стороны, иностранец подходит к народу с особой силой восприятия, которая определяется новизной наблюдаемого сюжета. Психология нас учит, что внимание возбуждается новизной и непривычностью, тогда как все привычное часто нами не замечается и не привлекает к себе нашего внимания. Поэтому иностранцы могут обратить внимание на такие черты народного быта, мимо которых безучастно проходит член народа.

Что касается, в частности, *областной* психологии, как уже отмечено, ее изучать еще труднее, чем психологию национальности, потому что ее черты не могут быть так ярко и широко выражены, как черты национального характера. Каждая область будет отличаться тем большим количеством особенностей, чем оригинальнее ее этнографический состав, чем своеобразнее ее географическая обстановка и чем самостоятельнее были ее исторические судьбы. Тем не менее всюду мы должны встретиться с местными особенностями и всюду мы должны стараться научно разобраться в них методами аналогичными тем, которые были намечены нами для изучения национальных особенностей. И здесь мы должны принять во внимание особенности местного диалекта, особенности религиозных верований, культов и сект, особенности правовых учреждений и норм, народной поэзии, пословиц и поговорок, экономического быта и материальной техники и т. д.

Между прочим, ценный материал для изучения областной психологии должно представить наблюдение приемов и способов кооперативного строительства в каждой данной области. Ведь кооперация по самому существу своему предполагает добровольные соединения людей и свободную их деятельность в изыскании и построении тех внешних общественных форм, которые отвечают поставленным кооперативным задачам. Кооперация идет не тем путем, что она пересоздает внешние учреждения с тем, чтобы потом воспитать пригодных для них людей, но тем путем, что она стремится создать в людях надлежащее настроение солидарности с тем, чтобы проникнутые кооперативными стремлениями люди сумели затем найти подходящие формы общественной организации. Поэтому кооперативное строительство должно отличаться гибкостью и индивидуализацией. Каждая профессия, каждый общественный класс, каждая область, каждая национальность должны создавать для себя практикой жизни наиболее подходящие для них формы кооперативного объединения. Поэтому *областная автономия вытекает сама собой из основных принципов кооперативного движения*. С одной стороны, кооперативные центры не должны стеснять автономии областей в кооперативном строительстве, с другой стороны кооперативная теория должна зорко присматриваться к особенностям кооперативной жизни и строительства в каждой данной области, чтобы учитывать эти особенности при направлении путей общей кооперативной политики. А для чистой науки изучение особенностей областной кооперации должно дать очень ценный материал фактов, которые могли бы уяснить исследователю особенности областной психологии. Наука и практика в данном случае, как и во всех других, должны идти рука об руку и оказывать взаимную помощь.

Что касается *систематизации собранного материала*, то по моему убеждению, основные рубрики социальной психологии не отличаются от рубрик индивидуальной психологии. Как при изучении характера отдельного человека нам приходится говорить об ощущениях, представлениях, мышлении, чувствовании и воле, так и в социальной психологии мы имеем дело с процессами восприятия и мышления, с чувствованиями и волевыми актами. Только здесь все это совершается в порядке взаимодействия людей и подлечит социальной закономерности. Общественное чувство складывается путем взаимного подражания и заражения людей и может достигать высокой степени напряжения, так как на этой почве эмоции усиливаются. Поэтому толпе свойствен панический ужас там, где одиночный человек просто испугался бы, или

местное бешенство, доходящее до полного самозабвения, там, где одиночный человек просто рассердился бы. Собрание принимает свои решения не в результате борьбы мотивов, которая происходит в психике отдельного человека, но в результате обмена мнений, более или менее сложных споров и голосований, которые совершаются социальным путем; но эти решения также готовят волевые акты, как и решения индивидов. Самые акты совершаются путем согласованного действия отдельных индивидов. Описывать в пределах настоящей статьи все эти процессы было бы неуместно и невозможно. Для ознакомления с ними существует специальная литература по социальной психологии. Автору настоящей статьи, к сожалению, по техническим условиям не удастся опубликовать давно уже готовый к печати второй том его „Социологии“, который посвящен характеристике этих процессов.

Выясненные исследователем особенности национальной или областной психики должны быть *научно объяснены с точки зрения своего происхождения*. Это объяснение должно учитывать, главным образом, действие следующих трех основных факторов. Во первых, фактора этнографического, т. е. того расового состава, из которого сложилась данная национальность. Под рассами я разумею те разновидности людей, которые отличаются анатомическими и физиологическими особенностями, отражающимися и на духовном укладе. Разработка расового вопроса еще не очень далеко подвинулась в современной антропологии; сверх того и расовый состав той или иной национальности не всегда может быть с точностью выяснен по имеющимся историческим источникам. Вторым фактором является географическая среда, о социально психологическом значении которой общие сведения даны в упомянутой уже статье моей об области, как факторе социальной психологии. Наконец, третьим фактором является история народа. С принятой мною точки зрения не народный характер создает историю народа, но он сам представляет собой продукт этой истории. Ни один народ не начинает свою историю со вполне сложившимся характером. Имеются только известные этнографические и географические предпосылки этого характера. В процессе истории уже выковывается определенный характер народа, образуются составляющие его навыки и тенденции. Сформировавшись, народный характер в свою очередь становится важным фактором истории народа. Поэтому очень интересно выяснить путем исторического изучения, в какой последовательности проявляли свое действие в истории те или иные черты народного характера, в какой

момент и под влиянием каких обстоятельств пробудилось в народе его национальное самосознание. Как в биографии индивида важное значение имеет, во-первых, тот момент, когда ребенок себя осознает, как самостоятельную личность, перестанет говорить о себе в третьем лице и начнет пользоваться местоимением первого лица, а затем тот момент, когда юноша начнет разбираться в своих личных свойствах и наклонностях и выяснять свое призвание и мировоззрение, так важно проследить аналогичные моменты и в эволюции тех коллективных личностей, которыми являются социальные группы, в особенности такие устойчивые и сплоченные, как национальности и некоторые ярко выраженные области.

Если исследователю с помощью подведения под эти факторы удастся выяснить генезис отмеченных им особенностей национального или областного характера, то он может считать поставленную им себе задачу законченной, поскольку вообще может быть закончена какая бы то ни было деятельность человеческого духа. Конечно, работа каждого исследователя будет пополняться и проверяться его продолжателями, но каждое добросовестно и со знанием дела проведенное изыскание будет нас приближать к истине и будет обогащать не только теоретическими сведениями, удовлетворяющими нашей любознательности, но и данными, без которых немислимо поставить на прочную почву никакое практическое строительство.

Наше отечество, переживающее в настоящее время эпоху радикального переустройства всего своего политического и социального уклада, более, чем когда нибудь, нуждается в самом основательном изучении национальных и областных особенностей своего населения. Много в этом отношении, как указано было выше, может сделать областная кооперация и создаваемые ею учреждения научного и практического характера. Заканчиваю поэтому свою статью искренним пожеланием успеха русской областной кооперации.

В. М. Хвостов.

Областное творчество, как один из методов организации современного общества.

I.

Уже война показала, что строительство экономической жизни не может сохранить ни своего прежнего плана, ни своего прежнего направления, ни своего прежнего темпа. Революция, которая безвозвратно разбила почти все старые важнейшие связи и обратила почти весь экономический строй страны в какую-то безформенную массу, властно взывает ко всем живым силам народа о необходимости самого энергичного, — сознательного или бессознательного, — творчества новых экономических отношений, форм, центров группировок. Ясно, что не только реестр экономических фактов, но и самое распределение экономических явлений, самая карта экономической жизни, изменится коренным образом в кратчайшее время. И мысль невольно стремится хоть немножко забежать вперед, предугадать предстоящий процесс и таким путем облегчить трудные роды нового экономического порядка. Присматриваясь к этим течениям мысли, мы невольно замечаем два совершенно различных типа решения поставленных вопросов: один мы склонны были бы назвать *геометрическим*, другой *органическим*. В первом случае намечается одна общая схема, отысканная человеческой мыслью и предложенная жизни к выполнению; во втором, напротив, экономическая жизнь страны признается чем-то неприложным, объективно существующим, обладающим своими собственными законами, с которыми должен сосчитаться всякий полет мысли и перед которым должны замолкнуть часто самые задушевные наши желания. Это — два прямо противоположных уклона мысли, и в зависимости от того, какой из них будет принят в том или другом случае, разворачивается и весь подбор фактов, и вся группировка аргументов, и весь ряд выводов. Значит, и для нашей темы, пытающейся поставить вопрос об областном строительстве на социологический фундамент, важнее всего выяснить, какой же из вышеуказанных методов мышления, —

геометрический или органический,—мы считаем для себя обязательным и почему. Но прежде чем перейти к обсуждению вопроса по существу, постараемся показать применение обоих методов к одному случаю общественного строительства, к распределению территории в интересах решения того или другого общественного вопроса.

Совершенно недавно под руки мне подвернулась небольшая провинциальная книжечка с следующим титулом: „Доклады и постановления 4-го Витебского губернского с'езда земельных отделов, состоявшегося с 12-го по 15-е апреля 1919 г. Витебск 1919 г.“ В этой книжечке, с первого взгляда ничем не отличающейся от подобных же бесчисленных провинциальных изданий, мы натываемся на чрезвычайно последовательное, доведенное до последних крайностей применение „геометрического метода“ в приложении к важнейшим вопросам социального характера. Дело здесь идет о таком перераспределении трудового населения, при котором наиболее были бы обеспечены интересы социалистического хозяйства. Соответствующие мысли изложены в докладе Витебского Губернского Землеустроительного Отдела вышесказанному с'езду и им не только одобрены, но и рекомендованы вниманию высших центральных советских властей. Таким образом мы в данном случае имеем перед собой результаты не индивидуального, а коллективного творчества, что, конечно, еще больше повышает интерес к данному проекту. Перейдем к его существу. Для избежания неточностей будем говорить языком доклада, останавливаясь на наиболее типичных его частях.

„Новый мир,—говорится в этом докладе,—должен быть построен на той же земле, на которой стоял и капиталистический, но при этом окровавленная земля должна быть очищена от капиталистического мусора, а ямы и ухабы должны быть засыпаны. Из развалин старого строя в качестве строительного материала для нового мира должны быть взяты одни лишь вечно не гниющие камни.

„Российская Социалистическая Революция, сметая на своем пути все старое и отжившее, одновременно создает и новые формы жизни. Но новые формы жизни требуют и новых хозяйственных основ... Для этого *весь мир* (курсив наш) должен быть разбит на участки земли по возможности идеальной для сельско-хозяйственного пользования формы. Такой формой является *квадрат*. Если принять один квадратный километр за единицу коммунального хозяйства 100 гекторов (или около $91\frac{1}{2}$ дес.), то четыре таких квадрата составили бы большую коммуны (пл. 400 гектор), в центре

которой были бы возведены все жилые и хозяйственные постройки и сооружения. Здесь возможна была бы наилучшая комбинация выгодных сторон организации крупного и мелкого хозяйства. Квадрат со стороною в 10 километров, по которой расположится 5 больших коммун в ряд или 10 малых, составил бы второе хозяйственное объединение — „волость“ (100 кв. кил.). В него бы вошло 25 больших коммун или 100 малых. В центре такового квадрата возможно было бы устройство фабрично-заводского городка, где сосредоточилась бы культурная и промышленная жизнь и где наилучше могли бы использовать свой труд все незанятые в данный момент в сельском хозяйстве рабочие руки. Такая организация коммунального хозяйства, в виду сезонности сельскохозяйственных работ, была бы наиболее целесообразной и дала бы возможность наиболее производительно организовать и использовать труд с применением опыта науки и техники. Дороги могли бы быть проложены по границам коммуны и по экономии волостного квадрата. Последние соединили бы фабрично-заводские городки, создали бы сеть новых больших квадратов, под углом в 45° к основным, которая могла бы быть широко использована для различных технических и научных соображений. Это дало бы идеальную дорожную сеть с наименьшим расходом на нее земли“.

„Квадрат со стороною 100 км., по которой расположится 10 таких волостей—объединений, дал бы третью форму объединения в 100 волостей. Это объединение могло бы быть принято за округ коммунистического хозяйства, с образованием в нем крупного фабрично-заводского центра. Таким образом мы получили бы разбивку всей земли на квадраты со сторонами 1, 10 и 100 километров, и с промежуточными — между первым и вторым квадратом,—со стороною в 2 км. Другие промежуточные квадраты и объединения не исключаются, как равно не исключаются в случае надобности и большие квадраты и высшие хозяйственные объединения“.

Автор доклада отнюдь не предполагает насильственного размещения населения по этим квадратам. Эти квадратные ячейки прежде всего дадут исход тому коммунальному движению, которое, по мнению автора доклада, „стихийно клочечет в деревнях“. Остальное уже приложится само собою.

Достаточно сказано, „чтобы“ освоиться с сущностью того геометрического метода, о котором здесь идет речь. Конечно, многое в этом проекте распределения *всего мира* на квадраты с дорогами по сторонам и диагоналям вызывает улыбку своей наивностью, но эта наивность не мешает тому, что в данном случае мы имеем дело с крайними проявле-

ниями того метода, который веками находил себе приложение в практике бюрократии чуть ли не всего мира. В самом деле, возьмите хотя бы наши опыты распределения территории русской земли на губернии и области. Разве не этим самым „геометрическим методом“, считающимся главным образом с линейкой и карандашом, пользовался Петр Великий при административном делении России? И разве многое изменилось в приемах административного деления Екатерины II, когда указанный геометрический метод должен был отступить перед статистическим, столь же отвлеченным, столь же головным и столь же далеким от живой действительности со всем разнообразием ее красок и отношений. Нет, рассмотренный здесь проект — не случайность: он ясно выраженный образец устойчивого уклона мысли, которого держится человечество в решении важнейших вопросов распределения территории в интересах управления или использования сил и даров природы.

Но этому подходу к пестрой действительности с той или другой схемой, дедуктивно построенной из той или другой теории, жизнь, где ей удастся властно заявить о своих правах, противопоставляет свой метод учета сложного комплекса фактов, часто не поддающегося ни схеме, ни теории. Для более точной формулировки и выяснения своей мысли остановимся также на одной чрезвычайно важной территориальной сети, которая к нашему времени развернута историей в нескольких любопытных случаях. Мы имеем в виду здесь ту сеть государственных территориальных единиц, которые слагались в федеративные союзы. Здесь перед нами уже нет какого-то преднамеренного (по крайней мере, по отношению к отдельным частям территории) плана; здесь в одну общую территориальную сеть связывался тот материал, который предлагался историей без всякого сознательного и планомерного воздействия человека. Присмотримся же повнимательнее к этой стихийно зарождавшейся и формировавшейся территориальной сети и сравним ее с тем, что дает нам в этом отношении территориальная схема, когда она является плодом ума человека.

История знает три знаменитых федерации, которым суждено оставить глубокий след в жизни человечества: Швейцарскую Республику, Северо-Американские Соединенные Штаты и Германскую Империю. Присмотримся к составным частям, по крайней мере, двух из этих федераций с точки зрения планомерности и геометрической или статистической стройности их частей.

Возьмем сначала знаменитого карлика федеративного мира—Швейцарскую Конфедерацию. Она состоит из 22 кантонов. Одинаковы ли по территории составные части этого маленького, но крепкого государственного тела. Нет, как ни малы в среднем отдельные кантоны Швейцарской Конфедерации (общая площадь ее ведь равняется приблизительно нашей Полтавской губ.), величина их по площади изменяется очень значительно; так, территория кантона Женевы равняется 100 квадратным милям (а Цуга даже 92 кв. мил.), тогда как кантоны Берн и Граубюнден каждый имеет до трех тысяч квадратных миль, а в общем два этих кантона занимают более трети всей территории Конфедерации. То же самое приходится отметить и относительно распределения населения: в кантонах Глярусе, Ури, Швице число жителей колеблется от 20 до 30 тысяч душ, тогда как в кантонах Цюриха и Берне мы имеем в каждом не менее 1½ миллиона душ жителей.

Не меньший контраст представляют в данном отношении и Северо-Американские Соединенные Штаты. Так территория штата Род Айленда имеет поверхность в одну тысячу квадратных миль, штата Коннектикут—около пяти тысяч, штата Нью-Джерси около семи с половиной тысяч, тогда как штаты Колородо и Невада имеют каждый более 100,000 кв. миль, Калифорния—более 150,000, а Техас—262,000 (т. е. один превышает территорию всей Франции). Не меньшие колебания представляет и распределение населения по штатам: так штат Нью-Йорк насчитывает до 7½ миллионов душ (т. е. имеет больше населения, чем Греция, Дания и Норвегия, взятые вместе) и штат Пенсильвания с 6½ миллион. жителей, тогда как штат Айдего имеет 162 тысяч жителей, а штат Ута всего только 43 тысяч жителей.

Итак, возьмем ли мы политического карлика Швейцарскую Конфедерацию или политического великана Северо-Американские Соединенные Штаты,—две знаменитых государственных единицы, сложившиеся в стройное историческое целое путем добровольного соглашения, мы в обоих случаях встречаем чрезвычайное разнообразие частей, которые затем в качестве совершенно равноправных членов вступают в одно государственное целое. И не следует думать, чтобы эта пестрота составных частей не являлась своего рода камнем преткновения для всего процесса органического слияния этих обособленных единиц. Один из лучших знатоков у нас истории и конституции Северо-Американских Соединенных Штатов П. Г. Мижуев пишет: „Во второй половине XVII века контраст между размером и населенностью отдельных амери-

канских колоний Англии, поднявших восстание против своей метрополии и после успешного окончания этого восстания образовавших федеральное государство, этот контраст был далеко не так велик, как теперь, но все-таки и тогда был значителен. Поэтому составителям действующей до ныне федеральной конституции, — т. е. основных законов, регулирующих относительные права федерации и отдельных ее членов (штатов), — пришлось употребить много времени и труда, чтобы притти к какому нибудь соглашению относительно организации федерации вообще и федеральной законодательной власти в особенности. В самом деле, с одной стороны надо было удовлетворить весьма естественному притязанию более населенных штатов на некоторые преимущества в отношении влияния на законодательство республики, с другой стороны — надо было предоставить штатам со сравнительно весьма малочисленным населением достаточную гарантию в том, что без их согласия нельзя будет осуществить никаких нужных законодательных мероприятий¹⁾.. И тем не менее не было и речи о том, чтобы у кого что нибудь отрезать, к кому-нибудь что-нибудь прирезать, выровнять жизнь на основании каких-то геометрических и статистических отвлеченных признаков, которых не знает сама жизнь в своих индивидуальных проявлениях. Предпочитали вести долгие споры, выдвигать ряд проектов, углублять изучение вопросов, но брать исторические факты такими, какими они были изготовлены внутри истории. И в этом-то несомненно оказался залог того, что получилось не только стойкое, но и мощное новое государственное единство.

Какой же урок должны мы извлечь для нашей темы из серии только что рассмотренных фактов?

Да тот, что в областном строительстве мы должны идти не от каких-либо надуманных схем, в которых так легко теряются не только все краски жизни, но и весь ее смысл, а от фактов реальной действительности. Пусть эти факты будут пестры, несоразмерны, пусть они не подчиняются надуманной схеме, пусть они представляют собой беспорядок, но пусть все они будут плодом истории, порождением текущих нужд. Опираясь на эти жизненные факты, а не на какую-то социальную геометрию, мы придем к правильному областному строительству. К строительству этому надо подходить, следовательно, не сверху от положений, состряпанных в московской или иной центральной кухне, а снизу, от фактов, выношенных провинцией. Не *геометрически* строить область, а *органически*.

¹⁾ „Главные Федерации современного мира“ С.-Петербург—1907 г. стр. 161.

Какие же факты выдвигает жизнь на первый план для этого органического строительства?

II.

Война расслабила, а революция окончательно разорвала все старые экономические связи. Для новых экономических отношений намечаются новые притягательные центры, географическое распределение которых будет диктоваться необходимостью принять в расчет все требования экономии сил и средств, без чего наша страна еще долго не выйдет из состояния разлухи и распада.

Особенно глубокие изменения в ближайшее время следует ожидать в области промышленности. Промышленная карта нашей родины немедленно же подвергнется глубочайшим изменениям уже по одному тому, что, залечивая полученные раны, жизнь прежде всего постарается исправить те исторические несообразности, которыми особенно богата наша промышленная история. Вот что мы читаем у лучшего знатока данного вопроса,—у недавно скончавшегося проф. Гриневецкого ¹⁾. „Распределение предприятий и даже целых отраслей промышленности обуславливается у нас не столько современными условиями рынка и снабжения, сколько историческим процессом. Так, почти вся металлургия Урала и Центра приурочила расположение заводов к источникам водяной силы, ныне играющим совершенно незаметную роль в заводском хозяйстве. Определенный экономический план можно видеть в расположении Сормовского завода на Волге и меднопрокатного завода в Туле, но расположение Брянского завода в Бежице и меднопрокатных заводов Кольчугина во Владимирской губ. является историческим наследием второстепенных экономических причин. Концентрация текстильной промышленности в Центре, вдали от такого сырья, как хлопок, шерсть и шелк, вдали от минерального топлива, объясняется историческим процессом, с одной стороны, и выгодами в отношении труда, в смысле его дешевизны, избытка и заготовки—с другой. Здесь имеются если не все, то главнейшие экономические основания для такой концентрации. Но расположение металло-обрабатывающей промышленности в Петрограде находит себе объяснение в искусственной концентрации там казенных заводов и военно-морских заказов, причем как экономические, так и чисто военные соображения во многом противоречили этому. Не менее искусственным явилось рас-

¹⁾ „Послевоенные перспективы русской промышленности“. Москва 1919 г., стр. 139.

положение стеариновых и рафинадных заводов в Петрограде и Москве. Неудачным оказалось впоследствии и расположение заводов сельскохозяйственных машин в Херсонской губ., перешедших по насыщению южно-русского рынка к работе на сибирский. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни. Если в Германии, Англии или Бельгии расстояния доставки сырья и топлива обуславливали часто характер развития промышленных районов, то это должно было бы еще гораздо резче оказаться в России с ее громадными пространствами. Между тем историческая инерция в развитии промышленности сказалась у нас, в сущности, значительно сильнее, чем в более старых промышленных странах Запада. К этому еще прибавилось сильное влияние искусственной концентрации казенных заказов и почти искусственные меры в области транспорта. В общем расположение русской промышленности по районам, особенно в отношении транспорта, снабжения сырьем и топливом, должно будет подвергнуться *коренным изменениям*“.

Этот процесс преодоления исторической инерции в плане построения нашей возрождающейся промышленности обещает приобрести тем большую напряженность, что не только исторические, но и естественно-исторические предпосылки нашей промышленности должны будут подвергнуться в ближайшее же время самой решительной ломке. Говоря об естественно-исторических предпосылках нового плана нашей промышленности, мы, конечно, имеем в виду главным образом вопросы о каменном угле, как основном топливе для транспорта и главнейших отраслей фабрично-заводской деятельности. До сих пор топливным нашим фундаментом являлся Донецкий край. Это был каменноугольный резервуар и почти общероссийского значения. С. А. Гецов в статье: „Экономические интересы России в Донецком бассейне с точки зрения вопроса о границах с Украиной“¹⁾ говорит: „Обращаясь к цифрам, хотя бы за последние несколько лет, мы можем сравнить данные о выплавке чугуна на Юге, Урале, который после Донецкого бассейна считается важнейшим центром, и Центральном районе, снабжавших нас продуктами металлургической промышленности. И что же мы видим? С 1915 г. по 1912 г. выплавка чугуна на Юге прогрессирует с 103 до 173 мил. пудов, т. е. на 70%. Уральская промышленность и Центральная в абсолютных цифрах ничтожны и далеко отстают в своем развитии, а частные находятся в положении полного застоя. Они не развиваются. Урал дал 41 мил. пуд.

¹⁾ Сборник „Ближайшие перспективы отношений России с Украиной“ М. 1918 г., стр. 45.

в 1905 г. и 51 мил. в 1912 г. Центр же дал в 1909 г. 4 мил., в 1912 г. 8 мил. Цитируемый нами автор указывает далее на размеры производительности железа и стали (Юг в 1905—68 мил. пуд., в 1912 г. —128 мил. пуд. рост 90%, Урал неизменно стоял на 39 мил. пуд., Центральный район за то же время 16 мил. и 20 мил. пуд.); на производство рельс, балок, сортового, районного и прочего железа (Юг—53 мил. пуд. и 102 мил. пуд.—рост на 98%, Урал и Центральный район вместе 29 мил. пуд. и 34 мил. пуд.—рост 16% и тоже 1905 и 1912 г.г.). Наконец, нельзя не отметить, что по добыче руды южный район является главнейшим нашим ресурсом: Юг давал около 350 мил. пуд., а все остальные районы около 130 мил. пудов.

Сохранится ли эта промышленная гегемония Юга и на ближайшее будущее? Позволительно, повидимому, сильно сомневаться в этом. Прежде всего состояние войны и революции оказало такое разрушительное действие на горное дело Юга, что о сколько нибудь быстром восстановлении этой промышленности хотя бы в прежнем масштабе, не может быть и речи. Некоторые знатоки горного дела склонны даже думать, что легче будет поставить здесь новые горные предприятия, чем восстановить старые. Но к этому присоединяются еще совершенно новые обстоятельства. Именно за последние годы на территории России выявились богатейшие запасы горючих веществ, часто высокой технической ценности. На первом месте здесь, конечно, придется поставить Кузнецкий район в Сибири с огромным количеством великолепных антрацитов при чрезвычайно облегченных способах залегания. Сейчас Кузнецкий район лежит совершенно в стороне от промышленной жизни страны, но достаточно нескольких разумно поставленных железнодорожных линий для того, чтобы он собрал вокруг себя обширную область и подчинил ее своим промышленным программам. Но Кузнецкий район не одинок в этом отношении. Совершенно недавно— всего летом 1918 г.,—в Среднем Поволжье в районе гор. Симбирска, открыты громадные залежи горючего сланца, прекрасного топлива для разнообразнейших отраслей фабрично-заводской деятельности. Сланцы эти залегают здесь на площади в 160 кв. верст на водоразделе Волги и Свияжи и общий запас их подчисляется не менее, как в 25 миллиардов п. Второе залегание таких же мощных сланцев—размерами до 20 миллиардов пуд. открыто по берегам Волги, возле города Сызрани. Наконец значительные запасы сланцев наметились в Северо-Западном углу нашей равнины. Все эти запасы расположены в хорошо заселенных местностях и примыкают либо к хоро-

шим водным артериям, либо к оживленным железно-дорожным линиям.

Что значит введение в оборот таких месторождений накопленного топлива для обширной области, об этом можно судить, хотя бы по судьбе Донецкого бассейна. Как только в семидесятых годах открылась здесь возможность производить разработку каменноугольных богатств, весь край преобразился до неузнаваемости. Обширные пустынные степные пространства, по которым бродили главным образом стада овец, с необычайной быстротой начали покрываться поселками, деревнями и целыми городами. Быстро возникла Юзовка, Никитское ртутное месторождение, Криворожская металлургическая промышленность и т. д. Екатеринослав из захудалого губернского городка превратился в крупный торгово-промышленный центр; степь оживилась и стала покрываться пашнями; железнодорожные пути пересекли страну из одного края в другой; один промысел являлся толчком для ряда новых; население быстро росло; капиталы были заложены здесь государством и прилили из-за границы. Таким образом быстро была вызвана к жизни новая и чрезвычайно своеобразная область с своими особыми нуждами и запросами. Этот процесс на Юге России может смутить показателем того, что ждет нашу родину в целом ряде пунктов, где естественно-историческими богатствами предопределены новые центры промышленной жизни.

Но этот процесс образования новых промышленных центров будет разворачиваться с усиленной быстротой не только потому, что возрождающаяся промышленность будет энергично продвигаться к источникам сырья, вырываясь из старых часто совершенно неестественных для нее условий и не только потому, что образуются новые мощные узлы промышленной жизни под влиянием новых областей разработки горных богатств, но и под влиянием других чрезвычайно важных причин. Из этих причин мы можем указать здесь на тот процесс рассасывания городов, который в настоящее время под влиянием городских бедствий протекает с чрезвычайной энергией (особенно на севере России). Это рассасывание городов приводит к массовому передвижению фабрично-заводских рабочих на восток России, более обеспеченный в продовольственном отношении, и таким образом в высокой степени облегчит процесс образования новых промышленных узлов. Несомненно тому же будет содействовать переработка всей нашей железнодорожной сети. Новые железнодорожные линии будут намечаться в настоящее время под сильнейшим давлением местных областных нужд, голос которых до насто-

ящего времени почти не принимался в расчет в истории нашего железнодорожного хозяйства.

Наконец, как только жизнь немного войдет в берега, с величайшим напряжением должен будет развернуться в сельском хозяйстве колонизационный процесс, который наложил такой решительный отпечаток на всю историю нашего народа. Не надо забывать, что он начинает разворачиваться со всеускоряющимся темпом с эпохи освобождения". История России,—говорит В. О. Ключевский,—есть история страны, которая колонизируется... То падая, то подымаясь это вековое движение продолжается до наших дней. Оно усилилось с отменой крепостного права, когда начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь до берегов Тихого океана. Во второй половине XIX в. когда только начиналась русская колонизация Туркестана, там водворилось уже свыше 200 тысяч русских и в том числе около 100 тысяч образовали до 150 сельских поселений, составившихся из крестьян-переселенцев и местами представляющих значительные острова почти сплошного земледельческого населения. Еще напряженнее переселенческий поток в Сибирь, до 1880-х годов не превышавший 2000 человек, а с 1896 г., благодаря Сибирской железной дороге возросло до 200,000 человек. Все это движение, идущее преимущественно из центральных черноземных губерний Европейской России, при ежегодном полутраммиллионном приросте ее населения, пока еще кажется малозначительным,—но со временем оно неминуемо отзовется на общем положении дел не маловажными последствиями". ¹⁾ Это время наступило теперь уже в силу одного того, что мы прочно входим в полосу твердого воздействия трудовых масс на государственную политику. Благодаря этому, стихийное колонизационное движение, столь типичное для предыдущих эпох нашей истории, превратится в планомерное и непрерывно растущее до тех пор, пока обширные запасы земель Западной Сибири, Степного Края и Юго-Востока Европейской России не будут в достаточной мере использованы в интересах земледельческого населения.

Все эти разнообразные и мощные процессы заставляют нас думать, что образование новых центров промышленной, сельскохозяйственной и культурной деятельности в ближайшее время самым резким образом отразится на всей эконо-

¹⁾ „Курс русской истории“ ч. I. Петроград 1918 г. стр. 24—25.

мической, бытовой и культурной карте нашей родины. Линии натяжения раскинутся самым неожиданным и причудливым образом то вокруг старых подновленных центров, а не то еще чаще вокруг новых узлов жизни, которые мы своим слабым историческим зрением едва—едва в настоящее время способны отличить или выпускаем их из поля своего зрения совершенно незамеченными. И не надо думать, что для перераспределения линий натяжения необходимы только такие грандиозные факты, как открытие нового горного района. Нет, явления побочные и часто сравнительно скромного значения, в роде какойнибудь железнодорожной,—даже второстепенной ветви, коренным образом изменяют всю картину экономической жизни данной области, выключая из оборота одни пункты и вставляя другие, покидая давно наезженные дороги и выбираясь на новые, еще необорудованные пути, оставляя старые связи и заводя новые знакомства. Поучительной в этом отношении представляется мне следующие странички из жизни Алтайского Края. 1). Едва установилось движение по вновь выстроенной Алтайской дороге, как сразу почувствовалось, что жизнь в большом районе начала перестраиваться в новых направлениях. Прежние города и паромные пристани заметно опустели. Сотни возов с разнообразными продуктами, которые раньше заполняли рыночные площади этих пунктов, проходя гужевыми дорогами по сто и более верст, потянулись теперь в других направлениях,—к новым железнодорожным станциям. Но вместе с тем нельзя было не заметить, что эта перегруппировка центров не могла сразу принять нормальных форм и поставить сложное дело товарообмена в нормальное русло. Оказалось, что тот торговый аппарат, который снабжал деревню фабрикатами, не мог раскинуть свои силы по всему протяжению железной дороги, а может быть, даже и не был в этом заинтересован. Таким образом получился разрыв между двумя процессами объединившимися в прежних торговых пунктах: процесс сбыта с. х. продуктов и процесс снабжения населения произведениями фабрично-заводского производства. Местная Союзная Кооперация, как наиболее чуткий экономический аппарат, быстро ощутила ненормальность данного положения и пошла навстречу новым запросам жизни. Уже в июле 1916 года районное совещание представителей Кр. Т-в высказалось за необходимость образования новых объединений при железнодорожных станциях. Затем Центральный Кредитный Союз быстро увидел себя вынужденным открыть в соответственных местах перевозочные пункты и даже выстроить там собствен-

1) См. С. Смоленниково. «Известия Алт. Центр. Кр. С.» № 3. 1917 г.

ные складочные помещения. Затем решено было в определенных пунктах, связанных с новой сетью товарообмена, оборудовать районные склады запасных частей, а при некоторых из этих складов устроить центральные мастерские для ремонта сельскохозяйственных машин и орудий, а также оборудовать деревообделочные мастерские и лесопильные заводы.

Таким образом сразу развернулся сложный переплет разнообразных задач и интересов... А между тем причина— сравнительно умеренных размеров: новое окраинное железнодорожное полотно, пробегающее по малонаселенной местности лишенной сколько нибудь сносной нормальной сети гужевых дорог... Да ведь и эта цепь явлений, которые приведены нами здесь, оборованы нами в самом начале. Не трудно вообразить себе еще новые и новые экономические и бытовые отношения, которые с неизбежностью стали нарастать вокруг описанных фактов.

Какую же живую, непрерывно изменчивую сеть самых разнообразных интересов должна будет представлять экономическая жизнь нашей родины, когда со всей силой на всей ее шире будут развертываться мощные процессы восстановления экономических сил страны! Если, как мы видели, таким всеильным политическим организациям, как добровольно федерирующие государства приходится отступить перед пестрым, разнообразием отношений, сложившихся в ходе истории, и принять жизненные факты такими, какими их создала жизнь, не пытаясь вносить поправок, подсказываемых схематизирующим умом, то во сколько же опаснее,—мы сказали бы преступнее,—будет пытаться навязывать схемы, выработанные правительственными, или кооперативными, или иными общественными центрами и обязательными на все случаи живой действительности. Вот почему, по нашему убеждению, весь сложный процесс восстановления промышленной и сельскохозяйственной деятельности нашего народа должен проходить под знаком усиленной свободы местной жизни и под руководством областных организаций, размеры которых и объем действия и направление работы будет в каждом отдельном случае вырабатывать сама же местная жизнь.

III.

Мы рассмотрели процесс группировки нескольких экономических сил с точки зрения его сложности, причудливости и спешности. Нам необходимо указать еще на один момент, который еще больше осложняет ход объединения местных сил и ставит новые препятствия для новых попыток резю-

мировать и направлять это движение откуда то со стороны или сверху. Это именно тот факт, что одна и та же территория может оказаться ареной деятельности нескольких Союзов, из которых каждый естественно заключается в своих границах, не совпадающих с границами других Союзов.

В самом деле, возьмем хотя бы огромную площадь нашего северного хозяйства, раскинувшегося на супесях и суглинках. Если допустить, что хозяйство в своем развитии в ближайшее время вступит на путь единственно правильный для него,—развития специальных культур,—то оно должно будет развить перед нами несколько систем организованных хозяйств. В одной территориальной комбинации перед нами развернутся группировки молочных хозяйств, в другой, льняных, в третьей—картофельных (с их картофельными полями, приуроченными к специальным естественно-историческим условиям), в четвертой—садовых и т. п. Если припомнить всю причудливость границ этих специальных культур, которые часто зависят от прихотливого сочетания климатических элементов (наприм. лен); если учесть чрезвычайную „пятнистость“ многих из этих культур (наприм. площади картофельников или заливных лугов), то не трудно будет понять, что на новой—и без того сложной, подвижной и не выявившейся в достаточной мере,—картине местных экономических интересов будет наложены несколько новых рисунков, дающих совершенно неожиданные перекресты и сплетения местных интересов.

Ко всему этому надо прибавит еще одно важное соображение. Несомненно, что очередной задачей русской политической жизни будет реализовать требования политической федерации, и не сомненно также то, что многие из этих федеративных разделов в громадном большинстве случаев не будут совпадать с различными жизненными комбинациями экономических требований огромной страны, спаянной своими частями и в экономическом и в естественно-историческом отношениях.

В самом деле, федералистические группировки политического характера predeterminedены в большинстве случаев главным образом национальными моментами. В самом деле, здесь, повидимому, в полной силе останутся те самые формулировки, которые в свое время были даны у нас профес. Градовским. ¹⁾ Напомним их в их основным чертах. „Каждая естественная народность“, полагал он, „представляет некоторую собирательную личность, отличающуюся от других

¹⁾ Цитируется по Н. А. Рубакину: „Теоритическая постановка национального вопроса“.

особенностями своего характера, своих нравственных и умственных способностей, а потому имеющую право на независимое существование и развитие. Это разнообразие национальных особенностей есть коренное условие правильного хода *обще-человеческой* цивилизации". Во имя полноты этой то последней все народы и призваны к деятельности, к жизни, одинаково удаленной и от замкнутого отчуждения и от слепого подражания. Каждая народность должна дать человечеству то, что скрыто в силах ее духовно нравственной природы. *Народное творчество*.— вот последняя цель, указываемая каждому народу самой природой, цель, без которой не может быть достигнуто совершенство рода человеческого". Но вся эта декларация остается мертвой буквой во всех тех случаях, где отсутствует право данной народности на самостоятельное существование на собственную историю. А это в свою очередь в случае внешних отношений определяется „политическую самостоятельностью народа". Если признать, что данная формулировка будет служит фундаментом для всех построений в области политической федерации, то придется согласиться, что все они будут опираться не столько на текущий момент, главной задачей которого является рациональное собирание и разумное использование *ныне* действующих экономических сил, сколько на исторические предпосылки, предопределяющие то или иное состояние социальной психологии той или другой части нашей территории. Отсюда часто будет возникать глубокая несогласованность между линиями натяжения местных политических интересов и местных экономических интересов. Поясним нашу мысль несколькими примерами. Возьмите Северное побережье Черного и Азовского моря. Известно, что, следуя заветам политической федерации, выраженным в выше приведенных принципах, это побережье, по сколько оно входило в состав русских земель, стремится разбиться между тремя политическими телами, ищущими выхода к морю по главнейшим рекам степного края и вытягивающимися своими продольными осями с севера на юг. Это именно—область Войска Донского, Украина и Бессарабия (не считая Крыма). И, действительно с точки зрения и национальной и исторической, и во многих отношениях и экономической они представляют области весьма различные. Между тем есть момент колоссальной важности, который стягивает широкую ленту Северного побережье Черного и Азовского моря, независимо от ее политического расчленения, в полосу одного мощного экономического интереса. Таким решающим моментом является хлебный экспорт. С того момента, когда русская равнина, залечивая свои экономические язвы и раны, станет снова

лицом к лицу с мировым хлебным рынком, она вынуждена будет искать возможность пробывать себе путь общими усилиями уже по одному тому, что она найдет этот рынок в совершенно ином состоянии, чем оставила его в начале войны. Если три возможных политических тела указанного северного Черноморского побережья позволят себе самостоятельные выступления, то не трудно предвидеть, что этот разнородный приведет к полному порабощению нашего пшеничного юга мировому капиталу, вложенному в хлебный экспорт. Только согласная экономическая политика и дружное выступление на рынке опезпечит нашему рынку соответствующее положение. И надо сказать, что для установления такой общей экспортной политики имеется здесь все данные. Не говоря уже о том, что пропорции хлебов здесь на всем протяжении очень широкой полосы этого побережья повторяются с чрезвычайно большою устойчивостью, мы находим здесь удивительно устойчивое направление и всех главнейших условий продукции. Присмотритесь к интереснейшим картограммам, когда то приложенным к статье знаменитого нашего статистика Н. Ф. Анненского „Стоимость производства хлеба в частно-владельческих хозяйствах“¹⁾. Первая из заинтересовавших нас диаграмм разучивает площадь Европейской Росси (по губерн.) с точки зрения обработки частно-владельческой пашни в части, не сдаваемой в аренду: а) владельческим инвентарем, годовыми, сроковыми и поденными рабочими, б) крестьянск. инвентарем, и здельно, испольно или в виде отработков, в) смешанными формами наемного труда. Во второй картограмме мы имеем распределение средних (по губерн.) плат годовых рабочих за 1882- 1891 гг., при чем опять даны три группы: а) (70 руб. и более) от 55 руб. до 70 руб., в) менее 55 руб. и, наконец, на третьей картограмме даны сведения погодной платы пешему рабочему на своих харчах по расчету за целые годы в период с 1882 по 1891 г.. Средняя погубернская поденная плата распределена на следующие группы: а) 60 коп. и более, б) от 51 до 60, в) 50 коп. и ниже. Если вы присмотритесь, как распределяются указанные признаки на этих трех картограммах, то легко заметите, что одностепенные напряжения во всех диаграммах а, или б, или в этих трех признаков почти нигде не совпадают территориально и только широкая полоса Черноморского побережья, включающая губ. Бессарабскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую, Область Войска Донск. и Черноморскую, проявляет все эти признаки в высшей степени их напряжения. Несомненно, что это одно-

¹⁾ В сборнике „Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства“, т. I, СПб 1897.

образии, развертывающееся на такой обширной и во многих отношениях пестрой территории, в деле продукции зерновых хлебов подчинено какой то одной общей закономерности. И пусть с тех пор, как были начертаны жизнью эти картограммы, прошла добрая четверть века, пусть коренным образом изменились многие условия промышленности и государственной жизни,—мы не можем отказать себе в праве утверждать, что эта полоса черноморского побережья в деле продукции зерновых хлебов об'единена чрезвычайно важными условиями, которые делают её в этом отношении как бы монолитным явлением на хлебном рынке. Понятно, в какой мере осложняется процесс выявления этого единообразия, благодаря тому, что экономическая федерация в одном отношении вытягивается по оси с востока на запад, а политические федерации идут по почти параллельным осям с севера на юг.

Конечно искомое экономическое об'единение может быть достигнуто принудительным путем через государственные аппараты. Но если, как мы старались показать выше, такой метод установления экономических территориальных единиц является грубым, несвоевременным и неудовлетворительным при экономическом районировании внутри одной и той же политической ячейки, то насколько же этот метод будет не соответствовать задаче в тех условиях, в которых ему придется здесь стать при наличии политической федерации.

Возьмем второй пример из текущей жизни. В только что рассмотренном случае мы рисовали себе организацию однотипного экономического района при предварительном проведении политической федерации. Теперь мы можем показать случай раздробления однородного экономического района во имя реализации известных политических принципов. Речь идет на этот раз снова о Донецком угольном районе. Мы приводим уже цифры, которыми С. А. Гецов обрисовывает общероссийское значение этой территории. Приводя эти цифры, нам автор продолжает. ¹⁾

„Какие выводы я должен делать из этих данных? А вот какие, Россия, как государство в то время единое, известным образом, более или менее, правильнее сказать, менее или более разумно старалась распределить те или иные отрасли промышленности на своей территории. Естественное дело для единой России—передвинуть металлургическую промышленность в Донецкий бассейн, чтобы не вывозить руды и уголь в другие места или хотя бы уголь в то место, где имеется руда. Теперь, когда состояние единства нарушено, возникает вопрос огромной важности. Ведь сюда направлялась воля,

¹⁾ См. выше цитированную статью стр. 46 и 47.

труд, капитал со всей России. Ведь Донецкий бассейн не зря называется сердцем России. Ведь он питал Россию в экономическом отношении. И вот подходить к нему так просто, как к какойнибудь другой области, ни в коем случае нельзя.

„В Донецком бассейне сосредоточен целый ряд заводов, рассчитанных не на ту территорию, на которой они ныне находятся, не на территорию Украинской державы, здесь сосредоточена промышленность, долженствующая обслуживать всю во всяком случае Европейскую Россию, частью даже Азиатскую.

„Вот когда мы подходим к общему соображению, к вопросу об начислении количества топлива, которое должно быть в распоряжении России, то помимо тех двух слагаемых, о которых я говорил: того вывоза, который существовал раньше из Донецкого бассейна, и того вывоза которым мы должны покрыть нежелательный ввоз из-за границы, мы должны прибавить еще третье слагаемое, тот уголь, то топливо, которое сжигалось в Донецком бассейне, чтобы произвести продукты для России, но теперь должно сжигаться на территории России, чтобы создать в ней новую металлургическую промышленность и сделать ее самостоятельной, независимой не только по отношению к углю, но и по отношению продуктов металлургической промышленности.

„Таким образом, ни цифры до-военного времени, ни цифры военного времени не являются характерными для нынешних нужд России в топливе. Радикальная ломка политической структуры влечет за собой—радикальное изменение структуры экономической.

„Лишь установив этот единственный правильный и приемлимый для России угол зрения, можно исчислить скольконибудь приблизительно потребность и в донецком топливе и перейти к непосредственному рассмотрению вопроса о территориальной ее заинтересованности в Донецком бассейне...“

Из всего сказанного видно, что часть Донецкого бассейна должна будет отойти к одному политическому телу, а другая часть этой единой области должна остаться у другого политического тела. Выхода нет. Расчеты на собственное ископаемое топливо на территории Великороссии дела ни сколько не изменяют и не облегчают. Вопрос о собственном топливе, получаемом в достаточном количестве—вопрос все же более или менее ближайшего будущего, а вопрос о восстановлении собственной металлургической промышленности—неотложный вопрос текущей минуты. Когда разовьется собственная добыча ископаемого топлива, когда будут оборудованы соответствующие группы заводов в связи с новыми

источниками топлива, когда новая железнодорожная сеть свяжет эту область фабрично-заводской деятельности со всей системой товарораспределения,—тогда будущая Великороссия может установить иное отношение к вопросу о территории Донецкого бассейна, но пока всего этого нет, она не будет иметь ни сил, ни возможности отказаться от „своей“ доли в территории Донецкого бассейна. И вот Российская мирная делегация намечает границу, которая должна разорвать на две части эту органически связанную территорию.

Не будем здесь подробно рассматривать проекта этой границы. Для нас достаточно сказать, что при решении этой задачи был приложен в сущности все тот же геометрический или статистический метод, попытку которого,—доведенную до чудовищных размеров,—мы приводим в начале статьи. Расчеты относительно количества возможного угля, притензии на те или иные пункты, способные так или иначе регулировать вывоз на сторону, подчинить жизнь данной территории исключительно посторонним интересам и очень мало интереса и внимания к *органическим* свойствам самой территории. Может ли пройти даром такое *кромсание* территории без всякого учета ее внутренних связей. Сильно сомневаемся. Забвение органических свойств данной территории или ее частей должно будет отразиться самым невыгодным образом на дальнейшей промышленной судьбе края: это с одной стороны, а с другой—подобные насильственные меры не всегда способны заглушить тяготения к внутренним естественным центрам и искусственное дробление, благодаря тому, может оказаться источником тяжелых политических кризисов.

Число примеров, когда вопрос о районировании до чрезвычайности осложняется политическим моментом, мы могли бы значительно увеличить, но для нас достаточно и сказанного.

Мы видим, что в этих трудных положениях нельзя найти выход путем одного насильственного государственного метода, и единственно правильным методом остается установление центров естественного тяготения и границ, определяемых наличными подвижными интересами.

IV.

Итак, есть два метода организации территории в областном отношении: метод приложения к территории той или другой отвлеченной схемы и введения в территориальные рамки этой схемы интересов общества и личности, и метод выяснения живых, действительных интересов общества и лич-

ности и подчинения этим интересам организованной территории. В первом случае мы имеем дело, как бы с фетишем территории, реализующей в себе те или другие отвлеченные принципы или схемы; во втором — перед нами примат личности и живого реального общества. Какому же из этих методов жизнь все больше и больше отдает свои симпатии, который из них проявляет больше жизненности и обещает стать в ближайшее время во главе социального процесса?

Принцип территории, как самодовлеющего фетиша в вопросе организации самой территории, уходит своими корнями глубоко в историческую почву. „Европейский территориальный союз“, говорит М. А. Рейснер¹⁾—получил свой формальный принцип от средневековья. *Земля, как понятие политическое*, родилось в вотчинном патримониальном праве. Для того однако, чтобы возникло такое понятие, необходимо было, чтобы земля была воспринята массовой психологией не только как объект для тех или иных хозяйственных операций, но как нечто, связанное с миром идей моральных и правовых. Земля должна была подвергнуться своеобразной морально-эстетической переработке, и только тогда понятие территории могло стать чем то высшим, нежели простое обозначение условно начертанных границ.

„Средневековье и поднимает землю до значения великого организационного начала. Процесс этот идет с разных сторон и разными путями. Прежде всего земля, конечно, совершенно своеобразно ценилась и понималась крестьянством в ту эпоху, когда от первоначального раздолья и подсобных промыслов-охоты, рыболовства и т. п. ему пришлось ограничиться только землей, берущей все больше и пота и крови. Это уже не хозяйственная категория. Это матушка земля—земля кормилица, которая одна может напитать и одеть, подчас благодатная, а во гневе такая безжалостная и страшная. И жизнь и смерть все от нее. И вот создается своеобразная идеализация или романтика земли. Тяжелый труд, еле вознаграждающий земледельца, становится моральным долгом; землю надо любить и почитать, землю нельзя бросить; одна земля дает праведную трудовую жизнь, одна она есть истинная неоспоримая ценность. И когда истощение почвы или земельная теснота гонит крестьянина с его пашни, он прежде всего стремится найти новой землицы, новую возможность любить и трудиться над ней. Как и во многих других случаях и здесь предпосылкой юридического принципа является народная поэзия и ее романтический образ. Но завер-

¹⁾ „Государство и общество“ в „Итогах науки“ т. XI ч. II стран. 270 и 271.

шение и смысл ему дает социальный момент: границы получают значение лишь тогда, когда земля одних, сталкиваясь с землей других, когда лишь заботливо поставленные вехи ограждают общину от обиды со стороны соседа. Святость земли порождает и святость границ. Вполне понятно из сказанного, что крестьянская община становится типичным территориальным союзом. Пользование землей—сливается с членством в общине. А пользование общими угодьями дает представление об общественном, территориальном и вместе хозяйственном владении...“

Таков был фундамент, на котором затем вырастает своеобразный фетишизм территории. К указанному социальному и психологическому моменту, постепенно прибавилось, конечно, очень многое. Проникая в интересы и сознание правящего класса, землевладение получает публично-трудоу характер, а территория со своими границами становится под охрану государства. Отношение к поместью и к феодеу государство постепенно перекидывает на частное владение—вотчину и аллод. Получается новый своеобразный институт владения, который впитывает в себя из обоих прежних категорий все, что представляет наибольший интерес для служилого класса того времени: от вотчины—права частного владения, от поместья—права публично-правового института. Таким образом, на первый план и здесь выступают интересы территории, участка, земли, ограниченной внешними признаками и позднее свободно переходящей из рук в руки со всеми правами, с ней связанными. И вместе с тем интерес личности, связанной с этим участком, с данной территорией отступает на задний план перед властителем и представителем этой территории.

Шаг дальше в развитии того же фетишизма территориальности,—и мы перед теорией просвещенного абсолютизма. „Становление и развитие абсолютной власти“, замечает П. А. Рейснер (там же стр. 272—273), —„целиком зависело от сокращения прав территориальных собственников и корпораций и их земского представительства на ландтагах и сеймах. На помощь здесь приходит римское право, и совершается своеобразное приспособление римского частного права к территориальному верховенству того или иного суверена. Монарх объявляется собственником не только своих родовых вотчин и феодалов, но и того надално еще неприкосновенного фонда своих поданных, который покоился на столь же незыблительном основании, как и сама королевская вотчина“.

Теперь, когда понятие о территории начинает представлять составную и неотъемлемую часть государственного вла-

ствования, интересы человеческой личности (особенно в период абсолютизма) как бы совершенно выпадают из расчетов государственного действия. Почти во всех государственных актах не территория подчиняется интересам личности и общества, а общество и личность интересам территории, — во всяком случае территории государственной. Геометрический и статистический метод постановки территориальных вопросов остаются единственными руководителями в государственной практике; об органическом методе построения или не хотят знать, или, действительно, не знают. Девятнадцатый век дает в этом отношении незабвенные примеры. „Наполеоновские войны“, — читаем мы у М. А. Рейснер, — (стр. 273 и 274), „привели к перестройке всей карты Европы, и, надо отдать справедливость всевозможным конгрессам, произведшим соответствующие манипуляции, государства упразднились и создавались, несколько их сливалось в одно, одно разрезалось на многие, куски одного присоединялись к другому и т. д. исключительно путем передвижения границ и создания тех или иных территорий. Желания населения при этом совершенно не принимались в расчет“... Эта линия поведения, этот фетишизм территории сохранился в достаточной мере до самых последних дней. Конец XIX и начало XX века ознаменовалось возрождением территориального принципа и в том смысле, что был воскрешен старый институт территориальной аренды захваченных у слабейшего соседа земель, при чем делалась попытка и теоретически оправдать такой удивительный институт новыми привитыми принципами. Так арендовала Австро-Венгрия у Турции Боснию-Герцеговину, а европейские державы разные области Китайской империи. Примат территории над населением достиг своего апогея. Итти дальше было некуда. Само собой разумеется, что этот примат территории, это обожествление границ, установленных в силу известных схем и принципов, это стремление к каким-то постоянным линиям, которое ощущалось во внешних государственных отношениях, должно было самым решительным образом отражаться на всех случаях районирования, какие оказывались необходимыми во внутренней жизни. Соответственно этому во внутренней жизни государства устанавливается пристрастие ко всем этим губернским, уездным и волостным границам, которые в большинстве случаев утеряли весь свой экономический смысл. Вот почему всеми старыми бюрократическими навыками от всех и тех попыток, которые исходят из центральных кооперативных или других общественных организаций и стремятся по тем или другим принципам распределить сверху и снаружи территорию на

те или другие части, не дожидаясь пока сама территория не распадется на свои самостоятельные и живые части, пока не произойдет органической дифференциации на области и на районы и пока сама местная жизнь решением своего местного коллективного ума не выявит, своих органических группировок.

Но описанный нами метод территориального фетишизма доведенной до крайних пределов в государственной практике и возводимой до степени величайшего абсурда некоторыми сторонниками геометрического и статистического метода, носит в самом себе начало разложения.

Подхваченный государством принцип примата территории, с одной стороны— поднялся до значения какого то священного абсолюта, которому приносились в жертву интересы живых личностей и реального общества, но зато, с другой стороны,— он сделался как бы исключительной привелегией государства, особенно в его крайних монархических формах. „Прежняя самостоятельность территориальных союзов была уничтожена“, пишет М. А. Рейснер (стр. 274). „Внутри страны границы отдельных земель, городов и общин получили значение лишь административного деления для удобства центрального правительства и местного управления. Этим совершенно стерлось различие, которое сложилось между людьми, пользующимися в разных общинах и корпорациях разными правами. Потеряло значение и местожительство отдельного поданного как источник его прав и обязанностей. С устранением значительной части вотчинных прав по полиции, финансам и суду, еще более водворилась нивеллировка населения, которое, в конце концов, потеряло все права по земскому или местному представительству. Территориальная власть монарха уничтожила все территориальные организации и значение территориального принципа внутри страны“... В том же направлении начала действовать во многих случаях и система современного капитализма...

„Капиталистически-организованное производство, и обмен дают границам новый смысл. Это пределы таможенного обложения и защиты, черта, которая об'единяет в целостную финансовую систему определенный тип денежного обращения и кредита, податного обложения и покровительства, тех или иных тарифов транспорта и т. п.—одним словом, мер, которые противопоставляют одну страну другой в качестве своеобразного комплекса народных хозяйственных отношений“. Таким образом делается новый шаг в сторону освобождения личности и общества от фетишизма по отношению к границам и территории...

Однако, как нам кажется, это процесс перехода от примата территории к примату личности и общества М. А. Рейснером не доведен до конца, т. к. он ни словом не обмолвился о том значении, которое в данном отношении должны иметь процессы политического федерирования. Мы уже указали в начале статьи на живых примерах, что знаменитые федерации нашего времени совершенно чужды в деле организации своей территории отвлеченных принципов—будь то геометрический, или статистический, или какой иной. Напротив они целиком опираются на исторические факты, как установленные самой жизнью, и идут путем органического творчества. Благодаря этому, значение государственных границ падает еще больше. Тело федерации сохраняет за собой *minimum* государственных прав, необходимых для его существования. Все остальные права представлены ячейкам и эти ячейки получают самую широкую свободу пользоваться своими экономическими и культурными силами для достижения совместными силами очередных задач. И поскольку устремление автономии к федерализму начинает проявляться все с большей и большей силой, постольку этот процесс преодоления чар территории над человеком продолжает делать все новые и новые успехи.

Этот процесс в последнее время сделал еще новое, и с принципиальной точки зрения, огромное завоевание. Мы имеем в виду не только провозглашенный, но и в достаточной мере уже проведенный в государственное право принцип экстерриториальности нации и принцип, так называемой, персональной автономии ¹⁾. Нам необходимо несколько остановиться на этом явлении.

Мы видели, каким образом в новейшее время выявилась идея о правах национального государства. Решение национальной проблемы таким образом было поставлено в зависимость от территориального принципа. Но, сказавши в этой сфере *а*, нельзя было не сказать и *б*. Вскоре выяснилось, что нет чистых национальных территорий,—т. е. нет территорий, сплошь занятых какой нибудь одной нацией. О „национальной“ территории можно говорить только в условном смысле. На каждой национальной территории есть национальные меньшинства. В том праве, которое для себя,—вернее для своего большинства,—добилась данная национальность, она не смеет отказать для тех, кто составляет на данной территории меньшинство. То решение, которое казалось сравнительно легким Градовскому, оказалось в наше

¹⁾ Доцент М. Я. Лазерсон „Национальность и государственный строй“ 1918 г.

время чрезвычайно трудным. В рамках территориальных принципов не было возможности разрешить национального вопроса в тех пределах, в которые его ставила жизнь. Для последовательного решения национальных задач пришлось разрушить последнее заветное, которое накладывало территория на личность человека. Разрешение одного из важнейших вопросов, над которым так долго и бессильно билась человеческая мысль и который стоит человечеству столько крови и горя, перешел в плоскость экстерриториальности, а характер построения принял форму персональной автономии, при которой на место фактов внешней природы (принадлежность к территории или нации) были поставлены факты внутренней природы (добровольное признание личной своей национальности и подтверждение этого признания своей собственной деятельностью). В силу всего этого национальная территория теряет характер чего-то неизменного и абсолютного, по крайней мере фактически получает характер подвижной сети с вечно изменчивыми границами, намечаемыми сознанием самого населения.

Таков закон о национально-персональной автономии, принятый на Украине в заседании Малой Рады 9 января 1918 года: это первая ласточка в сфере нового уклона законодательства—на пути борьбы личности против власти территории.

Если мы присмотримся повнимательнее к тем силам, которые окончательно сломали последнее сопротивление территории в национальном вопросе, то мы увидим, как много здесь аналогии с тем процессом, который намечен нами для областного творчества в сфере экономических отношений. Сравните ниже следующие строки с тем, что мы говорили во втором разделе настоящей статьи и вы в этом убедитесь очень легко. „Если принять во внимание“ говорит М. Я. Лазерсон (указанная работа, стр. 56 и 57), „неодинаковый естественный и механический прирост, „внутри государственное передвижение населения на новые земли—окраины и тягу в города, национально все более отрывающиеся от окружающих их территорий; то не будет ничего удивительного в том, что территориальный принцип должен был подвергнуться коренному пересмотру в современном многонациональном государстве. Факт статистической пестроты многонационального государства, выражающейся на карте в виде национальных островов, крапинок и чрезилопосицы, неразрывно связан с фактом *динамической* текучести национального состава, должен был поставить вопрос об уместности дальнейшего господства территориального принципа. Терри-

ториальный принцип мог сохранить свое безраздельное господство лишь при неразрывности территории и населения—там же, где наступает миграция, территориальный принцип должен уступить свое место или по крайней мере правильно сочетаться с персональным принципом“.

И то, что принципы персональной автономии вносят в государственное право, то в сфере экономических явлений придется выполнить областному строительству. Точно также, как национальное построение должно было взять за основу свободное сознание личности—также и за основу многих новых экономических группировок приходится взять свободное же сознание личности, добровольное соглашение лиц, как первичную ячейку и договорное объединение первичных ячеек, как основу построения вечно подвижной сети местных интересов, накладывающейся на территории, но не срастающейся с ней в неподвижные формы.

Совершенно естественным является и дальнейший вывод относительно областных федераций. Областные единицы экономических интересов, добровольно выявляемых, очевидно не будут последней гранью договорных построений. С момента выявления областных экономических единиц наступает естественная полоса добровольного федерирования этих областей. Перед нами разворачивается самая разнообразная комбинация такого федерирования. Территория снова синтезируется, но на другой основе: на основе договорности и добровольности. Только такое построение дает гибкость всему организму, поднимает на высшую степень работоспособность и напряженность всех сил и сообщает ему высшую способность приспособляться сознательно, планомерно и расчетливо к той сложной и вечно изменчивой социальной обстановке, в которой в настоящее время протекает жизнь и индивида и каждого социального тела.

И этот процесс федерации, поднимающийся снизу и проходящий через творчество свободно создаваемой области, как нельзя больше соответствует тому процессу, в который все больше и больше втягивается и государственное право-творчество.

„Федерация“, говорит М. Я. Лазерсон (в цитированном труде, стр. 34 и 35), знаменует собой синтез. Исторически первой стадией тезисом является то состояние, при котором отдельная часть, будет ли то персональная нация или область, противопоставляет себя государству. Это есть состояние насильственного объединения, таящее в себе самопротиворечие, ибо оно может удержаться лишь до тех пор, пока нация (или область), сдерживаемая кольцом принудительного государ-

ственного „единства“, не разбила это кольцо. После этого наступает антитеза: данная часть пребывает в автономии, т. е. довлеет лишь самой себе, не входя в правильную связь с другими частями государства, и, наконец, наступает синтез— федерация—когда некоторое раз'единение частей сохраняется лишь для высшего об'единения всего государственного целого, когда отдельные части не довлеют самим себе и вступают в связь с другими частями на основах равноправия. Здесь при федерации, отдельная часть (область или нация) более не противопоставляют себя государству; в многонародном государстве федерация по этому означает высшее примирение национальности и государства“...

Тот же самый процесс, как мы видели, должен быть применен и к федерированию свободных экономических областей, ибо такое федерирование в государстве, отличающемся сложной сетью разнообразных, не устоявшихся и подвижных интересов, означает высшее примирение экономической самостоятельности и государственной необходимости.

И так сложные экономические задачи, выпавшие на долю нашего времени, в значительной своей части могут быть разрешены путем лишь свободных договорных отношений между свободно построенными экономическими областями. Подобное строительство в данной сфере, как показывает развитие национального вопроса, приведет к примату личности над приматом территории и ставит экономическое творчество с социальной точки зрения в ту линию прогресса, по которой направляется решение и других важных общественных задач.

А. А. Николаев.

Область, как основная единица в процессах русского государственного творчества.

Исторический процесс, развернувшийся на великой восточно-Европейской равнине за последние десять веков, сводится к своеобразному взаимодействию двух сил: с одной стороны, государственная власть — как упорно централизующая сила, стремящаяся сшить прочными нитями все разнообразие земельных пространств, с другой, — обширные территориальные единицы — области, различные по своим природным условиям, экономическим данным, часто по этнографическому характеру населения. То берут перевес центростремительные силы и создается крупная политическая организация, то, наоборот, преобладают центробежные, и государство распадается на ряд самодавяющих земель, порой объединяющихся в случайные мимолетные союзы.

Наш первый историк, Киевский летописец начала XII-го века, вспоминает, что в прежние времена Восточная Европа представляла пеструю смесь из различных племенных союзов: славянских, финских, литовских. Но для той эпохи, когда писалась летопись, племенная организация кажется летописцу уже исжитой, ее остатки сохраняются только в глухих медвежьих уголках.

Великий экономический перелом VIII—X веков, вызванный переходом торговых путей на Восток Европы, создавал другие территориально-экономические формы — *исродовые области*. „Великий водный путь из Варяг в Греки“ (из Скандинавии в Византию) по Днепру, Ловати, озеру Ильмень, Волхову, Ладожскому озеру, Неве и Финскому заливу с разветвлениями и по Западной Двине, и на Волынь и Галич был бойким международным транзитом. Весь путь был усеян большими и мелкими станциями — городами, которые сделались рынками для окрестного населения, прочно стягивали его вокруг себя интересами купли-продажи. В городах прочно держали власть вооруженные купцы-авантюристы, привычные к далеким заморским экспедициям, неразборчивые на сред-

ства. Они налагали на население, тянувшееся к рынкам, „тяжкую дань“ предметами его охотничьих промыслов: медом, воском, звериными шкурами, иногда просто занимались грабежом и добычу сбывали в Византии и на дальних рынках арабского Востока. Так создались „земли“ Новгородская, Смоленская, Черниговская, Переяславская, Волынская, Галицкая.

Торговые пути с четырех стран света скрещивались в среднем Днепре, где вырос Киев — „мать городов русских“, как выражались современники. Киев сделался ключем к запутанной торговой сети восточной Европы, и кто владел Киевом и тянувшей к нему „землей“, тот неизбежно делался господином всех городских областей, расположенных вдоль „великого водного пути“, как бы ни расходились их частные экономические интересы. Конец X века и начало XI века (эпоха Святослава, Св. Владимира и Ярослава Мудрого) — разгар „империалистического“, как мы теперь выражаемся, расширения „земли Русской“: это название в последующие времена распространяется с первенствующей Киевской земли на остальные, является символом тесных связей разнородных областей с центром, связей сначала торгово-политических, а потом культурно-бытовых. Происходит при этом, пожалуй, своеобразная ассимиляция „земель“: всюду утверждалась власть князя и его боевых сотрудников — дружинников, выдвигались политические органы городского населения веча, устанавливалась епископская кафедра, распространялся литературный язык, формировавшийся в столице, видоизменялись родственные союзы, обычаи. Только далекие окраины — своеобразные „колонии“ для хищнического торгового капитала, этого станового хребта молодой „империи“, жили почти по старому среди непроходимых лесов и болот, подвергаясь налетам княжеских людей да „соловьев-разбойников“.

С половины XII века крестовые походы народов Запада в святую землю меняют направление торговых путей: Средиземное море выступает, как и в древности, в роли посредника между Востоком и Западной Европой. „Великий водный путь“ теряет свое значение транзита, уходит торговый капитал, и комплекс „земель“, прочно сжатый в Киевский кулак единым хозяйственным интересом, распадается. „Земля“ превращается в миниатюрное государственное целое с стольным городом во главе, которому, как спутники планет, подчинялись „пригороды“ — „младшие города“. Современник очень метко характеризует создавшееся положение вещей короткой формулой: „Новгородцы изначала (издавня) и Смоленяне и Киевляне и Полочане сходятся на вече для общей думы, и

на чем порешат старшие города, тому и пригороды подчинятся". Нельзя сказать, чтобы между „землями“ установилась полная экономическая изолированность. Мы можем заметить, как то и дело загораются, вспыхивают новые торговые, а иногда и политические связи между отдельными городскими областями, создаются из них своеобразные группировки. Так, Новгород прочно вошел в Ганзейскую торгово-культурную систему, охватывавшую тогда Север Европы. Предприимчивые и деловитые Новгородцы, добывая плохо родившийся у себя дома хлеб насущный, установили очень своеобразный товарообмен: они создали ряд колоний по Северной Двине, около моря Студеного, доходили до „Камня“ (Уральского хребта), экспортировали отсюда продукты самых разнообразных промыслов — охотничьих, рыболовных, соляных, — на Запад, оттуда ввозили сукна, металлические изделия и променявали иноземные товары на столь нужный им хлеб на „Низу“ (в Суздальской и Муромо-Рязанской земле). Отсюда выростала порой политическая зависимость Новгорода от сильных Владимиро-Суздальских князей, которые владели могучим средством: они могли „закрыть ворота“ хлебным караванам, и в Новгороде наступала „дороговь“.

Другой ряд земель сплетали Зап. Двина и верхний Днепр: земли Смоленская, Витебская, Полоцкая тоже входили в Ганзу, составляя своеобразный Hinterland для крупного немецкого порта при устье Западной Двины, Риги. Политическая гегемония в этом союзе областей принадлежала по преимуществу Смоленску.

Еще южнее около Галичского центра собирались Волынь и области былой „матери городов русских“, Киева. В половине XIII века Галич сделался крупным международным рынком, где сталкивались поляки, угры (венгерцы), литовцы, откуда тянулись торговые нити к видным немецким городам. Государственные связи в юго-западной федерации были прочнее, чем на северо-востоке.

В XIII веке усиливается натиск азиатских кочевых племен на народы Запада; в частности древне-русские „земли“ подверглись тяжкому монгольскому разорению и последующему долговременному игу, под которым страдали длинные ряды поколений. Главный удар был нанесен с экономической стороны; к народному организму присосался паразит, с жадностью вытягивавший из него материальные блага в виде то регулярной дани, то всяких чрезвычайных хищнических захватов со стороны крупных и мелких татарских владык.

В эпоху татарщины оформливается окончательный разрыв между разными союзами и комбинациями древне-русских

городовых областей: северо-восточная федерация, прочно втянувшаяся в татарскую орбиту, обособилась от западных и юго-западных земель, которые после продолжительных колебаний и перетасовок стали собираться около нового центрального светила—Литвы. За исключением Галича, области по Двине и Днепру вместе с землями, населенными литовским племенем, составили сообразное политическое целое, Литовско-Русское Государство.

Здесь область—земля играет громадную роль за все время существования государства, очень слабо централизованного. Только с территориальными единицами происходит очень своеобразная эволюция. Мы видели, что каждая земля раньше была в сущности „государством-городом“, где власть принадлежала вооруженному купечеству. Теперь, в Литовскую эпоху, все проявления местной жизни,—хозяйственные, политические, духовные,—сосредоточиваются в руках привилегированного военнослужилого сословия, бояр-шляхты. Перед шляхтой покорно склонились и городские торгово-ремесленные элементы, „мещане“, и сельские земледельческо-промысловые,—„люди“ и „слуги“, разных категорий и наименований

Удельный вес первых крайне незначителен в общем политическом балансе Государства, вторые превращаются в однообразную крепостную массу, которая служила для своих господ и даровой рабочей силой и огромным капиталом и, наконец, надежным аппаратом для удовлетворения военно-финансовых требований центральной власти. „Государство-город“ превратилось в *шляхетское воеводство*; союз этих воеводств— с незначительным об'единяющим цементом в лице господаря, его совета, „панов-рады“, и не периодически собиравшегося сейма из представителей от областных единиц— и составлял западно-русское государство.

В значительной степени федералистический склад Литвы базировался на традиционной организованности вошедших в ее состав древних русских „земель“, но, конечно, немаловажное значение имело экономическое разнообразие составных частей Государства. Запад был втянут в европейский товарообмен по Двине и Неману, был средоточием капиталистически окрашенного барщинного хозяйства; восток, наоборот, рисовался в виде царства разнообразных промыслов, экстенсивного земледелия и просто вольной степи— арены подвигов удалых авантюристов, живших войной да грабежами.

Иначе скристаллизовалась северо-восточная Русь, об'единенная татарской властью, а потом Москвой, князья которой искусно сумели воспользоваться дарами финансово-политической организации Востока. Москва сначала была, воз-

можно, только промежуточной, но очень удобной станцией по торговому пути от Новгорода к Черноморским берегам, где располагались фактории итальянских городов Венеции и Генуи. Здесь, в сравнительно счастливой дали от набегов степных хищников, накапливалось население, сосредоточивались финансовые ресурсы, росла власть в руках у практических скопидомов, Московских князей с характерным прозвищем „калита“ (мешок с деньгами). Около Москвы в борьбе за крепость национального организма против степных хищников сосредоточились многообразные части Северо-Востока Европы, к ним присоединились земли, отвоеванные у степняков наступательным ходом Московской колонизации.

Земли, входившие в состав Московского государства XVI—XVII веков, отличались большим разнообразием географических свойств, экономических и бытовых особенностей. От моря Студеного и „Камня“ до богатого черноземом „дикого поля“ нынешней средней России под влиянием природных условий, хода колонизации и политических причин создались несколько значительных областей, особенности которых, признаваемых центральной властью, были положены ею в основание официального деления страны. Крупная военно-финансовая группировка страны сообразовалась с естественной, житейской группировкой городов, обращая в военный или финансовый округ такой район, который имел уже единство или в историческом воспоминании или в реальных условиях жизни. Таким образом, по официальным понятиям, Московское государство имело сложный состав, и обычная формула наиболее торжественных актов того времени „все Государства преславного Российского царствия“ очень точно соответствовали действительным представлениям московских людей.

Промысловые северные области (Поморье) с значительным развитием независимого от частных владельцев крестьянского землевладения, с процветанием сильного не одним многодомством, но и достатком тяглого „посада“, почти с полным отсутствием военно-служилого люда с его прекарным землевладением, мало походила на южные окраинные области, в которых почти все земледельческое население было „прибрано“ на государеву службу, в которых на посадах почти не было торгового промыслового люда и северный „мир“ заменялся стрелецкой „сотней“. Западная часть государства с старинными торговыми городами Новгородом и Псковом, которые втянули в себя все силы и интересы, руководившие хозяйственной жизнью края, мало имела общего с восточными областями или же Понизовыми (Приволжскими)

городами, где, наоборот, только что начиналась хозяйственная деятельность русского племени и рядом с военными гарнизонами оседал мирный земледелец и промышленник, недавно пришедший из „верховых“ городов. Наконец, центр государства (т. наз. „Замосковский край“), в котором крестьяне бросали свою пашню, посадские оставляли посад, служилые люди „пустошили“ свои поместья и вотчины, а монастыри прибирали к своим рукам брошенное и запустошенное, — создавал элементы для вольного „гулящего“ населения „дикого поля“, (сходившегося с литовской Украиной и ее авантюристами), — для казачества.

Но в противоположность Литовской Руси, Московское государство держалось ярко централизующих тенденций, старалось набросить однообразную финансовую и административную сеть на свои области, при помощи воевод и „приказных строк“ установить крепкую, по возможности одинаковую связь местных „миров“, волостей и уездов с центром, Московским Кремлем, с его дворцами, соборами, приказами. „Территориальный универсализм“ — такой формулой определяет современный исследователь отношение Москвы XVII века к своим многообразным „государствам“.

Все растущая бюрократизация управления со второй половины XVII века достигает небывалого расцвета при Петре Великом. В своей первой реформе местного управления „великий революционер на троне“ оказался под давлением текущих жизненных, главным образом, военно-финансовых нужд; мало считаясь с бытовыми и историческими особенностями областей, он разрезал Россию на губернии с главной целью возложить на них содержание отдельных частей созданной им регулярной армии.

При второй реформе Петр работает над областями по иноземным, шведским образцам. Деление на губернии, провинции, дистрикты совсем уже не связано с реальными потребностями, местными особенностями областей. Власть в своем творчестве отрывается от понимания всей сложности, многообразия местной жизни, вступает на путь отвлеченной кабинетной работы. Иноземные образцы, статистические расчеты начинают играть первую роль у лиц, стоящих у кормила правления. Областная жизнь укладывается отныне в Прокрустово ложе всевозможных правительственных экспериментов, она чахнет, атрофируется.

Все тот же дух бюрократического творчества веет и над областным законодательством Екатерины II. В основу ее местных административно-судебных организаций был положен в чистом виде статистический принцип; как *principium*

divisionis на губернии и уезды было взято определенное количество населения, зато совершенно игнорировались и экономические и национально-культурные особенности живых организмов, из которых слагалась Российская Империя XVIII века, которые громко заявили о своем существовании на Уложенной комиссии 1767 г., когда правительство вздумало прислушаться к голосу земли. Власть старалась нивелировать все части громадного государства, завела в Поморье общинные переделы земли, устроила в вольной Украине крепостные порядки. Законодательный, судебно-административный, финансовый универсализм пышно расцветает в конце XVIII и в первой половине XIX века, когда однообразие жизни, в шестой части света, из идеала, как бы претворяется в действительность. Одинаковые территориальные клетки, связанные с мозгом страны одинаковыми же нитями, послушно выполняющие одинаковые веления центра— и вот что представляла из себя Россия в середине прошлого века.

Севастопольский погром нарушил волшебный заклятый сон громадной страны. Чтобы не умереть окончательно, не сделаться добычей более культурных соседей, во что бы то ни стало нужно было перейти от мертвящего единообразия к животворящему разнообразию.

Реформа 19 февраля 1861 года, земская реформа 1864 г. были первыми ласточками необходимого расцвета местных форм жизни. Положение 19 февраля считается с особенностями той или иной области при наделении крестьян землей, при устройстве крестьянского быта. Земские учреждения при всем несовершенстве своей первоначальной организации звали к самостоятельности местного населения, давали ему некоторые возможности для творчества своеобразных форм жизни в разных краях России. Растущий капитализм и усиливавшийся товарообмен резко подчеркивали экономические оттенки великого русского спектра: хлопок Туркестана, нефть Кавказа, Донецкий уголь, хлеб и сахар Украины, леса и соляные богатства Севера, минеральные сокровища Урала и неисчерпаемые возможности Сибири. Росло национальное самосознание у разнородного населения Империи. Но власть оставалась глуха к требованиям жизни. За кратковременной весной 60 годов наступила суровая зима реакции 80 и 90 годов, когда в центре с новой силой загорелись нивелирующие тенденции, бюрократическая одинаковость, национальная нетерпимость. Ростки земской самостоятельности стали сохнуть под дуновением ледяных ветров недоверия, подозрительности и гонений сверху.

За пренебрежение к законам культурного развития жизнь заплатила жестокими ударами: японским погромом 1904--5 годов, неудачами в мировой войне 1914--18 г.г. и наконец распадением Русского государства. Искусственная централизация сменилась яркими и сильными центробежными течениями, руссификация—требованиями со стороны национальностей, населяющих Россию, прав на обособленное Государственное существование. Сложный механизм Государственного и народного хозяйства развалился, и тщетны пока всякие попытки наладить расстроенную жизнь...

Раньше страна мучилась от неразвитости областной жизни, от непризнания со стороны Государственной власти ценности и разнородности форм такой жизни.

Теперь Россия страдает от разобщенности частей ее хозяйственного организма.

Опыт русской истории указывает на жизненность обеих групп сил—и центробежных, и центростремительных. Увлечение центробежными силами—явно уже исжито. Страна, как бы самую природою предназначенная к единому государственному и хозяйственному бытию, не хочет, не может оставаться разбитой на исторические черепки. Новый подъем к процессу собирания Руси уже чувствуется. Но это Русь, собранная после сотрясений мировой войны и бурь революции, не будет уже той невиллированной и обезличенной Русью императорской эпохи. Это будет, это должно быть единое, но вместе с тем многогранное и многоцветное тело, в котором всякая областная единица, как в древней Руси, будет иметь свой собственный лик и свою собственную душу.

В. Панов.

Исторические экзамены областничества.

„Есть одно начало, на которое еще не обращено внимания в нашей исторической науке: начало провинциализма, *областности*, если можно так выразиться“. И это несмотря на то, что „русская история, в самой основе своей, есть по преимуществу история областей—разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа—до централизации и после централизации“.

Таково было положение, выдвинутое первым великорусским провозвестником *областнического течения* общественной мысли, А. П. Шаповым. ¹⁾ Весьма характерно, что областническое начало с силою пробивалось всем своим весом даже в самые неблагоприятные для себя времена. Так, не успело закончиться после Смутного времени под скипетром новой, Романовской династии собрание „разбредшейся розно“ земли, такие ревностные центролизаторы, как представители тогдашней боярской олигархии, выбитые из своих позиций более широким, —тогдашним „средним классом“ дворянства, пробовали заигрывать с областническим началом: отсюда едва не осуществившийся проект 1681 г. разделить русскую землю на крупные областные наместничества, с несменяемыми великородными „вечными наместниками“ во главе, — проект, которому Ключевский дает меткую характеристику „аристократической децентрализации“ России ²⁾. Так, далее, в самом разгаре аракчеевского периода русской истории наиболее образованные из государственных людей того времени, как гр. Воронцов и знаменитый Мордвинов, понимали, насколько безжизненно бюрократический и всенизилирующий характер имеет „положение о губерниях“, насколько оно „нейдет“, напр., к целым присоединенным территориям „которые имели у себя более устройства, чем внутри России или наоборот к азиатским, менее культурным; и они определенно заявляли, что отныне, „должно обращать полное внимание на совокупные права многих и великих областей, со

1) А. П. Шапов, Сочинение, т. I, стр. 648.

2) В. Ключевский „Боярская Дума древней Руси“, стр. 492.

ставляющих обширную Российскую Империю“. Не менее характерно, что такой убежденный доктринальный противник всякого федерализма, как Пестель, в своей „Русской Правде“ также должен был сделать уступку областническому началу, и разделил немного слишком механически-симметрично— всю Россию на 10 областей, приблизительно по пяти нынешних губерний в каждой ¹⁾...

Давно замечено, что с особенной силой начала областничества дали о себе знать в роковую для России эпоху Смутного времени. Областное „земскосоветие“ в критический момент распала государства, непрерывной гражданской войны и своекорыстного—хотя порою под личной дружбы— иностранного вмешательства—спасло Россию, избавило ее от полной потери государственной самостоятельности и обращения в чужую провинцию или колонию.

Смутное время было подготовлено эпохой почти сплошных военных неудач, ознаменовавших собою последние годы царствования Ивана Грозного, когда у него исчезли средства для войны, его земля „в пустошь изнурилась“ и „в запустение пришла“. Явилось множество людей по нашей нынешней терминологии „деклассированных“; так, говорит проф. Платонов, от пустоты совсем погребло хозяйство мелкого малопоместного служилого человека, ему было не с чем явиться на службу, и „впредь служить нечем“ он сам шел „бродить меж двор“ ²⁾. Как всегда водится в таких случаях, на чужом пожарище возникало благосостояние „новых богачей“. По выражению В. О. Ключевского „населенные имения переходили из рук в руки чуть не с быстротою ценных бумаг на бирже“. Разница с нашим временем заключалась в том, что *les nouveaux riches* („нுவоришки“, как удачно этот французский термин переведена российское аргю) нашего времени играли „военными прибылями“ в области индустриальной и торгово-спекулятивной; тогда же соответственно иному характеру преобладающего общественного богатства, шла „игра в крестьян и в землю“. Государство пыталось регулировать эту перетасовку собственности вплоть до своего рода „черного передела“ между помещиками, согласно указу Ивана Грозного: „в поместьях землемерия им учиниша, кому же что достойно, так устроиша, преизлишки же неимуществим“ ³⁾. Для этого требовалось прикрепление крестьян и отмена

¹⁾ П. И. Пестель, «Русская Правда» СПб 1906, стр. 21—35.

²⁾ С. О. Платонов. Лекции по русской истории. СПб 1917, стр. 216—218.

³⁾ М. Дьяконов. «Очерки обществ. и полит. строя древней Руси», стр. 270.

Юрьева дня, которые натыкались на упорное сопротивление массы. Крайнее напряжение всех ресурсов страны создавало множество „деклассированных“ и в деревне: тогдашняя Россия была переполнена, так сказать, „дезертирами“ не только военными, но и социальными: беглыми из „схудалой и задолженной крестьянской массы“. Это была обратная сторона той деятельности Ивана Грозного, которую князь Курский метко характеризовал словами: „затворил царство русское, сиречь свободное естество человеческое, аки во адовой твердыне“. Она создает „тучу и ненависть на царя в миру“.

Со смертью Грозного присеклась его династия. Боярская Дума пыталась провозгласить себя временным правительством, но народ отвечал, что „знает только царицу Ирину“. Власть перешла по женской линии, за отказом Ирины, к брату ее Борису Годунову, с которого „верховники“ того времени мечтали по крайней мере сорвать в свою пользу ограничительную запись; но хитрый Борис „пересидел“ их, отказываясь от власти и заставив себя упрашивать „всею землею“. На этом терпят окончательное крушение планы сторонников олигархии *летальным* путем обезпечить себе известную дозу соучастия во власти. Несмотря на всю скромность их домогательств, подозрительное и ревнивое к своим прерогативам самодержавие упорствует; ему кажется, что стоит дать чорту палец, как он ухватит всю руку. Иван Грозный в переписке с Курским обвиняет бояр в желании, чтобы он только „словом был государь“, а они могли „всю землю русскую под ногами своими видеть“, совершенно те же мотивы, по которым люди Победоносцевского толка предостерегали Николая II от самонаималейших уступок либеральному земскому дворянству. Тогда бояре пускаются в революционную авантюру. На языке того времени это означает: они готовятся свергнуть Годунова могучим тараном — созданием самозванца. Они не ожидают фатального результата своего флирта со стихией общего недовольства: того, что „смута“, прежде „бывшая“, так сказать, дворцовой, „боярской смуты“, примет „характер смуты народной“, от которой не поздоровится самой олигархии. (Платонов).

Ключевский называет самозванство стерестипной формой русского политического мышления, в которую отливало всякое общественное недовольство того времени ¹⁾. Это была, сказали бы мы, „нереволуционная революция“, революция настолько внутренне не зрелая, что восставать против царя могла лишь именем царя, противопоставляя действительному

¹⁾ Ключевский, «Курс русской истории», ч. III.

царю выдуманного, сфабрикованного. Но это была все же единственно возможная для того грубого, темного времени форма революции. Она выдвигала соответственные разрушительные элементы, „гилевщиков“, этих заправил и воротил „бунташного времени“. И орудие боярства — Лжедмитрий I — как справедливо замечает г. Рожков, „был возведен на престол не одними боярами, а еще и чернью, беглыми холопами и крестьянами, примкнувшими к нему после его вторжения в пределы Московского государства, и вообще народной массой, недовольной государственными тягостями и все туже затягивавшимся узлом крепостной неволи“¹⁾.

Бояре думали поиграть с революцией того времени, самозванством и отбросить ее в сторону. Самозванец сверг Бориса, „мавр сделал свое дело, мавр может уходить“; и вот они убивают самозванца и ставят на его место одного из своих, Шуйского, связав его „записью“ в свою пользу. Результаты „бунташничество“ эскамотированы в свою пользу „верхами“, что и требовалось доказать. Но дело оказывается не так просто. Вмешивается непредвиденный элемент — ниже стоящие социальные слои, начиная от служилого дворянства и кончая простою „гольтепой“.

Ключевский говорит: „Надобно признать долю правды в словах иностранных наблюдателей, которые писали, что в начале царствования Шуйского, Московская чернь, избалованная недавними переворотами, в надежде грабежа готова была хоть каждую неделю менять царя“²⁾. Вторит ему и Платонов: „Московская чернь начала уже приобретать вкус к подобного рода делам“³⁾. Настает черед Василия. Тщетно он пытается справиться со смутю путем условного отречения — на подобие того, как в будущем, после свержения Николая II, станет условно, до решения Учредительного Собрания, — отказываться от власти его эфемерный наследник, Михаил: „аще ли от престола и царства мя изгоняете, то не имат сего учинити, дондеже снидутся все большие бояре и всех чинов люди, и аз с ними, и как вся земля совет положит, так и аз готов по тому совету творити“. История больше не дает отсрочек, и события чем дольше, тем развиваются все быстрее; идет „великая раскачка“ всей старой „кондовой Руси“...

Боярский „большевизм справа“ свергнул Лжедмитрия I. Желая присвоить исключительно себе все выгоды переворота,

1) Н. Рожков, «Происхождение самодержавия в России» М. 1906, стр. 195.

2) В. Ключевский, «Боярская Дума», стр. 354.

3) Платонов, назв. соч., стр. 258.

бояре могли только раздражить стихию и попасть из огня да в полымя. Они уже и без того были достаточно ненавистны и непопулярны в стране. Это видно хотя бы из литературных памятников того времени, напр., „Новой повести о преславном Российском царстве“, автор которой говорит, что бояр вернее назвать не *правителями*, а *кривителями* земли русской и не „земледержцами“, а „землес‘едцами“. Или, напр., в „Сказании о Махмет-султани“ Пересветова, писавшего, что „вельможи русского царя сами богатеют и линеуют, и царство его оскужают; цветно и людно и конно выезжают, а Богу лгут и государю“. Недалеко время, когда их будут презрительно третировать „как зяблое палое дерево“. Социальные „низы“ поднимаются против „верхов“ „облегчение рисовались массам — говорит Н. Рожков — в виде возвращения к старому приволью и простору, к вольному захвату земли, к социальному равенству“¹⁾. Во многих местностях поднимались крестьяне и холопы. Смутами пользовались инородцы, обрадованные случаем сбросить с себя подчинение русским. Они действовали за одно с крестьянскими шайками. Мордва, соединясь с холопами и крестьянами, осадила Нижний Новгород²⁾. Центробежные течения сказывались повсюду; политическое и социальное целое стало трещать по всем швам.

В это время кровавым метеором пронеслась по России не совсем обыкновенная фигура Болотникова мирового бродяги, изгоя, которого судьба попеременно бросала в Турцию, Венецию, Польшу. В Польше его сначала было задержали, но потом отправили к „гилевщикам“ Шаховского, поднявшим возстание против бояр и Шуйского. Поляки, очевидно, не прочь были поддерживать под рукою всех „бунташных людей“, в расчете ослабить соседку Россию и попользоваться этим ослаблением. Болотников „призывает под свои знамена скопившиеся на Украине подонки: гулящих людей, разбойников, беглых крестьян, холопей, обещает им именем несуществующего Дмитрия прощение и льготы. Рассылая своих агентов и свои грамоты, он везде, где может, поднимает низшие классы не только против Шуйского, но, и против высших классов, и этим самым сообщает смуте до некоторой степени характер социального движения“. Его приверженцы, по свидетельству Гермогена „пишут в Москве проклятые свои листы и велят боярским холопам побивать своих бояр, и жеь их, и вотчины и поместья им сулят и шпыням, и безыменникам вораь велят гостей и всех торговых людей побивать

1) «Происх. самодержавия», стр. 195.

2) Платонов, назв. соч., стр. 265.

и животы их грабити, и призывают их, воров, к себе, и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольниковство, и дьячество“. ¹⁾

Тогда испуганное боярство спешит отдаться под чужеземную защиту и передает Москву в руки воевавших с Россией поляков, призывая к себе гетмана Жолковского и выбирая на царство королевича Владислава. Таким образом начинается эпоха своего рода „боярской скоропадчины“. Но чрезвычайно интересно, что и более передовые, сравнительно с боярством, элементы служилого дворянства, являвшиеся с тушинцами и потом порвавшие с „охлократическим“ крылом „бунташного народа“ (по определению Платонова, это были „представители людей среднего состояния и разных классов“, с „добрыми дворянами“ во главе), также посылали своих послов с Салтыковым во главе к Сигизмунду, с той же просьбой отпустить на царство Владислава. Это посольство, таким образом, стояло примерно в таком же отношении к боярству, с каким в наше время стоял Милуков -- к Родзянко. Они оговорили и условия, на которых Владислав должен был принять царство: в законодательстве должна была участвовать не только дума боярская, но и земский собор; особо было оговорено право свободного выезда россиян для науки за границу. Это паломничество Салтыкова и товарищей в Польшу было для того времени чем то вроде нынешнего принятия немецкой ориентации и паломничество в оккупированный немцами Киев П. Н. Милукова. Но, разумеется, когда оба эти течения в пользу польской ориентации встретились, то компромисс между ними вытравил из условий, предъявленных Владиславу, все эти либерально-западнические „новшества“. „Правящая знать говорит по этому поводу В. Ключевский -- оказалась на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами“; ²⁾ а „коалиция на-право“, которую эти средние классы заменили прежнюю свою „коалицию на-лево“, привело к тому, что налет передовых идей слез с них бесследно, как плохая позолота.

*
* *
*

Отныне борьба сосредоточивается между двумя элементами: принявшим польскую ориентацию, пригласившим польские оккупационные отряды боярством, этой откровенной незамаскированной реакцией, и тушинцами, сторонниками Лжедмитрия II, этой охлократией: охлократия шла с юга, а

¹⁾ Платонов, назв. соч., стр. 266—267.

²⁾ „Курс русской истории“, ч. III, стр. 52.

боярская „скоропадчина“ отсиживалась в Москве, охваченная кольцом врагов и страдающая от голода; „казачество“ стояло в авангарде бунтарей, а не в резерве реакции.

Боярская „скоропадчина“ висела в воздухе, не находя в стране ни подлинного сочувствия, ни подлинной поддержки. Но и охлократия шла к банкротству. Она не имела осуществимой по условиям времени программы и потому могла исключительно играть роль элемента разложения старого без силы создать новое. Доказательства этого положения доставила по преимуществу марксистская школа русской историографии, в лице Г. Плеханова и Н. Рожкова.

„Великая разруха“ — писал Г. В. Плеханов про смуту того времени— „полна трагизма. Ее трагизм заключается в том, что народ, недовольство которого вызвало страшное потрясение московского социально-политического строя, не имел *объективной* возможности заменить этот строй каким-нибудь новым, менее обременительным для него порядком“. „Поэтому, когда служилый класс, посадские люди и отчасти черносошные северные крестьяне, взялись за восстановление социально-политического порядка, они восстановили его— и непременно должны были восстановить— в старом виде... У тогдашних московских людей не было другого выхода“. ¹⁾

Еще резче отзыв Н. Рожкова. Установив, что, „Тушинский вор“ был „кандидатом той же казачьей, крестьянской и холопией массы, которая выдвинула в качестве своего вождя Болотникова“, он находит, что масса эта „ставила себе по существу *реакционные* экономические и социальные задачи, имея в виду в сущности возврат к далекой старине“. В то время, как надо было создать в России сильную, организованную государственную власть, „наиболее сознательная в политическом отношении часть этой массы— казачество — стояла не за самодержавие, а за казацкую раду, подобие древняго веча, т. е. в сущности за первобытную неорганизованную демократию“. ²⁾ Слово „реакционные“ мы считаем здесь неудачным— оно навеяно теми же фаталистическо-оптимистическими тенденциями ортодоксального марксизма, во имя которых Лассаль объявлял крестьянские войны— явлением реакционным, а Энгельс презрительно третировал восстание рабов, как бессильные и жалкие помехи диалектического хода развития истории. Ничего „реакционного“ в *существе* устремлений и задач охлоса эпохи Смутного Времени не было. Другое дело *объективные* результаты метаний этого охлоса.

¹⁾ Г. В. Плеханов, «История русской общественной мысли» М. 1919, т. I, стр. 235.

²⁾ Н. Рожков, стр. 196.

Не имея продуманной осуществимой положительной программы, этот охлос, действительно, оказывался в конце концов лишь фактором социального распада и разложения. Но такова была в истории не раз судьба „низовых“ социальных движений.

Тяготая к „первобытной неорганизованной демократии“, тогдашний охлос стал в стороне от единственно реального пути к прогрессу,—а он состоял в восстановлении сильной центральной власти с заменой *боярской* олигархии началом „земскосовета“, в виде всероссийского земского собора и таких же *областных* земскособорных учреждений. Отдаляясь от этой реальной и осуществимой задачи, не понимая ее значения, тогдашний плебс отдавал ее разрешение всецело в руки среднедворянского служилого и городского посадского сословия, и тем самым суживал классовую основу „земскосовета“ и соответственно уменьшал его силу. Что же касается „первобытной неорганизованной демократии“, то она естественно и неизбежно вырождалась на практике в „засилие“ шумных и буйных банд, шедших на поводу у тех или иных диктаторов-атаманов. Диктатура охлократии оказывалась диктатурой отдельных властных выходцев; она—как констатирует Рожков—„осложнялась еще примесью бывшего опричного боярства и родственной ему по социальной природе группы новых авантюристов-карьеристов, большей частью очень незначительного происхождения, вышедших из общественных низов“. ¹⁾ Это были, так сказать, *примазавшиеся* к охлократии.

По мере того, как охлократия „тушинцев“ укреплялась, создавая подобие государственного аппарата, шло и ее вырождение, вплоть до превращения в собственную противоположность, вплоть до восстановления, в новой форме под новым соусом всего недоброй памяти старого. Дело дошло до того, что как свидетельствует Платонов—„земцы видели, что „тушинцы, которые города возьмут со щитом (силою), или хотя эти города и волею крест поцелуют (самозванцу), то все города отдают панам на жалование и вотчины, как прежде уделы бывали“... А так как из тушинцев было не мало иностранных (главным образом польских) авантюристов, и так как для простолюдина всегда „чужой клоп больше кусает“, то все эти маленькие самодержцы, вызвали глубокое движение против „тушинства“. „По всем этим причинам—говорит Рожков—северные города, скрепя сердце, возвратились под власть Василия, считая ее меньшим злом сравнительно с господством Тушинцев“. Тушинство, само перерож-

¹⁾ Н. Рожков, стр. 197.

даясь из охлократии в олигархию, толкало более здоровую часть населения в объятия боярской реакции.

Борьба боярской „скоропадчины“ и демагогического „тушинства“ понемногу превратились в борьбу двух меньшинств при возрастающем разочаровании, усталости и равнодушии страны. „Земля в смуте до 1612 г. была совсем пассивным лицом; над ней спорили и метались люди государства, а не земские“ (К. Аксаков). „Оба соперника — вторит ему Платонов — были слабы, не могли победить друг друга, но своим совместным существованием влияли растлевающим образом на народ, развращали его“. ¹⁾

В этих условиях естественно было зародиться, наконец, тяге к созданию *новой силы*. Даже в обоих враждующих лагерях порою стихийно проявлялась эта тяга, „Московские люди у Даниловского монастыря с'езжались с воровскими людьми из Коломенского, беседовали с ними о делах и убеждали оставить своего Тушинского царька, говоря, что тогда и они оставят Шуйского, соединятся в одно, вместе выберут царя и вместе будут стоять против врагов русской земли ляхов“. Это было, так сказать, самопроизвольное „братание“ на фронте гражданской войны с широкими планами — слияния, через голову реакционных и охлократических диктаторов, в *новую силу* организованного „земскосоветия“. Широкие планы эти в *таком* виде не удались, — но они все же подтачивали изнутри силы обеих меньшинств и боярско-олигархического, и охлократического.

Но новая сила не могла создаться сразу: ведь ей пришлось бы бороться разом на два фронта. „Одно только существование Вора сдерживало негодование лучших людей против поляков. Вор и тот общественный порядок, или, вернее, беспорядок, который он воплощал собою, страшил их более, нежели возмущали поляки; сопротивляться и тому, и другому врагу вместе не было сил. Однако, во многих частях русской земли, в тех, откуда вор был дальше и *иде его знали меньше*, стали передаваться ему, не ожидая добра от поляков“. Другие метались от одного к другим, на горьком опыте последовательно познавая, что „хрен редьки не слаще“. Московские люди устали прятаться от дождя да в воду, поправляясь из кулька в рогожку. Польская опасность, прикрытая боярским знаменем, толкала к „вору“; наличность Тушина, как никак создавшего видимость центральной власти, мешала встать „всей землей“ против поляков и боярской олигархии. „Как ни слаба на деле эта власть, она становилась поперек дороги всякой иной попытке создать центр

¹⁾ Платонов, стр. 272.

народного единения; она покрывала своим авторитетом „всея земли“ казачьи безчинства, терзавшие земщину; она грозила, наконец, опасностью социального переворота и установления в стране „воровского“ порядка, или, вернее, беспорядка“¹⁾ казалось, заколдованный круг был замкнут наглухо. Никакого выхода не было...

В самом деле, междоусобие все более и более истощало страну. Соседи злорадствовали, делая стойку над легкой добычей. Казаки и иные, говоря нынешней терминологией, деклассированные элементы, войдя во вкус гражданской войны, паразитствовали за счет той части населения, которая не бросила еще производительного труда и терпеливо сносила поборы и грабежи. Они научились фабриковать во множестве своих собственных самозванцев, и у них одновременно десятками существовали разные царевичи Савелий, Еремка, Мартышка, Гаврилка и т. п. — не хуже чем в современной Украине разные „батьки“ Махно, Григорьевы, Ангелы, Зеленые и т. п. Анархия, распад, разложение были всеобщими. Московские люди в конце „измалодушествовались“, как горько сетовали современники. Они приучились приспособляться то к той, то к другой власти. Иные, по легкомыслию и неустойчивости, а то и просто из карьеризма, ухитрялись последовательно пребывать во всех лагерях. Для политических „шатунов“ и импрессионистов всех будущих времен от поры „Великой разрухи“ мы унаследовали красочное имя „тушинских перелетов“...

* * *

Какая же сила разомкнула этот заколдованный круг? Кто вывел страну из тупика? Кто нашел выход из положения, как будто безвыходного?

История дает на это совершенно определенный ответ. Россию спасли глубинные почвенные силы ее „областной земщины“.

Даже недооценивающий обычно значение „областничества“ С. О. Платонов пишет: „можно без конца удивляться той энергии, которую проявляют эти мелкие поместные миры, предоставленные своим силам; той цепкости, с которой они держатся друг за друга и той самостоятельности, какую отличаются многие из этих мирков“. Оковы централизации спали, единого всероссийского руководства более нет, и вот снизу, спонтанейно, нарастает какое то массовое духовное напряжение, подъем и просветление. „Не слышно больше царских указов из Москвы слышен только шум по областям,

¹⁾ Платонов, стр. 305.

на площадях главных городов“ (Щапов). Естественно областные районы организуются на выборном начале, вокруг своих излюбленных людей, списываются, сталкиваются, заключают как бы союзы взаимного страхования против „налетчиков“ олигархических и охлократических.

Медленно, не без препятствий налаживается этот *доюворный*, т. е. по самому своему существу *федеративный* союз областей. Сначала он — чисто оборонительный. „Вы опасаетесь от казаков какого налога, или других каких воровских людей, и вам бы однолично того не опасаться, как будем все, верховые и понизовые города, в сходу, и мы всею землею о том совет учиним и дурна никого вора́м делать не дадим, помня общее свое, на чем мы все советуя крест целовали“. Но гроза возможна и с другой противоположной казакам стороны, и потому „а буде по кого пошлют из Москвы бояре, а велят, поймав, привести в Москву, или по каким нибудь городам рассылать, или какую либо пеню и казнь велят учинять, и нам за тех людей стоять всем единомысленно и их не выдавать“.

Уже в этих выдержках из областной переписки видна сознанная необходимость обороняться на два фронта. Еще определеннее сказывается она в других посланиях. Податливым перед тушинцами пишут: „рады вы крестьянскому кровопролитию и разорению, вятскую землю на разорение вора́м напрасно предаете, ратных людей к нам не пришлете и с нами на воров не стоите, и вы сами себе предатели, и по своей вам глупости погибнуть. И мы на вашу глупость не смотрим, с изменниками не ссылаемся, а над вора́ми промышляем и против воров стоим, как нас милосердный Бог вразумит и сколько помочи подаст“. Тем, с кем сносятся боярская партия, пишут, что „бояре прельстились до уделов, хотят разделить русскую землю“; „мы, господа, про то знаем подлинно, что на Москве всему христоименитому народу гоненье и теснота большая от бояр и от польских и литовских людей“; и в ответ на это другие области постановляют „отказывать боярам“, „а бояр нам не хотеть, против бояр стоять нам вместе за один“.

Получив опору во взаимопомощи, областные „люди земли“ понемногу проникают твердою решимостью — держаться совершенно независимо от претендентов на власть, овладевающих ею нахрапом, и предостерегают друг друга: „пожалуйте, помыслите с миром крепко, и не спешите креста целовать: не угадать, на чем совершится“. Главное — не действовать в особицу друг от друга, а принять решение всем сообща; и вот, происходит взаимный опрос, поиски „отвестья

и совету": „помыслить им у Соли Вычегодской со всею Усольскою землей: что их мысль, хотят ли они с устюжанами стоять крепко заодно, и совет с ними крепкой держать ли? И просят послать выборных для совету". Торопятся „общестать, покаместь еще свободны, а не в рабстве и в плен не разведены". Создают лозунг, по нашей терминологии означающий „долой гражданскую войну": „сослався меж себя, утвердились на том крестным целованием, что быть нам всем православным христианам в любви и в соединении и *прежнею междоусобия не зачинать* и на смуты и на раздор не писать бездельно". Уславливаются не признавать власти, которую кто либо установит „по своему произволу, не соглашаясь со всей землей", но „помнить общее свое, на чем все советуя крест целовали" и „обще со всей землей попещись о земском деле". Из этого естественно вырастает идея все-российского федерирования на этом реальном деле восстановления государства: „и мы тотчас от всего российского государства с радостью выбрав честных людей, которые к тому великому делу будут годны, и дадим им полномочный наказ о государевых и земских добрых делах говорить и устанавливать, *как государством быть в соединении*"¹⁾.

При всех поисках выхода из существующего положения естественно и сама собой напрашивается идея „земского собора". Нельзя прекратить междоусобия, подтачивающего в конец жизненные ресурсы и без того истощенной земли, иначе как найдя какую то высшую инстанцию для всех частных споров и притязаний; но где же может быть такой авторитет, если не в „воле всей земли", не в соединении всех государств, на которые, как на составные свои части, распалась Россия. И вот „о земском соборе думает каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинация цепляется за него как за источник власти и необходимую опору порядка. Мало того, „смута была колыбелью мысли о земском соборе нового типа"—не о соборе высших бояр, высшего духовенства и с'езда должностных лиц, как при прежних царях, а о соборе „с новым составом и значением, с выборными сословными гласными, с более близким и постоянным участием в законодательстве и управлении и с иным отношением к боярской думе"²⁾. Как же пришлось бы нам характеризовать этот тип земского собора с точки зрения наших современных понятий. Ответ на этот вопрос не внушает никаких сомнений. Ключевский прямо говорит про „учредительное значение", про „учредительную власть" та-

¹⁾ Шапов. „Великорусские области и Смутное Время", соч. т. I.

²⁾ Ключевский. „Боярская Дума", стр. 374—375.

кого земского собора (стр. 371, 373). Еще категоричнее выражается Плеханов: „Избирательный собор 1613 г. был, в сущности, учредительным собранием“¹⁾).

Итак, все более и более становилось ясным, что нет другого выхода из такой „великой разлуке“, кроме Учредительного Соборания. С разных сторон, сразу или постепенно, с большей или меньшей степенью ясности, но приходили к тому же, выражаясь нашей терминологией, политическому лозунгу. Популярность его становилась так велика, что поиграть этим лозунгом и прикрыться им пробовали и силы, действовавшие в своих узко-своекорыстных побуждениях, силы, которые на современном политическом жаргоне пришлось бы назвать контр-революционными. Так, В. Ключевский, пробуя расшифровать загадочные пункты в поведении Василия Шуйского при его вступлении на царство, выставляет весьма остроумную гипотезу: этот претендент на создание новой царской династии, ограничиваемый боярами, которые желают сделать из него „первого среди равных“, ловким маневром старается поставить между собой и боярством земский собор, сделав его — по принципу „разделяй и властвуй“ — орудием своих династических интересов. Так, и Салтыков со своею „польской ориентацией“, желает прикрыть свою сделку с „наследственным историческим врагам“ тогдашней России, не может обойтись без авторитета земского собора. Но народное упование на „земский собор нового типа“ было слишком широко для того, чтобы этот, *так сказать*, контр-революционный флирт с идеей земского собора мог скомпрометировать эту идею. Тогдашние россияне могли бы сказать: „море тем не погано, что и псы из него лакают“.

*
* *

Так созревала и оформлялась постепенно новая сила, со своими особыми лозунгами и методами действия. Напрасно пытался опереться на нее Василий Шуйский, расточая медовые речи и рассыпая самые льстивые обещания. Он говорил языком, затрогивавшим чувствительные струны только имущих верхов земли, а это было слишком узкое основание для того, чтобы создать вокруг него всенародный энтузиазм и напряжение всенародных сил. „А мы вас пожалуем нашим великим жалованием писал он— вас, помещиков и детей боярских, пожалуем большою денежною и поместною придачею, велим вас испоместить и наше жалование дать; а вас, посадских и уездных людей, пожалуем льготою на многие лета, торговать велим вам безошлинно и во всем велим

¹⁾ Плеханов, „Ист. русск. общ. мысли“, т. I, стр. 207.

отарханить". Торговцы и помещики, убаготворяемые „денежною и поместною придачею“ за счет всей остальной и без того обнищавшей земли—вот единственный козырь, который, кажется, во все времена только и могла извлечь из своих карт контр-революция. Неудивительно, что в тылу у нее быстро начиналось разложение: ратные люди начинали „изменное слово говорить“, „царское имя поносить“, да „величать вора и в кабак за него чаши пить“.

И позднее также тщетно пытались использовать силу областей в свою пользу бояре „скоропадчики“ той эпохи. „Видя это, Московское боярство, сидя взаперти, обращается с грамотами в Кострому, Ярославль и другие города, увещевая народ отказаться от всех воров и быть верными Владиславу. Лишенные доверия, силы и власти в стране, бояре все еще думали руководить ею во имя того, против кого была вся земля, и не чувствовали, что около них вырастает новая власть, созданная и поддержанная земскими силами“¹⁾.

Контр-революция того времени была бессильна выступить отдельно и самостоятельно, под собственным знаменем. Но она могла и умела замешаться в ряды более широкого и демократического движения, под прикрытием популярного лозунга всеобщего примирения, любви и соединений, и изнутри пытаться повернуть это движение в свою пользу. С этой точки зрения характерна судьба первого ополчения, созданного областными силами и двинутого на Москву. В нем было много общего с „петлюровским“ движением против Скоропадского: это, прежде всего, крайняя пестрота и разнохарактерность состава. Здесь были и такие, как Ляпунов, принимавшие недавно польскую ориентацию; здесь были и казацкие шайки Просовецкого; были и „тушинские“ элементы; после первых успехов против бессильной полонофильской боярщины в „победоносной“ рати начались раздоры и разложение, и все дело тонуло в „злоупотреблениях и беспорядках“. Второй период жизни этого „первого ополчения“ ознаменован событиями, напоминающими действия Сибирского правительства и Колчаковцев в тылу волжско-уральского фронта Учредительного Собрания. Первым актом Сибирского правительства, поселившим неуверенность и разложение на этом фронте, было, как известно, аннулирование для Сибирской территории „закона о земле“ Учредительного Собрания. Таким же актом для земского ополчения Ляпунова, Трубецкого и Зарецкого был „приговор“ служилых представителей 25 городов, которым „постановили беглых крестьян и холопей, до тех пор считавшихся казаками, возвращать их преж-

¹⁾ Платонов, стр. 298.

ним господам и обращать в прежнее состояние“¹⁾). Результат в обоих случаях был однородный: „ополчение разлагалось“, а Прокофий Ляпунов, „всего московского воинства властитель“, стал с этих пор плембу так ненавистен, что „с той пор начали над Прокофием думати, как бы его убить“. И успех ускользнул у первой рати. Потребовалось новое усилие областной земщины и второе ополчение Пожарского и Минина, чтобы закончить успешно начатое, но оборвавшееся в новом, внутреннем междоусобии, дело.

Вообще процесс создания новой силы был медленным, кропотливым, прерывающимся неудачами. Трудны были ее роды. Надо было преодолеть центробежные течения и вправо, и влево. В иных из областей преобладал близорукий приходской патриотизм, ограниченный кругозором „своей колокольни“. Там предпочитали выжидать и отсиживаться от еще не надвинувшейся опасности: „ино еще до нас далеко, успеем с повинной послать“. В других областях первое время за словом не следовало дело, и приходилось их увещевать и предостерегать: „и вы к нам пишете словом, что вы стоять с нами заодно единомысленно рады во всем, а делом с нами ничего не делаете; а слухом мы слышали, что в верховьи которы города, и рязанские города, и северная Украина меж собою не советовались и друг за друга не стояли, и вот оне сами в раззореньи стали“. Таким образом, под грозой Смутного Времени области старой Руси сначала лишь неохотно и туго прощались с провинциальной обособленностью, чтобы из своей „околицы“ выбраться на широкую столбовую дорогу всероссийского государственного творчества. Порою было слишком соблазнительно поискать какогонибудь „сепаратного“ выхода. И не хуже, чем современная Грузия, которая едва не полоненная немцами и турками, махнув рукой на остальную Россию, кое-как „устроилась“ сама, под фактическим протекторатом англичан — так в пору Смутного Времени изыскал для себя „сепаратное“ успокоение Новгород Великий, перед лицом польской опасности отдавшийся под высокую руку врага Польши, „свейского царевича“. Иноземная интервенция не оказалась более безкорыстной оттого, что стала шведской вместо польской, хотя не было недостатка в ее наивных идеализаторах, глубокомысленно изобретавших всевозможные резоны, по которым они „той статьи как учинил над московским государством литовский король, не чают от свейского королевича“. Нужна была долгая волокита со „шведской интервенцией“, чтобы Новгородцы „задним умом“ вразумились и „приложились к общему делу“...

¹⁾ Платонов, стр. 290.

Наконец, от времен московской централизации сохранилось столько законных окраинных претензий и неудовольствий, что старые счета и оглядка на прошлое мешала многим областям взяться за обще-российское дело. Нужно было много государственного смысла и чутья, чтобы смотреть не назад, а вперед, памятуя, что всему свое время. И более дальновидные умы того время, вроде Палицына, особенно настойчиво раз'ясняли окраинным областям всю близорукость их сепаратизма, смахивающего на обывательское „моя хата с краю“. „Сами знаете—писал он—что всякому делу одно время бывает, безвременное же начало всякого дела пусто и бездельно бывает; хотя буде и есть в ваших пределах которые *недовольны*, Бога ради, отложите то на время, чтоб об одном всем вам с нами положить подвиг свой“...

В „Великой Разрухе“ триста лет назад, в самом жалком, парализованном состоянии был центр, и сравнительно нетронутые запасы сил приходилось искать на окраинах, ибо чем дальше местность была от центра, тем живее в ней были начала областнической самостоятельности и инициативы, в центре совершенно подавленные чрезмерной близостью всеопекающей центральной власти, как бы гипнотизированные ее созерцанием. Если Москва раньше самоуверенно распоряжалась судьбами всей российской земли, то теперь она вынуждена была сбавить голосу и заговорить тоном просительницы:

„Господам братьям нашим всего Московского государства, братья мы и сродники, пишем мы к вам, православным крестьянам, общим всем народам Московского государства. Пишут к нам братья наши, разоренные и пленные, которые отцов, матерей, жен и детей своих лишились, до последнего оскудения дошли и не имеют, где главы подклонить, пишут как нам всему крестьянскому народу, так и вам, не для чего иного, только для единого Бога всемогущего, видя наконец погибель, постигшую всех нас, утвердить Совет... И мы не слухом только слышим, до нас самих в Москве конечная погибель доходит. Бога ради, не призрите бедного, слезного нашего рыданья: будьте с нами обще, заодно, против врагов наших и ваших общих, помяните одно: только коренью основание крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будет: к чему прилепиться“.

И сознание необходимости „общего корня“, *единства*, без которого удел всех—раздробленность, бессилие, приманка для хищности сильного соседа, перспектива все время висеть на волоске, быть игрушкой случая и легкой добычей, раздражающей аппетиты соседей—восторжествовало. С ок-

раин началось федерирование для разрешения задачи общегосударственного масштаба, „последовательный процесс развития общего, всенародного земского Совета из разрозненных местных, областных земских Советов: посредством взаимных договоров и взаимного соединения“... (Шапов). И, как увенчание здания, все закончилось „сходом всех городов и государств русской земли под Москву“, — земским собором С „великой разрухой“ было покончено.

В. Булатов.

Из истории земских и городских объединений.

I.

Вопрос о необходимости объединений земств в целях совместной работы для удовлетворения „местных польз и нужд“ был выдвинут уже в первые годы существования земских учреждений-- в конце 60-х годов прошлого столетия. Однако, правительство из боязни призрака „общерусского земства“, идея которого была сформулирована в общественных кругах при выработке земского Положения 1864 года и затем подхвачена некоторыми земствами и дворянскими собраниями (С.-Петербургским, Московским),--неукоснительно преследовало всякие попытки к объединению земства и закрепило даже особым циркуляром какие-либо сношения земств разных губерний друг с другом (циркуляр 13 июня 1867 года).

Жизнь тем не менее оказалась сильнее этих искусственных преград и земства так или иначе входят во взаимное общение, чтобы делиться опытом в новом для всех них деле. В 70-х и 80-х годах это общение выражалось почти исключительно в форме частных совещаний, переписки и т. д. Официальные съезды по специальным вопросам (по борьбе с вредителями сельского хозяйства на юге России, по борьбе с эпидемиями в Поволжье) разрешались лишь в исключительных случаях, чрезвычайно редко.

Так продолжалось до 90-х годов. Ненормальность создавшегося положения не давала себя чувствовать так сильно только благодаря тому, что в этот период деятельности земства, в первое 25-летие, на первом плане стояли мероприятия чисто культурного характера (народное образование, медицина), начинания же хозяйственного характера занимали чрезвычайно скромное место в деятельности земских учреждений.

Голод 1891--92 гг. и вообще изменение экономической конъюнктуры до конца 80-х годов поставили перед земствами во весь рост вопрос о переходе к планомерной работе

по укреплению экономического положения крестьянского хозяйства, а вместе с тем не замедлил встать на очередь вопрос об объединении земств в целях наилучшего обслуживания хозяйственных нужд населения.

Разрозненность земств дала свои печальные плоды уже в 1891—92 гг., когда земствам впервые пришлось проводить продовольственную кампанию в широком масштабе. Закупая хлеб для голодающих, вразброд, земства нередко взвинчивали цены, являлись конкурентами друг друга. На это справедливо указала, между прочим, продовольственная комиссия 1893 года под председательством В. К. Фон-Плеве, назначенная для пересмотра продовольственного устава. Она, однако, упустила из виду, что само правительство всячески препятствовало объединению земств для практической работы.

Голод 1891—92 гг., как мы сказали, выдвинул в земствах на очередь экономические мероприятия, в особенности дело улучшения сельского хозяйства. Земства начинают с середины 90-х годов развивать операции своих складов сельскохозяйственных машин и орудий, приглашают агрономов и т. д. Это вновь ставит на очередь вопрос об объединении работы отдельных земств.

Параллельно наблюдалось и общее оживление земской деятельности, с естественным стремлением отдельных земств выйти за узкие рамки, отведенные им статьей первой Земского Положения. Учащаются земские совещания и с'езды, носящие по большей части частный характер. Между тем совещание председателей управ, имевшее место в 1896 г. в Нижнем-Новгороде во время всероссийской выставки, подняло речь о более прочном объединении земств и в частности об издании общеземского органа печати. Последний вопрос дебатировался затем в конце 90-х и в начале 900-х годов, в ряде земств, причем большинство их высказалось за издание такого органа при Московской губернской земской управе. Вообще, надо сказать, последняя, начиная с 90-х годов, все более и более начинает играть роль объединенного земского центра.

Правительство, однако, и на этот раз отнеслось решительно отрицательно к каким-либо попыткам координировать работу земств, из боязни политических тенденций. На ходатайства земств об издании общеземского органа печати при Московской губернской управе оно ответило, что таковой орган оно предполагает издавать само; что же касается земских с'ездов и совещаний, то, оно, начиная с 1902 г., стало практиковать их в форме совещаний представителей земских управ при министерстве внутренних дел (совещания по ре-

форме дорожного дела, продовольственного устава и ветеринарного законодательства), преследуя в то же время неукопнительно попытки земств к объединению вне министерского контроля. Тем не менее в это время зародилось все же явочным порядком одно ценное земское начинание, получившее впоследствии весьма широкое развитие и легализованное законом 1906 года. Мы говорили об объединении земств (преимущественно *по областному принципу*; для совместной закупки из первых рук сельско-хозяйственных машин и орудий.

Впервые такого рода закупка была произведена в 1899 г. по инициативе Орловского губернского земства, на сумму 90,000 р. для 40 земств центрального района. В следующем году состоялось совещание представителей Поволжских и Восточных земств при Казанской губернской управе по вопросу о совместной закупке сельско-хозяйственных машин и орудий за границей. В 1903 году совместные земские закупки производились при Орловской (для центрального района) и Самарской (для Поволжья и Восточного района) управах. Позднее совместную закупку осуществило Тульское губернское земство, но в общем из всех этих начинаний укрепилось и развилось только объединение при Орловской губернской управе, при чем частное соглашение земств было заменено образованием земского товарищества по закону 31 января 1906 года „для закупки необходимых в сельском быту предметов“. В это Орловское товарищество вошли (в 1910 г.) 5 губернских и 8 уездных земств; в 1914 году оно объединяло уже 50 земств (9 губернских и 41 уездных), главным образом центральных губерний.

Общая сумма закупки Орловского объединения росла с течением времени следующим образом:

в 1900—01 г.—	300	тысяч	рублей
„ 1905—06 г.—	502	„	„
„ 1909—10 г.—	1200	„	„
„ 1913—14 г.—	2239	„	„

Вторым товариществом земств, образованным применительно к правилам 31 января 1906 г., является товарищество Московского губернского земства и К-о по совместной закупке железа (преимущественно кровельного). Это товарищество возникло в 1909 году; в 1915 году в нем участвовало уже 29 губернских земств (из 43), причем закупка выражалась в сумме $6\frac{3}{4}$ мил. рублей.

В 1912 году начало действовать *Киевское Товарищество западных земств* по продаже сельско-хозяйственных машин

и орудий, причем в 1913-14 году в товарищество входило 2 губернских (Киевское и Подольское) и 21 уездных земств Юго-западного края и Малороссии. Отпуск товарищества в этом году выразился в сумме 798 тыс. рублей.

Другим крупным начинанием в области об'единения земств является, так называемая, *Общеземская организация* помощи больным и раненым воинам во время Японской войны. Организация эта возникла явочным порядком тот час же, как вспыхнула Японская война, по инициативе Московского губернского земства (в феврале 1904 г.). Всего за 1904--05 гг. в распоряжение Общеземской организации поступило 1246 т. р.; а израсходовано на помощь на Дальнем Востоке 581 тыс. руб.; остаток суммы был обращен на продовольственную помощь населению земских губерний в 1905--06 гг. и 1906--07 гг. Именно, по окончании Японской войны Общеземская организация решила продолжать свою деятельность, направив ее на работу по продовольственной помощи в связи с крупным неурожаем 1905 года. На с'езде представителей земств, участвовавших в деле помощи на Дальнем Востоке (30 августа 1905 года), было решено для об'единения работы в пострадавших от неурожая губерниях учредить общеземскую управу и совет при ней, а на местах образовать губернские и уездные комитеты. Комитеты эти должны были вести работу под руководством уполномоченных Общеземской организации. Всего эта последняя и ее местные учреждения располагали в кампанию 1905--06 гг. суммой в 3089 тыс. руб., в том числе было пособие от министерства внутренних дел 2550 тыс. рублей и взносов земских и городских учреждений 1779 тыс. рублей.

В продовольственную кампанию 1906--07 гг. правительство отпустило общеземской организации лишь 937 тыс. руб. Изменилось к организации и отношение земств, охваченных в это время реакцией, причем ряд губернских земств (8) постановили выйти из общеземской организации. Вся организация перешла как бы на полулегальное существование.

В 1908 году на с'езде представителей земств, участвовавших в Общеземской организации, было решено приступить к делу помощи переселенцам в Сибирь. Необходимо сказать, что еще в сентябре 1906 года на с'езде земских представителей по переселенческому вопросу был поднят вопрос об об'единении земств в деле помощи переселенцам. Из числа земств к работе в этой области приступили тогда же земства Полтавское, Харьковское и Екатеринославское. Общеземская организация (под председательством кн. Львова) решила ограничиться врачебно-продовольственной помощью

переселенцам. Параллельно возникла в 1908 году областная переселенческая организация земств при Полтавской губернской управе. Организация эта просуществовала 4—5 лет и затем распалась.

Поднималась также речь об образовании Северо-западной переселенческой организации при Смоленской управе, но осуществления это не получило.

В 1912 году земства подмосковного района об'единились и устроили областную опытную станцию в Волоколамском уезде Московской губернии. Затем в 1916 году Вятское и Пермское земства постановили об'единиться и образовать земское товарищество по эксплуатации железодельных Холувицких заводов, а также для устройства суперфосфатного завода. Последующие события помешали, однако, осуществлению этих начинаний.

Одним из старых земских об'единений является *перестрахование между земствами огневых рисков*. Речь об этом поднималась еще в 70-х годах, а затем более определенно была поставлена в 1884 году Уфимским и в 1895 году Орловским губернскими земствами. Об'единение это было санкционировано специальным законом 16 декабря 1902 года в форме установления периодических (на год) договоров отдельных губернских земств. Перестрахование было начато 1 июля 1904 года, причем договор заключили 16 земств различных районов; в 1905 году к ним примкнуло еще Уфимское земство. Таким образом, половина земств осталась вне об'единения. Вскоре для некоторых земств выяснилась невыгодность заключенного договора и последовал выход некоторых земств из об'единения. Позднее в договор были внесены (с 1909 г.) значительные улучшения, но дело все же не получило вполне устойчивого и бесспорного развития, — половина земств по прежнему оставалась вне об'единения. В мае 1917 г. Временное Правительство утвердило Положение о преобразовании этого перестраховочного соглашения в страховой земский союз со всеми правами юридического лица, а вскоре, менее чем через год, этот союз был уничтожен новой властью. В земских кругах не существовало единодушного взгляда по вопросу о постановке и направлении деятельности земского страхового союза. Некоторые указывали на то, что сама по себе губерния достаточно крупная единица для постановки земского обязательного страхования и для обычных земских рисков. Союз по перестрахованию необходим лишь в отношении крупных рисков добровольного страхования, что дало бы возможность успешной и рациональной конкуренции с акционерными обществами. Затем в виду крайнего различия

естественных и бытовых условий по районам, выдвигалась также идея образования вместо общего земского страхового союза областных союзов (напр., для юго-западных земств), но осуществления это не получило.

Наиболее старым земским объединением является совместная выписка земствами (и некоторыми городскими управлениями) медикаментов через посредство Тверской губернской земской управы. Такая выписка начата была еще в 1899 году. С течением времени операции росли и за последние годы обороты составили:

в 1912 году	560,9	тыс. руб.		
„ 1913 „	—545,1	„	„	
„ 1914 „	620,5	„	„	

В 1914 году из общей суммы отпуска приходилось на долю земств Тверской губернии—41% и на долю земств других губерний—49%. Клиентами склада в 1913 году состояли 91 земских и городских управ не Тверской губернии.

Война сильно отразилась на деятельности Тверского склада; закупки медикаментов за границей и их доставка были до крайности затруднены, но все же, благодаря налаженным давнишним связям, склад имел возможность продолжать, хотя и в сокращенном виде, свою работу. Война же, с другой стороны, создавшая страшный лекарственный голод, дала толчок образованию специального земского товарищества по совместной закупке медикаментов. Товарищество это, применительно к правилам 31 января 1906 года, возникло в 1916 г. при Московской губернской земской управе, но развить своей деятельности не успело как в силу затруднений, обусловленных войной, так главным образом благодаря наступившей вскоре разрухе.

Такое товарищество не имело областного характера и включало в свою среду земства различных районов, стремясь в то же время обслужить и потребности городских самоуправлений. Задачи такого товарищества шире, чем простая закупка медикаментов для земств и городов. Усваивая опыт Всероссийского Земского Союза, такое товарищество может взять на себя организацию кустарного производства хирургических и вообще медицинских инструментов и приборов, сбор лекарственных трав и т. д. Затем товарищество могло бы устроить центральный или ряд областных оспенных телятников для выработки на широких началах оспенного детрита и вообще для приготовления сывороток.

Наконец, в области здравоохранения выдвигается и еще одна задача, которая лучше всего может быть обслужена

земскими (и городскими) объединениями. Мы говорим об устройстве на курортах лечебниц и санаторий. В настоящее время в этой области мы встречаемся лишь с разрушенной работой отдельных земств (главным образом Таврического и Херсонского). Деятельность других земств носит чисто кустарный характер. Между тем тут необходимы и большие средства и специальная организация, что под силу лишь земским (и городским) объединениям, которые могут иметь либо центральный характер (в отношении таких курортов, как Кавказ, Крым), либо областной—для местных источников.

В отношении культурно-просветительной работы жизнь точно также наметила некоторые формы земского объединения, не успевшие, однако, получить развития. Это, прежде всего, организация снабжения земств учебниками для школ и книгами для народных библиотек путем, во первых, объединенной закупки их в книжных центрах (Москва, Петроград, Киев), а во вторых, путем осуществления земского книгоиздательства. План деятельности в этих направлениях и был намечен на общеземском съезде 1913 года в Уфе, практически же было осуществлено до сих пор весьма мало, именно, Московское уездное земство сделало опыт посреднической закупки учебников для ряда земств.

По существу областное значение имела мастерская наглядных учебных пособий Вятского губернского земства. Сама жизнь подсказывает необходимость таких областных предприятий. Организованные на широких началах, в крупном масштабе, такие мастерские в состоянии дать земствам и школам различных ступеней лучшие образцы, соответствующие учебным планам и заданиям.

Наконец, в 1916 году выдвигалось и еще одно начинание, не успевшее, однако, осуществиться: именно, проект устройства областной земской (на севере, где много лесов) писчебумажной фабрики. Земство, со своими многочисленными школами является крупным потребителем бумаги и нечего особенно доказывать, какое существенное значение имело бы устройство земских писчебумажных фабрик. Опять таки и это дело лучше всего могло бы быть осуществлено объединенной организацией местных самоуправлений.

Выше мы перечислили основные формы земских объединений (областных и общеземских), выдвинутых практикой или поставленных пока только на очередь. Помимо этих форм в жизни наметились и некоторые другие. Так, например, дебатировался вопрос о создании общеземской (или областных) кассы мелкого кредита, для объединения деятельности много-

численных губернских и уездных земских касс мелкого кредита, в форме универсального кредитного учреждения для органов местного самоуправления.

Далее, поднималась речь об устройстве товариществом земств сети холодильников и хлебных элеваторов, причем мелкие элеваторы и холодильные склады могли бы устраиваться отдельными земствами, а узловые элеваторы и склады областным товариществом органов самоуправления.

Наконец, вполне назрела идея образования *общеземской пенсионной кассы*, при учреждении которой вместо отдельных пенсионных и эмеритальных касс по губерниям выиграли бы и земства и земские служащие.

Вот те основные формы земских объединений которые выдвинула до сих пор жизнь в области тех или иных практических мероприятий. Помимо этого практика поставила на очередь и общий вопрос о создании общеземского центра, в качестве объединяющего руководящего органа. В 1910 году идея такого центра вылилась в форму учреждения общеземского *Дома-Музея*, с библиотекой, справочно-консультационным бюро и т. д. Идея эта встретила всеобщее сочувствие в земской среде, но к осуществлению так и не удалось приступить. Несколько лет спустя в земской прессе был выдвинут вопрос об образовании впредь до учреждения Дома-Музея, постоянного бюро земских съездов, но и это осуществления не получило.

Так, мы видим, жизнь различными путями вела к одному: к необходимости объединения практической работы земств в различных областях путем создания особых союзов и товариществ, а также путем образования идейного руководящего центра. Это движение, проявившееся вполне определенно с конца 90-х годов, к началу великой войны 1914 года оформилось уже отчетливо. Возникновение в таких условиях в самом начале войны Всероссийского Земского Союза отвечало лишь давно назревшей потребности. По необходимости Земский Союз должен был сосредоточить свою работу на первых порах на деле помощи больным и раненым воинам (на фронте и в тылу) и на осуществлении тех заданий, которые непосредственно выдвигала война (помощь беженцам и военнопленным и т. д.). Но по мере того, как война затягивалась она все глубже и глубже затрагивала весь уклад жизни, а в частности и хозяйственные отношения. И откликаясь на запросы жизни, Всероссийский Земский Союз все более и более подходил к осуществлению объединяющей роли в деле ограждения сельского хозяйства (реквизиции, поставки

и т. д.), а также в деле организации продовольственной помощи населению. Затем выяснилось также, что весьма многие начинания и предприятия Земского Союза (а также „Земгора“) целесообразно сохранить и для мирного времени, оставив их частью в ведении Всероссийского Земского Союза, частью передав областным земским организациям и даже отдельным земствам.

В отличие от Всероссийского Союза Городов Земский Союз не создал областных организаций, а действовал централизованно, объединяя земства всех губерний, кроме Курской. Объясняется это в значительной мере тем, что территория земских губерний захватывает лишь компактную часть Европейской России, без ее окраин и не распространяется на Сибирь, Кавказ и т. д. С распространением земских учреждений на эти окраины создание областных земских объединений в форме различных паевых союзов и товариществ становится еще более настоятельным и жизненно необходимым. При этом, как это и показывает вся земская практика, разные объединения могут захватывать самые различные области, а во многих случаях должны, по существу самого дела, носить как-бы экстерриториальный характер.

II.

Менее богата практика городских объединений у нас. Города значительно позже, чем земства, вступили на путь широкого развития своего общественного хозяйства (главным образом лишь в 900-х годах, незадолго до начала войны), причем между отдельными городами было до сих пор гораздо меньше точек соприкосновения, чем между земствами: тут имело значение и крайнее различие городов по их размерам и то, что пульс общественной жизни в городских самоуправлениях бился несравненно слабее, чем в земствах.

Однако, движение в сторону создания коммуниальных объединений не миновало и наши городские управления. В 1910 году состоялся в Одессе съезд городских деятелей по благоустройству; затем осенью 1913 года имел место в Киеве первый всероссийский съезд представителей городов по финансовым вопросам и в Петрограде происходили подготовительные совещания по созыву общего съезда городов по городскому благоустройству. Тем временем стали устраиваться также областные съезды городов Кавказа.

Вслед за образованием в самом начале войны Всероссийского Земского Союза возник и Всероссийский Союз Городов. Деятельность его протекала в общем в тех же рам-

ках, что и деятельность Земского Союза, но в Городском Союзе определеннее проявилось стремление выйти из рамок обслуживания нужд раненых и больных воинов и развить шире работу „тылового“ характера — объединить города в деле борьбы с продовольственными затруднениями и т. д.

В организационном отношении также имелось одно существенное различие между Городским и Земским Союзом. В Союзе городов частично нашел себе место принцип областного построения. Так, были созданы областные (автономные) организации: Петроградская (для 6 северных губерний), юго-западная, Кавказская, Западно-Сибирская.

Во время войны и отчасти в связи с поставленными ею запросами выдвинулся ряд проектов в области городских объединений. Так, из недра Всероссийского Союза Городов вышла мысль об объединении городов для совместного проведения облигационных займов и вообще об образовании при Союзе городов особого финансово-консультационного бюро для проведения и облегчения кредитных операций отдельных городов.

В это же время разрабатывался вопрос об учреждении общегородской пенсионной кассы и был составлен даже соответственный проект, встретивший сочувственное отношение многих городов.

Топливный кризис побудил Московское городское управление приобрести в Донецком бассейне угольные копи; вокруг этого дела могли бы несомненно объединиться в дальнейшем и другие города. Точно также и в деле снабжения городов строительными материалами жизнь заставляет городские управления подумать об объединении.

Что касается снабжения городов медикаментами, то до сих пор некоторые города пользовались посредничеством Тверского губернского земства, а последнее время услугами Всероссийского Земского Союза. Здесь, как и в отношении учебников, учебных пособий и т. д.¹⁾ городам нет никаких оснований идти обособленно от Земств. Тут целесообразны земско-городские объединения, приуроченные к определенным центрам закупки (Москва, Петроград, Киев и т. д.), с образованием заграничных агентур.

Большое значение для городского хозяйства должны иметь также областные технические бюро городов — для облегчения отдельным, главным образом мелким, городским

¹⁾ Дело снабжения городов наглядными учебными пособиями отчасти обслуживалось складом Московского городского общественного управления.

управлениям устройства различных технических оборудований (электрических станций, водопроводов, боен и т. д.). Все это, однако, впереди, практика же городского самоуправления в общем была довольно бедна, как мы видели, попытками создать те или другие муниципальные объединения. Значительный опыт в этом отношении дал лишь Всероссийский Союз Городов и в частности Петроградский областной комитет Союза Городов.

При построении в дальнейшем городских объединений естественно встанет вопрос, нужно ли строго проводить начало областных объединений или же допустить в качестве самостоятельного начала, или корректива к первому, начало объединения городов по их размерам, что имеет место в Англии, Германии и т. д. Жизнь пойдет у нас, вероятно, по пути образования добровольных целевых союзов городов, — в некоторых случаях союзов областных, в других — вне-областных. Особое значение могут иметь также земско-городские объединения по целому ряду областей (закупка и производство медикаментов, учебников, учебных пособий и т. д.)

III.

Выше мы дали исторический очерк земских и городских объединений (товариществ, соглашений и договоров, союзов); мы видели, что, несмотря на внешние препятствия и тормазы, идея таких объединений пробилась в конце концов себе дорогу, по мере развития земского и городского хозяйства. Координация работы отдельных земств и городов на известном уровне развития местного общественного хозяйства стала жизненной необходимостью. Легальный выход для земских объединений (товариществ) был дан законом 31 января 1916 г., предоставившим земствам образовывать товарищества для закупки необходимых в сельском быту предметов — сельскохозяйственных машин и орудий, семян и т. д. Специальное значение имел ранее изданный закон (1902 г.) о допущении земского перестрахования, на основах особого договора между земствами.

Наконец, при Временном Правительстве был издан нормальный закон (9-го июня 1917 г.) предоставивший городам, земствам и поселковым управлениям образовывать между собою целевые союзы, составлять товарищества и заключать договоры по всем предметам ведения земских и городских учреждений. Такие объединения не могут лишь устанавливать налогов и издавать обязательных постановлений. В своих действиях союзы и товарищества земств и городов, согласно

правилам 9 июня, подчиняются общему порядку и надзору, установленному для земских и городских учреждений.

Кроме того, 15 мая 1917 года Временное Правительство утвердило Положение о Страховом Земском Союзе, вместо товарищества земств по перестрахованию, применительно к закону 1902 года.

Положение 9-го июня дает основу для различных объединений органов самоуправления, необходимость таких объединений вполне назрела и им открывается широкое будущее. Можно сказать, что полоса разрозненной, обособленной работы отдельных органов самоуправления миновала, а впереди новая эра—эра согласованной деятельности и различных объединений (товариществ и союзов) органов местного самоуправления. Существо дела выдвигает, при этом, образование самых различных комбинаций—иногда построенных на областном начале, чаще же всего вне этого начала; наконец, самые областные группировки в разных случаях не должны и не могут совпадать. С возникновением и широким развитием различных областных муниципальных объединений центр тяжести практической работы ляжет именно на эти объединения, за центральным же объединением (общеземским и общегородским) останется в таком случае роль идейного руководителя, организатора съездов, совещаний и т. д., инициатора новых мероприятий и т. п. Что касается политической роли такого объединения и в частности значения областных объединений в политическом отношении, то многое тут будет зависеть от тех форм, в которые выльется в конце концов государственное устройство России.

Б. Веселовский.

О программах и курсах областных изучений.

I.

Областные изучения до сих пор находятся еще в зародыше. Но обильные материалы для них уже давно копятся, и имеется обширная литература этих материалов, которые в будущем дадут возможность с самых разнообразных сторон осветить областную жизнь. В старых изданиях губернских статистических комитетов, в разнообразнейших трудах земств и городов, в трудах архивных комиссий и других местных ученых учреждений, в периодической местной печати и книгах отдельных авторов имеются в большом количестве данные для научной разработки сведений по местной географии и этнографии, по изучению местных природных богатств, по экономической жизни областей, по их духовной культуре. По истине, дела много, а делателей мало...

Круг соответственных местных изучений необычайно широк, но может быть сведен к сравнительно немногим общим группам:

1. Описание районов, малых и крупных,—от обособленного уголка какой нибудь волости до крупной области, может быть в несколько губерний,—в естественно-историческом и географическом отношении: недра, орография, и гидрография, климат, почва, флора и фауна.

2. Этнография и быт населения, статистика его.

3. Экономическая деятельность: сельское хозяйство и все его отрасли, лесное хозяйство, промыслы, фабрично-заводская жизнь, разработка недр, товарообмен и проч.

4. Кооперация.

5. Вопросы местного культурного строительства: пути и средства сообщения, народное здравие, призрение, народное образование и другие предметы ведения прежнего земского и городского хозяйства.

6. Проявления духовной жизни населения: религиозная жизнь, народное и индивидуальное художественное творче-

ство, печать. Замечательные местные деятели и уроженцы, в их связях, как с местной областной, так и с общерусской жизнью.

Вот в самых общих чертах суммарная программа областного родиноведения. Каждая из групп этой программы естественно при подходе к ней распадется на множество других более мелких групп, и для них в свою очередь, может быть, придется составлять особые программы.

При постановке этих необычайно обширных по широте вопросов, является опасность рассыпаться в безграничную ширь. Необходимо самоограничение, и может быть,—в связи с моментом неслыханного падения культуры и производительных сил в стране, в связи с вопиющей потребностью восстановления их,—задачу областного родиноведения следовало бы определить так: оно должно дать на местах и для центров ответ и указание местным деятелям и работникам в центрах—*что есть и было в крае, что должно быть в нем восстанавливаемо в первую очередь, что возможно и должно в связи с общими потребностями района, области и всей России насаждаемо вновь.* Ясно, что в этой огромной работе, кооперация, в которой уже установился определенный интерес к родиноведению, найдет самое широкое приложение своих сил.

Как же подходить к этой насущной работе.

Обсуждение этих вопросов должно начаться при всех органах неторговой деятельности кооперации от самого скромного кооператива первой степени до областных и центральных Союзов. Надо собирать энергично прежних культурных работников, рассеявшихся за последние годы, организовывать заново, в новой России, существовавшие и захиревшие местные кружки изучения края, возобновлять работу местных научных обществ и т. д., не жалея на это свободных средств. Надо вести настойчивую пропаганду нового для кооперации дела.

II.

Попытаемся взять сравнительно узкий круг явлений областной жизни в историческом разрезе, и показать, как можно строить, с одной стороны, программы более или менее широких областных изучений, а с другой, что можно давать в виде книг, лекций и бесед—широким кругам общества в провинции для того, чтобы поднять интерес к вопросам этого рода, оживить дух местных исследователей и строителей и умножить ряды их новыми работниками.

Возьмем темою культурную и литературно-общественную жизнь области с конца XVIII века и до наших дней. Не представляя собою чего либо законченного, наша программа могла бы послужить исходною точкой для обмена—пока что—хотя бы только мнениями со стороны заинтересованных лиц и учреждений. Может быть, там и сям—в отдельных губерниях и городах—могли бы найтись лица, которые уже думали над намеченными темами, собирали сырые материалы, начинали хотя бы частичную сводку их. Может быть, они откликнутся и так завяжутся сношения с целью об'единения ныне разрозненных сил и рассеянных там и здесь работников. Может быть, в результате явятся и работы сходного типа для разных областей, может быть будут здесь и там прочитаны лекции соответствующего содержания и т. д., и таким образом будет положено начало делу, видимо, важному, за которое нужно и пора приниматься, сколько позволят обстоятельства и силы.

Общей целью нашей программы канвы, которую будут расцветивать местные изучения установление в возможно наглядном виде связей между общим развитием русской культуры, литературы и общественности и развитием их областной жизни. При этом должно попытаться определить, что дано для страны областью, как в отношении культурного строительства, так и в отношении общего духовного-научного, литературного и художественного развития.

При освещении этих отношений можно проследить две линии эволюции: 1) те или иные ветви культурного движения развиваются в области с некоторым запозданием против обнаружения тех или других явлений в общей жизни страны и в передовых ее центрах, 2) в общем наблюдается историческое последовательное выступление различных слоев общества и населения.

В частности, напр. в местной литературно-художественной жизни можно наблюдать запоздание для провинции столичных литературных вкусов (аналогично запаздыванию распространения внешней моды) при чем, постепенно эти вкусы, школы и направления опускаются также вниз. Во вторых, в литературу вступают представители различных общественных слоев в определенной последовательности; вслед за дворянско поместным классом выступают разночинцы из чиновного слоя, духовенство, мещане, и потом лишь рабочие и крестьяне.

Началом для обзоров по развитию местной культуры удобно взять последнюю четверть XVIII века, когда преоб-

ладание в стране поместного дворянства достигло высшего развития. Указы о вольности дворянства, учреждение наместничеств, указ о вольных типографиях и т. п. были моментами, с которых культурное развитие областей получило и новые формы, и новый толчок для выражения культурно-общественных стремлений. Программа изучений культурной и общественно-литературной жизни областей и может сложиться в ниже данной примерной схеме, поскольку мы возьмем за проследить эту жизнь с указанного момента.

Мы мыслим эту схему также, как возможную программу для лекций по областной истории культуры. Но для этого нужны лица, достаточно подготовленные как по отдельным вопросам самой программы, так и по положению этих вопросов в условиях местной истории. Желательно, чтобы такие лекции были иллюстрированы также по возможности и живыми очерками и характеристиками явлений и отдельных деятелей и лиц. Желательно дать к такому курсу также иллюстрации диапозитивами местных видов, памятников, всякого рода, зданий, портретов и т. п. Но желать остается так много.

И так приводим нашу примерную программу—схему лекций по истории местной культуры и общественности.

Общий сжатый очерк края в его хозяйственно-бытовой и исторической особенности.

Характеристика книжной производительности на месте за XVIII век и начало XIX века.

Отражение в областной умственной жизни идеологии просвещенного абсолютизма (в книгах местных авторов, в записках разных лиц и т. п.), и бытовые проявления идеологии.

Переживание столичных литературных вкусов XVIII века в провинции: местные одисseys, героические „ложноклассические поэмы“ местных авторов, или на местные темы.

Провинциальное масонство и вольтеррианство.

Типы поместной интеллигенции Екатерин. времени (Болотов и друг.).

Освободительные настроения в начале царствования Александра I. Война 1812 года. Отголоски ее в местной литературе и в народной памяти.

Реакционные веяния Александровской эпохи. Освободительные настроения. Декабристы, выходцы данной области, и отголоски их движения.

Царствование Николая I. Усиление правительственного гнета и вырождение идеологии просвещенного абсолютизма в „самодержавие, православие, народность“. Тенденции укрепления крепостного права, в их местных проявлениях. Борьба чиновного элемента с дворянско-поместным влиянием.

Литература местных рукописных сборников первой половины XIX века. Местные записки и воспоминания и др. материалы.

Зарождение „Губернских Ведомостей“ и роль их в создании местного научного и литературно-общественного интереса. Зарождение книжного и библиотечного дела. Театр и искусство в их проявлениях при преобладании поместно-барской культуры. Крепостная интеллигенция.

Люди сороковых годов в русской провинции. Дореформенная общественная народная жизнь областей в отражениях отдельных писателей.

Первые местные научные изучения, этнография, статистика, археология и местная история. Зачинатели этой культурной работы в провинции. (Второв, Мельников и Гацехский, Леопольдов, Смышляев, Агафонов, Жизневский и друг.).

Шестидесятые годы. Севастопольская война. Местная жизнь в отражениях столичной печати (корреспонденции, обличения «Искры» и т. п.). Освобождение крестьян, борьба крепостников и сторонников освобождения. Рукописная местная литература на эти темы. Отголоски освобождения в народной песне, сказке и т. п.

Изменение физиономии провинциального общества с освобождением крестьян: прилив разночинцев, развитие местной независимой печати, эпоха „нигилизма“.

Процесс быстрого угасания барской дворянско-поместной культуры и эволюция в новом направлении хозяйственно бытового уклада освобожденной деревни.

Начало земской жизни в области. Идеология первых земских деятелей и задачи, поставленные земством. Типы земских людей.

Народничество 70-х годов в местных его проявлениях. Первое зарождение и связи с ним интересов кооперации (ссудо-сберегательные товарищества и т. п.). Местные литературные отражения (напр. Гл. Успенский—Новгородский край, Златовратский — Владимирский и т. д.; узко местные авторы).

Крестьянское оскудение.

Революционные настроения конца семидесятых годов и начала восьмидесятых годов в области. Реакция после 1 марта.

Перелом к 1890-м годам. Голод 1891—2 гг. Холера 1893 года.

Рост значения торгово-промышленного класса: „чумазы идет“, „первоначальное накопление“.

Развитие в 1890 годах земской работы и новой независимой печати. Частный почин в народном образовании и других отраслях культуры. Типы земской интеллигенции (третий элемент).

Перелом к революционному брожению XX века. Война с Японией и революция. Ее ближайшее следствие для местной жизни. Крестьянское и рабочее движение в крае и его литературно-общественные отголоски.‡

Кризис текущего момента.

Зарождение и развитие нового кооперативного движения; его местные особенности в сравнении с общей жизнью кооперации, и в связи с хозяйственно-бытовыми условиями местной жизни. Выдающиеся деятели кооперации.

В этих достаточно широких общих рамках возможно уложить основные факты местной культурной истории в самом общем их обзоре. Схема, конечно, подлежит по мере надобности изменениям и дополнениям, приблизительно к данной губернии или области, но, говоря вообще, она, по-видимому охватывает круг явлений местной культуры достаточно полно. По этому плану составленные обзоры местной истории культуры и общественно-литературной жизни, в своде их, могли бы дать в будущем ценный материал для новых местных культурных работников.

Приглашая местных деятелей к совместной работе по созданию аналогичных программ для изучений и для лекций по областной жизни, также и в других ее отраслях (см. выше обзор общих тем для программы), мы не рассчитываем на немедленные отклики. Но, кажется, пора местным культурным силам выходить из протрации и в союзе с новой силою кооперации, под знаменем областничества, думать и совместно работать над обновлением всей пошатнувшейся хозяйственной и культурно-духовной жизни.

Ч. Ветринский.

Часть II.

Постановка операций Всероссийских кооперативных центров с точки зрения кооперативного областничества.

I.

Давнишний спор о схемах союзного кооперативного строительства пора перенести из области общих суждений на практическую постановку операций Всероссийских кооперативных центров и поместных союзов. Здесь, в приближении к действительной работе кооперации, мы скорее подойдем к правильному решению вопроса о целесообразности той или другой схемы, здесь сама жизнь своим повседневным опытом будет корректировать наши теоретические выкладки.

На пути приближения схем союзного кооперативного строительства к действительной постановке операций союзного аппарата кооперации—заметим прежде всего то, что само собой должно подразумеваться и не нуждается в доказательствах. Сторонники любой схемы должны иметь в виду ее конечный результат в практическом применении к жизни с большей хозяйственной целесообразностью, чем все иные построения. И не во имя кажущейся теоретической стройности, логичности и законченности любой схемы, а во имя ее целесообразности, больших результатов в грубой действительности должна быть приведена аргументация за и против.

Здесь опять таки очевидная истина: любая идея важна и нужна не потому, что она красива, стройна, а потому, что важны и нужны поставленные ею цели. Применительно к нашему кооперативному строительству мы скажем, что кооперация создавала и создает свои всероссийские центры и поместные союзы не для того, чтобы именно их создать с тем или другим звучным наименованием, а во имя осуществления целей, заложенных в идею кооперации.

Схемы союзного кооперативного строительства не могут отказать себе в наиболее полном достижении целей кооперации, и поэтому признание или не признание той или другой схемы необходимо отнести на повседневную практическую

деятельность союзов и, главным образом, взвесить результаты этой деятельности. И все, что требуется для осуществления целей, то в качестве бесспорных требований должно быть предъявлено и к схеме союзного кооперативного строительства.

Практика нашего союзного строительства как раз и шла под знаком бесспорных требований со стороны действительного развития операций, и, если эти требования, как не укладываемые в красивую схему построения, пытались оспаривать сегодня, то на завтра действительная жизнь давала такие доказательства, оспаривать которые было уже абсурдом. Следует лишь заметить, что это „завтра“ в нашей кооперативной практике осознавалось так трудно, что живая безостановочная жизнь успевала пробить новые бреши и предъявить новые требования. Отсюда—мы всегда шли с запозданием; отсюда, вместо руководящей нити по всему фронту союзного строительства мы имеем в большинстве местный почин, создавший чрезвычайную пестроту и домысленные схемы в нашем союзном деле.

Проследить это мы имеем возможность на практике союзного строительства в нашей потребительской кооперации. Со времени возникновения Московского Союза Потребительных Обществ до Центросоюза настоящего времени мы имели изменения в признанных схемах союзного строительства лишь под тяжелым напором требований жизни и, как правило, эти изменения происходят с большим запозданием. В то же время на местах вынуждены по своему, без оценки всего целостного хозяйства потребительской кооперации (не говоря уже об оценке всей совокупности хозяйственной жизни), давать удовлетворения требованиям жизни. Долгое время оставалась единственной признанной схемой: общества потребителей на местах, Московский Союз в центре. Несомненно, что в свое время она исходила из практической целесообразности: движение находилось в той стадии, когда не было надобности осложнять эту простую схему. Но, примерно, в годы 1908—10 рост потребительской кооперации сделал такие шаги вперед, что во многих районах, наиболее насыщенных кооперацией, были поставлены вопросы и практически осуществлены местные кооперативные объединения. С другой стороны местные общества потребителей оставались в зависимости от местных частных рынков и не могли обслуживание кооперации в целом передать Московскому Союзу Потребительных Обществ. Это значило, что последний по упрощенной двухступенной схеме строительства не мог обслуживать всех отдельных обществ потребителей на огромной территории страны и нужны были местные группировки обществ для того, чтобы дать в

центр всю совокупность их хозяйственной деятельности. Это положение для центра определилось лишь в 1913 году, когда 2-м Всероссийским Кооперативным Съездом в Киеве по докладу Бюро Московского Союза Потребительных Обществ было признано, что „образование самостоятельных местных кооперативных союзов вызывается потребностью и отвечает интересам потребительской кооперации России в целом“, и что „в области торговой деятельности поместные союзы необходимы для наилучшего использования обществами местного рынка и установления обществами, в особенности мелкими, связи с общетоварным рынком“.

Казалось бы, что это хотя и позднее признание требования жизни должно было упрочить новую трехступенную систему союзного строительства потребительской кооперации. Но и после этого,—система: отдельное общество потребителей, поместный союз, Московский Союз Потребительных Обществ—не скоро была признана на действительном строительстве операции. До 1916 г. включительно Московский Союз оставался союзом отдельных обществ потребителей и не сделал необходимой перегруппировки в своих организационных формах применительно к трехступенной системе строительства кооперации. Между тем, к 1914 году в составе Московского Союза Потребительных Обществ на ряду с отдельными Обществами Потребителей, было 8 поместных союзов, в 1914 году прибыло—11, в 1915 г.—23. И только под напором 1916 года, когда в Московский Союз Потребительных Обществ вступило вновь образовавшихся поместных союзов 110, что составило с ранее вступившими 152 поместных союза—было проведено окончательное применение трехступенной системы с превращением Московского Союза Потребительных Обществ в Центросоюз—в Союз Кооперативных Союзов. Насколько далеко ушли требования жизни можно видеть из того, что в 1917 году число союзов, входивших в Центросоюз уже достигло 276, тогда как отдельных обществ потребителей в Московском Союзе к 1 января 1916 г. насчитывалось 1990.

Ненормальность положения заключалась с точки зрения практической в том, что внимание центра, хотя бы например в 1915 году, рассеивалось между удовлетворением товарных требований отдельных обществ потребителей на десятки рублей и поместных союзов на сотни тысяч рублей. Как ни странно, но Московский Союз, стоя на точке зрения обслуживания отдельных обществ, был безучастен к тому, что объединенные операции потребителей на местах отходят от него, что союзы не могут передать на него укрупненной ра-

боты до тех пор, пока их поручения, выявляющие нужды сотен обществ потребителей, будут стоять в очереди исполнения в Московском Союзе Потребительных Обществ с отдельным обществом—его членом. И несмотря на признание в 1913 г. трехстепенной схемы строительства Всероссийским Кооперативным Съездом, несмотря на то, что вступившие поместные Союзы удовлетворялись в ограниченной части своих запросов (Союз Сибирских Маслодельных Артелей получил в Московском Союзе товаров в 1914 г. на 305,135 р. 03 к., в 1915 г. на 257,964 р. 40 к., Союз Приуральских артелей в 1912 г. на 23,617 р. 21 к., а в последующие годы прекратил забор товаров), признание руководящего центра потребительской кооперации она получила лишь в 1917 году.

Между тем, за это время жизнь развивалась безостановочно и еще в 1914 г. на собрании Уполномоченных Московского Союза Потребительных Обществ, по докладу об основах деятельности Союза на местах, всплыло требование жизни на областные оптовые союзы для группировки сил поместных союзов и передачи их операций в центр. Ясно, что Московский Союз, так затянувший свой организационный переход на трехстепенную систему, решительно отмахнулся от новых требований жизни, не учел их и ограничился в собрании уполномоченных резолюцией: „Целесообразность промежуточных, между центральным и поместными союзами, областных оптовых союзов является невыясненной и потому вопрос о них должен быть оставлен открытым“.

Это было в 1914 году. В 1918 году на совещании представителей Центросоюза и Союзных объединений в Москве 24—27 мая по вопросу об областных союзах в схеме союзного строительства было постановлено: „Для организационной и неторговой работы, а также объединения местной закупочной, распределительной и производительной деятельности районных союзов, могут образоваться областные союзы и объединения. Взаимоотношения их с Центросоюзом и районными союзами и работа их вне своего района определяется особыми соглашениями“.

В 1919 году Центросоюзом на совещании представителей областных союзов для решения вопроса о так называемой четырехстепенной системе было выдвинуто положение: „В местах, удаленных от центра, с определенно выявившимися экономическими и бытовыми условиями для организационной и неторговой работы и для объединения местной закупочной, распределительной и производительной деятельности районных союзов возможно существование (областных, краевых) объединений потребительских обществ“. В основной

же части Центросоюз остался на точке зрения: „Непременными звеньями союзного строительства объединения Российской Потребительской Кооперации является: Центросоюз и достаточно мощные районные союзы потребительских обществ“. И несмотря на то, что представители областных союзов были единогласны в настоятельном требовании признания за областными союзами действительного права на жизнь, несмотря на то, что территория фактически покрывалась действующими областными союзами, Центросоюз и на этот раз проявил чрезвычайную нерешительность и отказался закрепить то, что есть фактически в жизни.

Примеры союзного строительства кооперации потребительской характерны и для всех других видов кооперации. У нас в данное время нет вида кооперации, который бы не имел своего всероссийского центра и в то же время нет такого центра, который бы опирался на однородные составные части, не колебаясь между обслуживанием запросов отдельных кооперативов мелких объединений и областных союзов. Исключение теперь составляет лишь Центросоюз в условиях возглавления им реорганизованной потребительской кооперации по декрету от 20 марта 1919 г., где четырехстепенная система (отдельное общество, Крайсоюз, Губсоюз, Центросоюз) официально признана, но на самом важном месте этой системы—областных союзов поставлена в административные рамки губернского масштаба. Что же касается центров кооперации сельско-хозяйственной, промысловой, то они, вмещая в себе все системы от двухстепенной до четырехстепенной, по примеру старшего Центра—Центросоюза недостаточно внимательны к соответствующему организационному приспособлению для выполнения действительных задач центра.

Поэтому подходить с точки зрения кооперативного областничества к операциям наших центров, на том как они поставлены и что от них требует жизнь, попытаемся установить необходимость опоры центров на областные союзы.

II.

Прежде всего мы остановимся на операциях снабжения, во главе которых стоит Центросоюз и в некоторой части другие центральные кооперативные учреждения.

Выполнение задач снабжения, по нашему мнению, кратко может быть формулировано так: 1) заготовка продуктов и предметов личного и хозяйственного потребления, 2) переработка потребительского сырья в готовые фабrikаты,

3) распределение продуктов и предметов, 4) наиболее быстрое продвижение продуктов и предметов к потребителю.

В организационной схеме Центросоюза, ныне закрепленной схемой на основе декрета от 20 марта 1919 года, выполнение этих задач протекало примерно таким порядком: 1) заготовка продуктов и предметов личного и хозяйственного потребления преимущественно силами самого союза через конторы-агентуры, отдельных агентов и сравнительно слабое привлечение к этой работе кооперативных сил заготовительных районов; 2) переработка потребительского сырья в готовые фабрикаты силами самого союза без должной опоры на самоорганизацию в деле переработки сырья районов поставок, продуктов и предметов; 3) распределение непосредственно районными союзами, обходя союзы областные; 4) продвижение потребительских товаров инициативой мелких районов, создавшее огромную очередь выполнения мелких требований.

Правда, схема Центросоюза в условиях декрета от 20 марта претерпела некоторые изменения и из них, во-первых, переход от непосредственных взаимоотношений с мелко-районными союзами к Губсоюзам и, во-вторых, привлечение этих последних к заготовительным работам. Но при этом основой и вниманием центра в заготовительной деятельности остаются конторы и агентуры, а в вопросе обслуживания мелких районов большая склонность рекомендовать замену мелко-районных союзов отделениями Губсоюзов и, наконец, склонность предоставлять права Губсоюзов сравнительно небольшим хозяйственным районам.

Результаты организационной схемы Центросоюза, не обновленной декретом от 20 марта, мы могли проследить в жизни в печальной форме невозможности для центра обслуживать всего снабжения, проходящего через кооперативный аппарат. Центросоюз мог взять на себя лишь незначительную долю, не превышающую 25% оборотов всей потребительской кооперации, и главным образом, с нашей точки зрения потому, что не был во время приспособлен для укрупненной работы, а упорно стоял сначала на обслуживании отдельных обществ, а потом — мелко-районных союзов.

Для характеристики возьмем один из районов и проследим цифры снабжения со стороны Центросоюза в сравнении с действительными требованиями данного района на потребительские товары.

Таковыми сравнительными цифрами мы располагаем по Вологодскому району за период с 1911 г. по 1917 года. За

этот период Северосоюзом (Вологодским Обществом Сельского Хозяйства и его Коммерческим Отделом) сделаны следующие обороты по снабжению чисто потребительскими товарами и в том числе получено от Центросоюза:

Г О Д Ы	Общий оборот.		Получено от		
			Центросоюза.	%	
1911	248000	—	1606	61	0,8
1912	235998	—	16005	48	7,0
1913	453168	15	118133	43	26,0
1914	562288	09	183256	46	32,7
1915	1121380	96	621831	70	55,4
1916	5400918	41	2610992	28	48,3
1917	12378192	48	2267544	31	18,3
Итого . .	20399946	09	5819370	27	28,5

Эти данные относятся к району, все время в кооперативном строительстве стоявшему на точке зрения необходимости работы через Центросоюз. В самих данных нами должны быть подмечены два момента: во-первых незначительный % снабжения через Центросоюз в годы 1911—12, повышение процента обслуживания вплоть до 1916 г. и резкое падение в 1917 году. Заметим, что первое время приходится на работу с Центросоюзом, объединявшим отдельные общества, а последний год на обслуживание им же, на ряду с крупными союзами и мелких.

И не только эти данные отдельного района, но и данные по Центросоюзу в целом говорят о том, что огромная часть укрупненного потребительского обслуживания и не только через областные союзы, но и значительная часть губернских и крупно районных, уходила от Центросоюза. Предположения Центросоюза на 1919 год, например, были определены расчетом на операции в 1.200 мил. руб., в то время как предположения небольшого сравнительно областного союза, в потребительских операциях, поставленного в рамки губернии, определялись в 400 мил. руб.

Правда, данные за 1919 г. весьма не показательны, так как крупные части потребительских операций проходили через государственные органы, но за то показательны и убедительно то, что в заготовительной работе поместные союзы пошли помимо Центросоюза, выбросив на места заготовок

огромный агентский аппарат и создав сеть Контор и агентур даже в самой Москве. И до тех пор, пока существовал частный рынок, мы имели возможность наблюдать как нерационально растрчивались кооперативные силы, как нередко поместные союзы встречались на рынке в качестве конкурентов друг с другом и со своим центром—Центросоюзом. Торговая практика 1918 г. и начала 1919 года на товары свободного обращения отмечает ряд крупных товарных сделок, когда товарная партия последовательно предлагалась ряду союзов и они также последовательно „набивали цену“. Это положение в крупных размерах было использовано отмиравшим частным торговым аппаратом и в этом нам надлежит сознаться и сделать определенные выводы, говорящие во всяком случае, не в пользу организационного строительства союзного дела в кооперации. Союзы не представляли из себя сплоченного целого и в этом меньше всего повинны поместные союзы, сколь повинна строгость схемы, воспринятой центрами кооперации. На практике трехстепенное строительство, которым увлекался и Центросоюз, и другие центры, участвовавшие в снабжении—привели к полной разрозненности действий кооперативного аппарата и эта разрозненность в смысле грубо материальном стоила не одного лишнего звена в схеме кооперативного строительства.

При всех этих соображениях попытаемся последовательно разобраться в постановке операций снабжения Всероссийскими Кооперативными Центрами. Во первых, наши центры стоят на точке зрения наибольшей целесообразности в деле заготовок своего агентского аппарата. Конторы и агентуры, обязательно свои, командированные из центра люди—во основа заготовительной работы наших центров. Мы относимся отрицательно к этой основе и допускаем ее лишь в форме подсобной к местной работе по заготовкам силами местных кооперативных союзов. Основание к тому: 1) отсутствие возможности для центра руководить должным образом своим агентским аппаратом, 2) оторванность агентов и агентур от местной хозяйственной жизни, 3) неизбежный параллелизм в работе как с поместными союзами, так и между центрами (потребительскими и производственными). Во—вторых, для целей переработки сырья в готовые потребительские фабрикатy не были организационно спаяны наличные кооперативные силы для создания сложных хозяйственно-промышленных предприятий, и в результате, и центры, и поместные союзы слабо проявляли себя в важной для кооперации области—промышленности. Что это так, достаточно хотя бы беглого знакомства с материалами промышленного

совещания при Центросоюзе в декабре 1918 г., подчеркивающими пестроту и случайность работы кооперации в промышленности. В третьих, самое распределение, проводимое из центра, не могло учитывать всех местных хозяйственных особенностей, замедлялось мелкими выполнениями.

При наличии кооперативных областных объединений операции снабжения мыслятся для кооперативных центров в исключительно укрупненном виде. Областные союзы должны быть взяты за точку опоры в заготовительной работе для кооперации снабжения, силы крупных хозяйственных областей должны быть привлечены к переработке сырья и, наконец, в области распределения, роль крупной поместной организации—к группировке, сортировке и транспортированию товарных ценностей в ассортиментах, соответствующих требованиям хозяйственной жизни области.

Независимо от этого для областей в деле снабжения остается работа внутри самой области—то, что можно назвать самоснабжением. Эта последняя роль во всяком случае принадлежит поместным союзам областного значения и не может быть с большей целесообразностью заменена никакой работой из центра.

Точно также в области снабжения за Центрами остается работа на внешних рынках, которые рано или поздно войдут в сферу нашего внимания.

III.

Подходя к постановке операций сбыта нашими Всероссийскими Кооперативными Центрами, мы не можем их в существе рассматривать иначе, как работой встречной по отношению к операциям снабжения. И на самом деле все, что заготавливается, сбывается разными видами кооперации, в конечном итоге, прямо, или в виде готового продукта или предмета, или через фабрично-заводское русло идет к потребителю.

Но в нашей кооперативной практике крепко засело деление на потребителя и производителя, и в этом смысле задан тон союзному кооперативному строительству в сбытовой и производительной кооперации.

На выяснении нашего отношения к этому положению мы остановимся ниже.

Теперь же лишь подчеркнем, что помимо разрыва с потребителем—лицом или хозяйством—наши сбытовые центры взяли направление узкой специализации по определенным сельско-хозяйственным отраслям или промыслам. В этом от-

ношении достаточно простого перечисления наших центров, чтобы убедиться в чрезмерной специализации. Льноцентр, Союз Коноплеводства, Плодоовощь, Союз-Картофель, Козерно, Коояйцо, Кустарсбыт, Всероссийское объединение лесных артелей. Если пойти дальше по этой системе, то, очевидно, все разнообразие хозяйственных отраслей и промыслов в России должно претендовать на свои центральные союзы.

Но не хотелось бы эту мысль доводить до абсурда. Она у нас есть в жизни и, очевидно, какие то положительные стороны оправдывают ее практическое применение. В качестве несомненного довода за узко специальную работу центров выдвигается возможность в специальной сфере лучше и полнее поставить операции и данную хозяйственную отрасль или промысел захватить целиком. Мы не отрицаем этой положительной стороны, хотя с нашей точки зрения она с наименьшей целесообразностью может быть заменена внутренней специализацией в постановке операций более сложного хозяйственного центра. Это относится к „лучшей работе в узко-специальной сфере“. Что же касается полноты обслуживания хозяйственной отрасли или промыслов, то это положение, такое ясное на первый взгляд для узко-специальных центров, в действительности не приводит к желательным результатам.

Не один из специальных центров не может сказать, что обслуживание взятой им отрасли проводится полностью в пределах рабочей возможности объединяемого им вида кооперации. Наоборот, центральная работа, как это говорят данные по специальным центрам, составляет также незначительный процент общей работы данного вида кооперации, как это мы видели и в Центросоюзе. Продукты и предметы, сколько бы их не притягивали к центру, естественно расщепляются в хозяйственных областях, где есть на него потребитель. Было бы, например, странным, если бы продукты производства ягодно-варильных товариществ Вологодского района дошли до своего центра Плодоовощи, когда на месте есть потребитель и когда область, кроме своего производства, нуждается еще в ввозе данного продукта.

Независимо от этого, мы должны в этом явлении учесть существующую естественную связь между хозяйственными операциями, и привычные, закрепленные хозяйственным укладом, взаимные обмены товарными ценностями, особенно в части мелких промыслов, внутри районов. Нельзя обособить одну хозяйственную отрасль и работать только во имя ее; не всматриваясь в интересы всего целостного хозяйства.

Специальные центры, как это и показывает действительность, достаточно разобщены между собой и попытка объединить их через Сельско-Совет на наш взгляд не оказывает существенного влияния на практическую деятельность центров. На работе центров при всей их узкой специализации мы все же наблюдаем частый параллелизм в работе. И это не случайность, а естественная хозяйственная тяга одной операции к другой.

Что же можно сказать осуществляющей постановке операций в наших специальных центрах, преимущественно объединяющих сбытовую работу кооперации? Мы уже указывали, что здесь на лицо отсутствие какой либо определенной схемы союзного строительства и в практике встречаются все вариации схем от одностепенной (непосредственная работа центров на местах) до четырехстепенной. Твердой сплоченной кооперативной почвы в этих условиях центры под собой не чувствуют и от того их роль, как центров, во многом теряется.

Все то, что мы отмечали в операциях снабжения в части заготовочной работы, — должно быть отнесено и к сбытовым центрам. Но в этом случае тенденции к опоре на свои агентства сказываются еще ярче, ибо здесь им, казалось бы, трудно отвести место в жизни и работе центров на местах. Сбытовые операции, так же как и операции снабжения, недостаточно укрупнены; центры на места переносят свое внимание дальше, чем подсказывает хозяйственная целесообразность, и в результате внимание центров распыляется, в то же время создаются условия невозможности на местах сгруппировать кооперативные силы в надежную укрупненную опору для центральной работы.

С нашей точки зрения при постановке сбытовых операций центра или центров (как это есть в данное время) должны быть приняты во внимание, как наибольшая целесообразность операций центров в укрупненном виде, что требует большей передачи работы на места, так и необходимость создать на местах действительную опору, группировкой работы по крупным хозяйственным областям.

IV.

Мы останавливались на основных группах операций Всероссийских Кооперативных Центров снабжений и сбыте, и попутно имели возможность подойти с оценкой к существующим приемам постановки операций центрами.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги нашим суждениям и определить свой взгляд на работы центров в целом.

К таким итогам прежде всего мы относим наше обязательное стремление возможно полнее использовать самостоятельные силы мест и придать им такую хозяйственную группировку, в которой они бы выявлялись в наибольшей полноте.

Здесь с нашей точки зрения не обойтись без создания мощных организаций на местах, группирующих краевое или областное хозяйство, так как только при этом условии возможна передача в центр местной работы в укрупненном виде с оставлением на местах для „использования“ всего того, что может быть закончено местными силами.

С нашей точки зрения обслуживание мелких нужд непосильно для центров и если оно есть в данное время, то мы и наблюдаем неполноту работ центров в своих областях. Совершенно нерационально так же для центров вести работу на местах через свой технический аппарат-агентуры, конторы. На смену их должны встать местные кооперативные силы в лице организаций, которым эта работа будет по плечу.

Все это ставит прямой вопрос о схеме союзного кооперативного строительства, при чем наш нажим на местные силы обуславливает четырехстепенное строительство с созданием на местах крупных объединений.

Вместе с этим для нас встает вопросом положение в союзном строительстве, ведущее к узкой специализации центров.

Уже в данное время узкая специализация у многих центров остается только на бумаге. Фактически мы вступили на путь группировок хозяйственных отраслей.

Это новое требование жизни. К нему надлежит прислушиваться и особый интерес проявить к так называемым смешанным формам союзного кооперативного дела.

А. Швецов.

Кооперативная агрономия и областные союзы.

Покойный учитель русских агрономов и кооператоров А. И. Чупров приравнивал „идею ассоциации“ в применении к сельскому хозяйству к величайшим техническим изобретениям. Много, чем пользуется теперь крестьянское земледелие, стало ему доступным только благодаря организованным усилиям, — благодаря кооперации. Но в этом большом и сложном процессе нас здесь интересует лишь одна сторона дела — выяснение места *агрономической работы* в кооперации и наметка, — исходя из особенностей кооперативного аппарата, — организованных форм агрономической помощи силой и за счет кооперативных ячеек различной степени.

Первым вопросом, который выдвигается здесь с совершенной неизбежностью, будет, — должна ли и может ли кооперация браться за организацию агрономической помощи. Свойственна ли ее „природе“ такого рода работа и не будет ли она, — поскольку ее приходится наблюдать в последнее время, — „данью“ велениям моды, и явлением, вызванным посторонними, — вне кооперации лежащими, — причинами. Это все весьма существенные вопросы, удовлетворительный ответ на которые может быть получен только в том случае, если удастся с несомненностью установить, что к организации агрономической помощи за свой счет кооперативные ячейки побуждаются деловыми соображениями, вытекающими из характера и сущности их работы. Не менее существенным является, также, вопрос о том, в состоянии ли частная добровольная, хотя и преследующая исключительно хозяйственные цели, организация более или менее удовлетворительно разрешить столь сложное дело, как агрономическая помощь. С ответа на поставленные выше вопросы мы и начнем свое изложение.

Проявление усиленного интереса со стороны кооперации к вопросам агрономии, появление первых широких агрономических организаций, выдвинутых кооперативными ячейками, хронологически связывается с кризисом русской общест-венности, — с ликвидацией местного самоуправления, до тех пор ведавшего делом широкой агрономической помощи

сельско-хозяйственному населению. Отмирание земской агрономии и часто немедленное возникновение форм агрономической помощи, нередко в том же составе и объеме в кооперативе,—это первое бросающееся в глаза последствие октябрьского переворота. Отсюда из этого хронологического совпадения вряд ли можно делать тот вывод, что интерес кооперации к агрономии проявился под влиянием ликвидации деятелями октябрьского переворота всей прежней полувековой культурной работы и в том числе земской агрономии. Такое заключение было бы ошибочным, основанным на случайных обстоятельствах, которые могли быть, но которые также могли бы и не быть. Кооперация стала интересоваться агрономической помощью совсем не потому, что существовавшая ранее общественная агрономия оказалась непристроенной, осталась без содержавшего ее хозяина, а потому, что привлечение агрономических сил к кооперативному аппарату в целях его более рационального функционирования сделался в самом ходе кооперативной работы необходимым. После-октябрьские события были тем случайным моментом, который ускорил лишь реализацию уже давно ощущавшихся нужд и потребностей внутри кооперативного организма. Потребность в привлечении к кооперативной работе агрономических сил ощущалась и накапливалась давно и кооперация, по мере сил и возможности, эту свою внутреннюю потребность более или менее полно стремилась удовлетворить. Если это ранее не носило массового характера, если это не было общественным явлением, то этому нужно искать объяснения в положении кооперации, в степени ее развития. Ясно, что едва возникшие организации, не наладившие еще своей торговой деятельности, не могли слишком быстро и во все стороны одинаково расширять своей деятельности и особенно не могли браться за осуществление того, потребность в чем является лишь после, когда разовьется и укрепится работа кооперативного аппарата. Лишь после того, как руководители кооператива на непосредственном опыте убедятся в необходимости привлечь к обслуживанию кооперативного аппарата агрономические силы, может быть выдвинута, как ближайшая задача кооператива, организация агрономической помощи в той или иной форме, в том или ином объеме. Прежде чем может быть поставлен вопрос об агрономической помощи, потребность в последней должна почувствоваться в самом процессе кооперативной работы. Этим, и не иным путем, пришла кооперация к сознанию необходимости взять в свои руки в том или другом объеме дело агрономической помощи.

Тем не менее, если не поддаваться гипнозу эффектных совпадений и повнимательнее присмотреться к постепенному развертыванию кооперативной деятельности, то можно заметить, что агрономическая работа,—по крайней мере частичная, никогда не была чужда кооперации и для некоторых кооперативных организаций она также стара, как и сама кооперация. Мы знаем, например, что молочная кооперация одновременно со своим возникновением вынуждена была привлечь к обслуживанию своего сборочного аппарата персонал определенной квалификации. Непосредственный опыт показал, что молочный кооператив не может успешно работать, если не усвоит вполне уровня современной техники и необходимых знаний по уходу за молоком и о наиболее выгодных способах его получения. Усвоение техники и знания, знания безусловно агрономического, для молочного кооператива является необходимым и без них не спасает положения идеальная постановка торговой части.

Для проведения технических требований и необходимого знания в круг своей клиентуры, молочный кооператив вынуждается к приглашению специально подготовленного персонала—инструкторов и техников, работа которых направляется не только на обучение и инструктирование рабочего персонала в кооперативах, но и на хозяйства, данный кооператив составляющие. Воздействовать на хозяйство приходится потому, что только обучение хозяйств, заносящих молоко, обращению с последним,—можно получить доброкачественный конечный продукт. Если заносчики будут приносить недоброкачественное молоко, то наиболее совершенная техника переработки и наиболее квалифицированный персонал не будут в состоянии получить продукта имеющего достаточно высокую рыночную стоимость. Здесь мы видим, что самая организация кооперативного сбыта данного продукта заставляет кооператив привлекать к своей работе агрономические силы, организовать, хотя и в специальной отрасли, агрономическую помощь. Более подробно на этом мы будем иметь случай остановиться ниже, когда будем говорить о задачах и формах организации кооперативной агрономии, но попутно считаем нужным отметить, что интересующий нас вопрос в литературе получил блестящую аргументацию в статье С. А. Ершова „В каком направлении должна развиваться кооперативная агрономия“, в сборнике „Кооперация и агрономия“, изданном Московским Обществом сельского Хозяйства.

Как видно из изложенного, кооперация из чисто хозяйственных соображений может вынуждаться к привлечению к

себе на службу агрономических сил в целях рационализации кооперируемой отрасли хозяйства. Теперь нам нужно выяснить, может ли кооперация, как организация частно-хозяйственная, не обладающая принудительным правом, более или менее удовлетворительно разрешить вопрос об агрономической помощи сельско-хозяйственному населению. Этот вопрос мы считаем нужным разрешить предварительно, чтобы таким образом установить до некоторой степени объем и границы трактуемого предмета. Для разработки основного вопроса является весьма важным предварительно установить, что можно требовать, и чего требовать нельзя от кооперации при ее попытках организовать агрономическую помощь за свой счет.

Когда государство или органы местного самоуправления,—установления публично-правового, обязательного характера,—осуществляют те или иные экономические мероприятия, направленные на хозяйство непосредственно, как это бывает, например, при организации агрономической помощи, или на хозяйство непосредственно не направленное, как в случае установления, например, таможенных пошлин,—все действия и постановления указанных органов имеют обязательный характер и, как нормы, распространяют силу своего влияния на всех и вся. В интересующем нас случае организации агрономической помощи,—мы имеем тогда дело с определенной иерархической организацией, с определенным управлением, распространяющим свое действие более или менее равномерно *на всю данную территорию*, причем меньшая—объемлемая—организация находится в определенных законоподчиненных отношениях к большей,—объемлющей. Таким строением организации достигается не только всесторонняя равномерность обслуживания, но и приобретает столь необходимое единство действия. По существу в ином положении находится кооперация. Эта последняя является добровольным, частнохозяйственным союзом, и, как таковой, она не может носить обязательного характера. Этот добровольный союз возникает и возможен только там, где имеются на лицо слои населения, желающие объединить некоторые части своей деятельности в общей организации, т. е. предполагается наличие известного кооперативного и хозяйственного сознания. В силу отмеченного кооперация не может претендовать на повсеместное существование. Поэтому наряду с местностями, более или менее полно обслуживаемыми кооперативной организацией, всегда неизбежны местности вполне лишенные кооперативной организованности. Далее, смежно существующие кооперативные организации—

в силу разнообразных причин, (из которых важнейшими надо признать деловитость самой кооперативной-ячейки, умелость ее руководителей и кооперативную сознательность членов) — являются не одинаково мощными. Одни, благодаря хорошей постановке дела, накапливают значительные средства, другие — едва влачат существование. Затем нужно еще отметить отсутствие и невозможность принуждения в кооперативной среде. Все постановления и решения в кооперативных организациях носят факультативный характер. От доброй воли кооператоров и кооперативных организаций зависит принять или отвергнуть то или иное постановление или решение. Принятие решения определяется целиком степенью заинтересованности и сознательности членов. Отказ в принятии не влечет за собой никаких репрессивных воздействий. Наибольшим последствием может быть лишь прекращение пользования возможными хозяйственными выгодами, которые связаны с членством в данном кооперативе.

Отмеченные особенности не могут не накладываться на агрономическую помощь, организуемую силами кооперации, особого отпечатка. Прежде всего агрономическая помощь, организованная кооперацией, не может быть повсеместной. Она возможна и мыслима только в тех местах, где имеются на лицо достаточно сильные союзы и где сознательность населения сравнительно высока. На ряду с этим неизбежны значительные пробелы в тех местах, где союзов нет, или где они недостаточно мощны. Отмеченное обстоятельство известным образом ограничивает значение кооперативной агрономии и делает необходимым существование наряду с нею, агрономической помощи, организуемой из иных центров и имеющей обще-обязательный характер. Кооперативная агрономия на наш взгляд призвана не заменять собой обязательные формы агрономии, — земской или государственной, — а лишь восполнять и усиливать их.

Во всяком случае деятелям кооперации должно быть ясно, что если в отдельных местах кооперативные союзы настолько мощны, что могут взять в свои руки дело агрономической помощи и сумеют с этим делом справиться не хуже, чем муниципальная организация, то повсеместно этого быть не может. Нам кажется, что в каждом отдельном случае, для каждого отдельного союза вопрос о характере и объеме агрономической помощи должен решаться, исходя из соотношений сил. В одних местах, где имеются мощные союзы, агрономическая работа может целиком отойти к кооперации, оставляя за муниципалитетами лишь роль восполняющей организации. В других местах, где союзы недостаточно

сильны, чтобы взять вполне в свои руки обслуживание населения в агрономическом отношении, там оба вида агрономических организаций могут существовать одновременно. В этом случае, при одновременном существовании агрономической помощи, организуемой из двух или более центров, между ними, во избежание ненужной потери сил и средств, в работе должна быть установлена какая то разверстка. Разверстка эта может быть территориальная, может быть и по специальностям. Во всяком случае, в интересах дела при организации агрономической помощи из нескольких центров между различными агрономическими организациями должно быть установлено какое-то соглашение, обеспечивающее единство программы и метода работ. Наконец, возможен такой случай, когда кооперативный союз, в силу тех или иных причин, не ставя за свой счет агрономической помощи, оказывает воспособление на известных условиях организующему работу муниципальному центру. Мы полагаем, что агрономическая работа в кооперации, в зависимости от местных причин, будет развиваться по охарактеризованным трем направлениям, но в каждом из возможных трех итогов основной предпосылкой должно являться единство агрономического аппарата с одной стороны, а с другой—голос кооперации в агрономической работе должен пользоваться необходимым признанием. Только таким путем может быть устранена так называемая „пятнистость“. Далее непосредственное участие кооперации в постановке агрономической работы, охранить эту работу от потери тех деловых связей, которыми как раз обыкновенно и сильна кооперативная агрономия, выдвигающая с особенной яркостью непосредственную материальную заинтересованность населения в агрономии. В самом деле, когда агрономическая помощь организуется кооперативным союзом, то для входящего в состав его населения ясно, что агрономическая работа совершается за счет его,—населения. Уже одно это в корне изменяет отношение населения к агрономической помощи. Материальная заинтересованность повышает предъявляемое населением требование к агрономическим работникам, что создает для агрономической работы такой базис, который обычно отсутствовал в земской агрономической работе. Материальная заинтересованность населения и сознание его, что кооперативная агрономия, это „своя“ являются почвой, облегчающей агрономическую работу. Терять эту почву из под ног не в интересах работы. Передача агрономической помощи далекой от населения организации связана прежде всего с потерей этой „почвы“.

Но наряду с рассмотренной особенностью, накладываемой на агрономическую работу, при организации ее из коо-

перативного центра, нам надлежит еще обратить внимание на обстоятельство не менее характерное для кооперативной организации работы—это на невозможность и отсутствие иерархической подчиненности в кооперативной среде. Каждый кооператив, каждый кооперативный союз, не только автономен, но и вполне независим в своих действиях и поступках. В кооперации если и имеет место подчинение, то это подчинение вполне добровольное, продиктованное тем или другим пониманием своих интересов. Отказ от подчинения тому или иному решению или постановлению в кооперативной среде не влечет за собой карающего возмездия. Это особенно необходимо учитывать при постановке агрономической работы кооперативами.

Агрономическая работа есть работа, направленная по преимуществу на хозяйство и в интересах хозяйства. Поскольку для более или менее значительных районов и даже их совокупности является общим строением хозяйств и общим их хозяйственным устремлением, постольку будет необходимым об'единение всей агрономической работы в одном организованном центре, ибо только при наличии его возможна планомерность работы, определенная программа и единство, однообразность понимания стоящих перед общественной агрономией заданий и определенное единство в осуществлении их. Только при единстве организации возможно единство программы, единство метода работы, координация и экономия сил. Только при этом триединстве не будут иметь место разногласия, взаимные трения и розность устремлений. Это является необходимым условием успешности и эффективности агрономической работы. В противных условиях,—а они как раз могут иметь место при построении агрономической работы из кооперативного центра,—агрономическая организация разбивается на ряд не связанных между собой, более чем автономных центров и центриков. Ведь каждый союз, более того, каждый отдельный кооператив, если только он достаточно мощен для этого, может учреждать при себе агрономическую организацию, может давать ей те или иные задания, не считаясь совершенно с постановкой дела в смежных организациях и в союзах высшего порядка. При этом распаде само собой разумеется одновременно исчезают единство программы и единство ее достижения; делается неизбежным известная нестройка в работе. При отсутствии организации, об'емлющей целый хозяйственный район, и возникновении агрономической работы из многих небольших центриков возможны такие случаи, когда задания двух смежных агрономических центров будут вза-

имно противоположны. Мы можем себе представить случай, когда в пределах одного и того же хозяйственного района, при равенстве всех прочих условий будут рекомендоваться смежными агрономическими центрами в качестве улучшающих пород—породы скота различного назначения, например, мясной и молочный. При территориальной смежности районов и постоянной диффузии между ними, эти различные направления вместо ожидаемой пользы могут принести только один вред. Вместо улучшения мы будем иметь взаимное разбалтывание кровей и т. д. Примером подобного скрещивания различных устремлений можно привести многое множество. Таким образом вырисовывается необходимость принудительного агрономического центра,—по крайней мере, в известных пределах. С другой стороны мы не можем забывать тех преимуществ, которыми, как указано было выше, обладает кооперативная агрономия. Кооперативная агрономия, следовательно, нужна и важна, но она не будет заменять государственной или муниципальной агрономии, подобно тому, как эти виды агрономии не способны заменить ее.

Кооперативная агрономия мыслима и может существовать лишь как восполнение и углубление агрономической помощи, организуемой из иных центров. Она нужна не вместо них, а наряду с ними. Это обстоятельство является основным моментом, который кооперация должна разрешить для себя, прежде чем браться за организацию агрономической помощи.

Но вышеуказанными моментами еще не исчерпывается все значение кооперативной агрономии, которое она сохраняет, не смотря на все ограничения, приведенные выше. Мы не должны еще забывать того, что кооперация, по самой своей природе, должна влиять на себе-стоимость сбываемого продукта и сделать отсюда все необходимые выводы. Эта основная особенность кооперативного подхода к делу, и в этом мы видим важнейшее принципиальное отличие работы кооперативного аппарата от частно-капиталистического. Частно-торговый капитал совершенно не интересуется себе-стоимостью продукта производителям его. Для него важно одно—получить этот продукт как можно дешевле, а покрывают ли эти сборочные дешевые цены трудовые расходы производителей—капиталу безразлично. Он пользуется всеми доступными средствами для того, чтобы понизить сборочные цены до минимума, едва покрывающего издержки производства и почти не оставляющего производителю средней заработной платы. Этим и объясняется повышенная доходность предприятий, работающих на сборном, крестьянском про-

дукте. Кооперация призвана защищать трудовой доход потребителя и не может пользоваться методом частного капитала. Она стремится обеспечить производителю полную стоимость его продукта. Поскольку от кооперации не зависит изменение рыночных цен и сокращение операционных расходов, постольку перед ней стоит один путь содействие вверившему ей защиту своих интересов производителю,—сокращение себестоимости сбываемых при ее содействии продуктов. Уменьшать себестоимость продукта заставляет не только стремление обеспечить наибольший доход за производителем, но также и сама борьба за место в жизни. Мы не должны забывать, что кооперация с ее защитой интересов трудовых производителей на рынок пришла последней. Все уже было захвачено частным капиталом, частной инициативой. Кооперации буквально приходится вырывать себе место в жизни самой напряженной борьбой, причем частный капитал не останавливается ни перед чем, чтобы устранить нежелательного соперника. Борьба за рынок, как известно, ведется при помощи низких цен. Тот, кто в состоянии готовить на рынок продукт, не ниже обычного качества, дешевле всех, тому и будет принадлежать рынок. Частный капитал удешевляет продукты путем перекалывания расходов на плечи производителя, понижая до минимума его заработную плату. Кооперация к той же цели стремится иным путем, путем уменьшения трудовых затрат, путем удешевления себестоимости продукта. Уменьшение себестоимости продукта не только позволяет последний легче сбывать на рынке, но также позволяет производителю, даже при несколько пониженных продажных ценах, извлекать больший доход, лучше оплачивать затраченный на производство труд. Значение сказанного, станет ясным из рассмотрения нижеследующего примера работы молочного кооператива. Мы знаем, что молочный кооператив,—для простоты мы берем наиболее элементарную форму—товарищество, сбывающее молоко в непеработанном виде,—приступая к своей деятельности, много затрачивает сил и средств, чтобы обучиться заносным приемам ухода за молоком. К этому молочный кооператив вынуждается торговыми интересами, но не в этом его главная задача. Задача его, как указывалось, состоит в защите трудового дохода от эксплуатации и возможное его увеличение. Поэтому, как только кооператив приступил к работе, столкнулся с рыночными условиями, то сейчас же со всей властной необходимостью перед ним встала необходимость воздействовать на хозяйство так, чтобы уменьшилась себестоимость продукта, с которым работает молочный кооператив.

Одних приемов ухода за молоком далеко недостаточно для того, чтобы удержаться на рынке. В конкурентной борьбе побеждает тот, кто имеет более дешевый продукт. Для того, чтобы иметь этот дешевый продукт, молочный кооператив вынуждается перейти к обучению населения правильному и экономному кормлению, организовать контроль удоев, подбор производителей и проч. Все это имеет прямое отношение в молочной продукции, но только этим молочный кооператив ограничиться не может. В сельском хозяйстве все зацепляется одно за другое. Начав с введения правильного кормления, воздействие кооператива на кооперируемое хозяйство расширяется до полного охвата последнего. Мало обучить правильно кормить скот, нужно еще организовать хозяйство так, чтобы необходимый для скота корм получался по возможности дешево, был дешевым кормом.

Для получения последнего приходится изменять систему хозяйства, севооборот, вводить новые культуры, исключать старые привычные и т. д.

Сказанное с большой наглядностью показывает, что перед кооперацией в ее работе по защите трудового дохода мелкого земледельца, на первый план выдвигается не столько техническое усовершенствование кооперируемой отрасли, сколько коренная переорганизация в смысле лучшего приспособления хозяйственного уклада к условиям производства кооперируемого продукта в целях сбыта. Это уклонение далеко в сторону обуславливается с одной стороны тем, что рынок принадлежит наиболее дешевому продукту данного качества и во-вторых, особенностями сельско-хозяйственного производства, которое даже при большей или меньшей специализации всегда требует целой системы человеческих действий и сцеплений животных и растительных организмов. Это имеет силу не только в разобранным нами примере сбыта молока, но является не менее справедливым и по отношению к любому сельско-хозяйственному объекту. Кооперирование сбыта льна, пеньки, яиц и т. д. для своего успеха одинаково требуют и делают необходимым самое широкое организационное воздействие на хозяйство, кооперативно организуемое.

Агрономическая помощь, выдвигаемая кооперацией, как раз и имеет своей задачей переорганизацию кооперативно организованных хозяйств в смысле их большей экономической и технической рационализации, в смысле их лучшего приспособления и вооружения для удешевленного производства кооперируемого продукта определенного качества. Отсюда мы видим, что агрономическая работа является не-

обходимым звеном в общей хозяйственной работе, выполняемой кооперацией; за осуществление которой рано или поздно кооперация должна была взяться просто потому, что эта работа ей необходима, вытекает из ее организационно-хозяйственной деятельности. Кооперирование отдельных отраслей крестьянского хозяйства не могло бы идти успешно, если бы одновременно не перестраивалось само крестьянское хозяйство. Конечно, этот процесс перестройки мог бы идти ощупью, эмпирически. Само бы крестьянское хозяйство без всякой посторонней помощи, толкаясь в ту или другую сторону, нащупывало бы путь, которым следовало ему идти. Такое нащупывание в слепую сопровождалось бы не только непосредственной растратой сил и средств, но все время держало бы крестьянское хозяйство на грани гибели. Агрономическая помощь так или иначе организованная, как раз и устраняет необходимость каждому отдельному хозяйству на своем опыте проделывать весь путь реорганизации хозяйства. Для кооперации, которая связывает изолированное крестьянское хозяйство с рынком, не безразлично, как выполняется агрономическая работа по реорганизации крестьянского хозяйства. Не безразлично, потому что от тех или иных неправильностей в ней зависит самостоятельность кооперации. При организации агрономической помощи не кооперацией, а из иного центра, первая, т. е. кооперация лишена возможности корректировать ее, направлять в согласии с запросами крестьянского хозяйства. Корректирование возможно только тогда, когда агрономическая работа ведется самой кооперацией. Это и есть основание, почему кооперация берет на себя еще и агрономические задания.

В изложенном выше заключается также и ответ на спорный в агрономических и кооперативных кругах вопрос о природе кооперативной агрономии; —должна ли последняя быть совсем непохожей на земскую агрономию, или же она должна продолжать историю своей предшественницы. Короче, вопрос сводится к тому, —должна ли кооперативная агрономия уклоняться в сторону преимущественного обслуживания кооперируемых отраслей, т. е. быть специальной, или же ее объектом является крестьянское хозяйство в целом. В вышеизложенном, как мы уже сказали, заключается ответ на поставленный вопрос. Ответ этот по нашему мнению таков: поскольку кооперация имеет своей основной целью не техническую рационализацию кооперируемых отраслей хозяйства, а прежде всего и преимущественно защиту трудового дохода мелкого производителя, постольку кооперация не может специализировать организуемую ею агрономическую помощь

на техническом обслуживании отдельных сторон хозяйства. Основной своей цели кооперация может достигнуть лишь путем реорганизации и приспособления кооперированного хозяйства к условиям работы на рынок. Это значит, что объектом кооперативной агрономии является хозяйство в целом. В этом отношении между нарождающейся кооперативной агрономией и предшествующей ей во времени земско-участковой, никакой принципиальной разницы нет. Разница не в заданиях, а в методе подхода к осуществлению их.

Земская агрономия не имела деловых, — в том смысле, в каком имеет их кооперация, — связей с сельскохозяйственным населением. С местным хозяйством ее не связывал общий интерес. Этим обуславливается известная слабость позиции земского агронома. Кооперация, наоборот, живет общей хозяйственной жизнью с местным населением. Успехи кооперации — это выгоды местного хозяйства и обратно. Общие интересы делают для населения особенно понятным и убедительным то, что говорят и делают кооперативные агрономы. У кооперативного агронома иной по существу метод подхода к хозяйствам. Он в своей работе исходит из кооперируемой отрасли хозяйства, т. е. с той стороны, которая для хозяина наиболее понятна и легко измеряется рублем.

Кроме того, для специализации агрономической помощи у нас еще путь закрыт по причине слабой междухозяйственной дифференцировки. У нас почти нет специализировавшихся хозяйств. Если и можно говорить о специализации, о молочном, льноводном и иных направлениях, то исключительно в том смысле, что эта специализация обнаруживается не между отдельными хозяйствами, а по районам. При таких условиях специализировавшемуся агроному нечего делать. Его клиентура может быть крайне мала. Вообще нужно признать за правило в агрономической работе, что не техника предшествует экономике, а как раз наоборот. При организации агрономической помощи силою кооперации перевес экономики получает особенно яркое подчеркивание. Сказанным по вопросу о направлении кооперативной агрономии мы и ограничимся. Более подробную мотивировку интересующиеся найдут в наших статьях в „Вестнике Кооперации“ и „Вестнике Сельского Хозяйства“ за 1918 г. Сейчас перейдем к вопросу об организационных формах кооперативной агрономии. На этом вопросе пишущему эти строки уже приходилось останавливаться в специальных докладах Областному Кооперативно-агрономическому Совещанию в Петрограде летом прошлого года и агрономической секции Сельскосочета в Москве 6-го октября 1919 года. Последующее изло-

жение явится по существу сводкой развитых в указанных докладах положений.

Характер кооператива, объем его деятельности и преследуемые им задачи с неизбежностью накладывают определенный отпечаток на организационную форму агрономической помощи и характер ее. В кооперативах по преимуществу закупочного характера, работа агронома в значительной своей части с неизбежностью, самим характером организующего центра направляется на внутри кооперативную работу. Агроном консультирует закупочные органы, контролирует и испытывает материальные результаты закупочной деятельности. Работа же, направленная на хозяйство, на кооперативную периферию или остается в пренебрежении или ограничивается крайне малым объемом. К тому же выполняется она под своеобразным углом лучшего приспособления закупочного аппарата к удовлетворению местных сельско-хозяйственных запросов. Агроном, обслуживающий закупочный кооператив, с кооперативной периферией соприкасается лишь постольку, поскольку нужно руководящему органу установить наиболее подходящие assortименты машин и орудий, семян, удобрений и пр. В некоторых случаях может иметь место обучение приемам пользования и употребления того или другого сельско-хозяйственного предмета. Последнее, благодаря характеру строения кооперативного распределительного аппарата, может в очень редких случаях быть направленной непосредственно на хозяйство. Чаще это будет информация и инструктирование закупочных органов кооперативов первой степени. Да и из характера работы закупочного кооператива не вытекает с естественной необходимостью стремление подойти ближе к хозяйству так или иначе переорганизовать его в смысле лучшего и более тонкого приспособления к наличным условиям хозяйственной среды. Закупочный кооператив—это стремление существующих хозяйств удовлетворить общими силами более полно свои текущие материальные нужды, чем это может быть посильно отдельным изолированным хозяйствам, не производя сколько нибудь существенных изменений в организационном плане хозяйств.

Сам по себе закупочный кооператив консервативен и элементарен по своим функциям. Отсюда уже и организационные формы кооперативной агрономии, организуемой из этого центра, должны отличаться простотой и элементарностью. Агрономический персонал не может быть многочислен, и он скорее должен быть ближе к кооперативному центру, чем к хозяйствам кооперативно-организованного населения. Здесь мы можем иметь несколько агрономов, свя-

занных с центром и занятых изучением пригодности тех или иных предметов сельско-хозяйственного назначения к конкретным условиям, испытанием обращающегося в каналах торговли материала, и некоторого количества лиц более низкой квалификации, на обязанности которых лежит ознакомление населения с новыми приемами. Наряду с элементарностью организационной формы, мы имеем в этом случае и крайнее сужение агрономических заданий, почти до полного прекращения общественно-агрономической работы. На расширение и углубление агрономической работы у закупочного кооператива нет внутренних побудительных мотивов.

В ином положении находится сбытовая кооперация, поскольку она размещает на рынке произведенные в крестьянском хозяйстве продукты, даже в том случае, когда она не прибегает к сложным переработкам, изменяющим природу первоначальных продуктов. Все аргументы, к которым мы прибегали выше, нами заимствованы из сферы сбытовой кооперации, каковой и должна быть преимущественно сельско-хозяйственная кооперация. Этого рода кооператив заинтересован в получении массы продукта в качественном отношении не ниже обычного рыночного, но по возможности дешевого, т. е. обладающего меньшей себестоимостью, чем обычный рыночный продукт равного качества. Только при наличии этих условий, на что мы не раз уже указывали, сбытовой кооператив может успешно конкурировать с частным капиталом, вытеснить последний с рынка, завоевывать рынок для продуктов крестьянского, кооперативно-организованного хозяйства. Другим основным моментом, обуславливающим успешность сбыта того или другого продукта, является сохранение неизменности качества, по крайней мере, до окончания реализации собранного продукта. Эти моменты не могут быть разделены, ибо этим обуславливается возможность успешной работы сбытового кооператива.

Достигнуть одновременного существования этих моментов можно лишь определенным влиянием на производящее хозяйство, а так как это последнее земледельческое, то влияние это должно быть агрономическим. Нужно в инертной крестьянской среде пробудить новое понимание природы хозяйственных отношений, дать необходимые знания, помочь видоизменить и приспособить хозяйство в соответствии с новыми условиями быта и т. д. Отсюда мы видим, что сбытовой кооператив самым ходом своей работы вынуждается к необходимости влиять на составляющие его хозяйства, как в смысле придания им такой организации, при которой производство сбываемого продукта находилось бы в оптимальных

условиях, т. е. совершалось бы с наименьшими затратами, так и в смысле обучения производящих хозяйств определенным приемам обращения и ухода за продуктом. Осуществление этих влияний возможно лишь при наличии определенного аппарата агрономической помощи, причем деятельность последнего направляется не на рабочие органы кооператива, а на хозяйства, его составляющие. Она должна быть близка к ним. Это уже предполагает известную многочисленность и разветленность агрономической помощи, предполагает существование агрономической организации. Подобно тому, как для царей в геометрии нет особых путей, так и для кооперации их нет в агрономии. Агрономическая помощь может быть близкой к населению только в том случае, когда она организована по типу участковому. Это значит в одних случаях, при небольших районах кооперативных союзов, агрономический участок будет совпадать с районом союза и мы будем иметь агронома с некоторым количеством помощников, т. е. элементарную форму организации. В других случаях, при больших районах, участков будет несколько, и агрономическая организация будет более сложной.

Агрономическая помощь в широком смысле слова, понимая под этим преимущественно организационно-хозяйственную деятельность, направленную на индивидуальные хозяйства, организуемая на кооперативных началах, может и должна развиваться в сбытовой кооперации, потому, что в этой последней есть внутренние причины, которые побуждают названные кооперативы вплотную интересоваться внутри хозяйственной жизнью своих составных частей и влиять на нее. В кооперации закупочной, как мы видели выше, таких внутренних мотивов нет. В соответствии с этим и развитие агрономической помощи в ней не может находить побудительных импульсов. В этого рода кооперативах агрономическая работа если и может иметь место, то всетаки будет и должна носить рудиментарный характер или же может вылиться в руководящий орган ряда сельско-хозяйственных предприятий. Яркий образчик современного перерождения общественно агрономической работы, организованной на кооперативных началах, дает Кимрский Кредитный Союз, где вся агрономическая работа сводится к деловой постановке ряда сельско-хозяйственных предприятий, правда, доходных и безусловно полезных. В этой работе общественно-агрономического элемента не больше, чем в хорошо поставленном частновладельческом хозяйстве.

Итак, поскольку наша кооперация, обслуживающая сельскохозяйственные нужды деревни, обнаруживает тенден-

цию перехода к формам закупсбыта, постольку открывается широкое поле для развития общественно-агрономической работы организуемой на кооперативных началах.

В заключение нам нужно остановиться на выяснении возможного примирения между центробежными стремлениями, проистекающими от самостоятельной организации агрономической помощи отдельными союзами, с необходимостью в известной мере централизации и взаимного подчинения, вытекающей из потребностей самой агрономической работы. Мы видим (как это отмечали выше) в том, что агрономическая помощь организуется близкими населению, имеющими с ним деловые связи, кооперативными организациями, здоровое начало, придающее агрономической работе прочное основание. Преимущества этого для агрономической работы настолько велики, что ради их можно и должно поступиться выгодами иного рода, вытекающими хотя бы из организации работы из муниципального центра. Выше мы указывали, что успешность и эффективность агрономической работы требуют выхода из мелкой изолированности; она предполагает наличие единого плана и метода работы, охватывающего значительную хозяйственно-однородную территорию. Короче, каждая обособленная хозяйственно-однородная территория должна иметь единую агрономическую организацию. Для возникновения таковой кооперативная среда представляет достаточно благоприятную почву. Из кооперативной практики, если оставить в стороне постороннее влияние в виде продовольственных нормировок, связанных с административными центрами, мы знаем, что кооперативные единицы объединяются в сложные организации не по административным признакам, а по путям экономического тяготения. Экономическая жизнь, проявлением которой является кооперативная организованность, рвет административные пути и создает свои новые центры, новые области и районы. Определившись уже областное строительство кооперации совпадает с хозяйственными областями страны, что является вполне понятным, ибо в кооперации,—а особенно кооперации сельскохозяйственной,—ищут удовлетворения *общих* нужд. Это хозяйственное обслуживание однородно-хозяйственных территорий представляет большое удобство для агрономической работы. Работа много от этого выигрывает, когда она не разбивается по разным центрам или, наоборот, не представляет в себе механического соединения различных устремлений. Охватываемые единой организацией однородные территории позволяют выработать однородно-выдержанную программу и более экономно и целесообразно расходовать силы

и средства на выполнение ее. В случае такой, так сказать, монолитной программы устраняются многие трения, возникающие из за необходимости примирить различные устремления. Соединение небольших агрономических участков, которые в кооперативном разрезе совпадают с мелко-районными об'единениями, в одну большую организацию, охватывающую целую хозяйственную область, отдельные части которой разнятся между собой степенью выраженности, а не направлением интересов, представляет все удобства для агрономической работы. Основанием для такого, подчеркиваем, добровольного об'единения являются общность интересов, тяготеющих к единой области кооперативных союзов. Это основание, более чем достаточное для построения практической организации, является и для агрономической работы весьма нужным. Напомним, что связь земской агрономии с административными делениями служила мелкими тормазами в развитии и проведении весьма многих агрономических мероприятий. Таким образом, областная кооперативная организация находит свое место в агрономической работе, организуемой силами кооперации.

Если место есть для областной организации, и на наш взгляд место бесспорное, то для нас еще не ясно, насколько нужен всероссийский агрикультурный центр, каким претендует быть Московское Общество Сельского Хозяйства. Для областной организации основанием является, как мы видели, известная общность интересов и работы для значительной однороднохозяйственно-организованной территории. Здесь имеются задания, какие могут быть осуществлены только общими, соединенными усилиями многих, и притом только сразу на значительной территории. Таких оснований для всероссийского агрикультурного центра нет. Такой центр, поскольку он является государственным органом, понятен и законен; его задачи примирять и согласовать различные территориальные интересы в одном государственном. Для осуществления таких задач у государственного центра имеется вся полнота власти и средства государственного казначейства. Все эти функции общественный департамент выполнять не может; у него прежде всего нет средств и нет власти—и что особенно важно,—и не может быть ни того, ни другого. Если власть и была заменена моральным авторитетом организации, то недостающих средств заменить ничем нельзя. Для того, чтобы выполнять функции общественного департамента земледелия, нужны такие средства, каких не может дать никакая частноправовая организация, какой бы финансовой мощностью она не отличалась. Для этого нужен госу-

дарственный источник средств,—принудительное обложение. Мы думаем, что за устранением сказанного общественному департаменту земледелия нечего было бы делать, а поэтому он на наш взгляд излишен. Всероссийский агрикультурный центр не нужен и является надуманным построением. Поэтому мы его и отмечаем из нашего построения, которое в общем сводится к следующей схеме: мелко-районными объединениями организуется за свой счет агрономическая помощь кооперативно-организованному населению. В целях планомерности и успешности агрономической работы отдельные агрономические единицы сливаются по принципу экономического тяготения союзов в крупные областные организации, ведению которых подлежат мероприятия, осуществимые лишь общими усилиями и на значительной территории. Всероссийский агрикультурный центр нами мыслится исключительно, как небольшое бюро для периодически созываемых кооперативно-агрономических с'ездов и совещаний. По нашему мнению, строительство кооперативной агрономии кончается областью.

Алексей Герн.

Денежно-кредитный оборот в Государстве и области.

Денежный рынок есть рынок единый. Тот резервуар, в который стекаются ссудные капиталы, и откуда эти капиталы распределяются в форме кредита по различным предприятиям, представляет собою сообщающийся сосуд, не только в пределах отдельного государства, но и в мировом хозяйстве в его целом. Капиталы приливают оттуда, где они „свободны“, т. е. где есть лица и предприятия, не имеющие склонности или возможности применять их у себя, и идут в „чужие“ предприятия туда, где имеются предприниматели, желающие применять капитал, но ощущающие недостаток в нем. В нормальных условиях хозяйства, при отсутствии блокад, свободные ссудные капиталы, как известно, очень легко переливаются не только из одного района в другой, но из страны в страну, и хозяйство разных стран представляет собою сложное переплетение взаимной задолженности, простирающейся от применения чужих капиталов. Так, до войны, Соединенные Штаты работали в большей мере на капиталы Англии и Франции, а государства Южной Америки на капиталы Соединенных Штатов. Германия брала капиталы из Франции и Англии, и сама снабжала ими Россию. И даже бедная капиталами Россия, оперируя в большой мере на ссудные средства Франции, Германии, Австро-Венгрии, сама в свою очередь, хотя и в небольших размерах, финансировала более „молодые“ в капиталистическом отношении страны, как напр. Персию.

Движение ссудных капиталов подчиняется своим законам. В этом движении раньше всего проявляются „великие“ экономические законы спроса и предложения. Деньги идут оттуда, где они дешевы, туда, где они дороги, из стран низкого процента в страны высокого процента, из стран где их эксплуатация обещает небольшую прибыль на затраченный капитал, в страны, где эта прибыль по тем или иным причинам обещает быть высокой. Эти же законы определяют и движение ссудных капиталов из области в область, из одного района в другой. Она и приводит в общем и целом к раци-

опальному распределению капиталов по народному хозяйству, к применению их в тех областях и отраслях хозяйства, где они в данное время наилучше могут быть использованы.

Можно ли при таких условиях говорить о денежном обороте внутри области? Существует ли отдельный областной денежный рынок в составе единого национального рынка? Можно ли говорить о своеобразных интересах области в сфере денежно-кредитного оборота?

На эти вопросы приходится ответить утвердительно. И раньше всего потому, что когда присматриваешься внимательнее к так называемым „великим“ и „непреложным“ экономическим законам, они оказываются вовсе не столь непреложными, как об этом принято говорить в учебниках политической экономии.

В общем и целом ссудные капиталы имеют приливать в те области и районы, где существуют для этого подходящие условия, где имеются подготовленные рабочие и соответствующие естественные условия. Не случайность, конечно, что центры нашей промышленности сосредоточены на Урале, на Юге, в Баку, Иваново-Вознесенском районе, Московском районе и т. д. Не случайность, что в эти районы больше всего приливало капиталов. Не случайность, что из наших окраин наибольший интерес вызывает к себе в последние годы Туркестан. Однако, все эти тенденции проявляются лишь „в общем и целом“. Ссудные капиталы приливают в те отрасли хозяйства, где имеются подходящие условия для их применения. Это верно. Но столь же верно, что эти условия сплошь и рядом неправильно учитываются, и что капиталы нередко направляются не туда, куда бы следовало. Нерациональное распределение ссудных капиталов во многих случаях такой же факт, как и рациональное их распределение в других случаях. Как хорошо известно из экономической истории, ссудные капиталы из общего резервуара мирового рынка нередко шли в такие страны, которые еще далеко не созрели для их применения, а в пределах национального хозяйства капиталы направлялись в районы и отрасли где было больше „суб'ективных“, нежели об'ективных данных для их рационального использования. Неправильное распределение ссудных капиталов, приток их в те страны и в те районы, где для их приложения не было достаточных условий, служило в течение 19-го века источником многочисленных кризисов. И поскольку кризисы были характерны для мирового хозяйства последнего века, постольку, очевидно, для него были характерны и случаи неправильного распределения ссудных капиталов.

Ошибки в распределении ссудных капиталов, нередкий прилив этих капиталов в ненадлежащие районы и ненадлежащие отрасли производства, имеют свое основание в той своеобразной обстановке, в которой протекает в капиталистическом хозяйстве распределение ссудных средств. Дело в том, что это распределение принимает обыкновенно форму *борьбы за деньги*. В той мере, в какой предприниматели работают с чужими деньгами, они стараются урвать для своих предприятий наибольшую часть из тех ссудных капиталов, которыми располагает денежный рынок. Чем больше ссудных капиталов урвало данное хозяйство, тем больше у него возможностей для расширения. Собственные капиталы предприятий растут медленно, и подчас случайно. Их рост часто отстает от требований, которые пред'являет процесс расширения самих предприятий. Успех предприятия сплошь и рядом зависит от того, в какой мере оно сможет получить для себя часть из общей суммы ссудных капиталов. Отсюда и возникает борьба за ссудные капиталы. Во-первых каждая страна старается урвать для себя наибольшую долю ссудных капиталов, имеющих на международном рынке. Затем внутри отдельных стран каждая отрасль хозяйства стремится получить наибольшую долю. Каждый предприниматель в отдельной отрасли хозяйства старается в свою очередь получить возможно больше ссудных капиталов для своего предприятия. В этой „борьбе за деньги“ побеждает „наиболее приспособленный“. Но „наиболее приспособленный“ предприниматель не всегда есть тот, предприятие которого рационально с обще-экономической точки зрения, и не всегда тот, который собирается вести свое дело на правильных коммерческих началах. Сплошь и рядом тот или иной предприниматель побеждает в борьбе за деньги благодаря своей близости к правящим кругам, к центральному аппарату денежного рынка.

Ненадлежащее распределение ссудных капиталов и сказывается впоследствии в разорении отдельных предприятий и в частичном или общем хозяйственном кризисе.

Борьба за деньги, под знаком которой проходит в современном хозяйстве распределение ссудных капиталов, создает „областные интересы“ в сфере кредитного оборота. Область, как часть государства, имеющая своеобразный экономический уклад, свои специальные условия, оказывается заинтересованной в том, чтобы получить свою долю ссудных капиталов из общего котла. Областные интересы выступают здесь, как совокупность интересов отдельных отраслей хозяйства, ибо в одном и том же районе все отрасли в той

или иной степени между собой связаны. Мы можем в этом смысле говорить об интересах Сибири, Туркестана, Севера или Юго-Востока. Каждая из этих областей заинтересована в том, чтобы получить свою часть из общей массы поступающих на русский денежный рынок ссудных капиталов. Сельское хозяйство, отдельные отрасли индустрии, торговля, транспорт каждой из этих областей выступают в данном случае, как единое целое. Прилив ссудных капиталов в сельское хозяйство Сибири напр. крайне важен для ее индустрии и наоборот.

Осознание областных интересов в указанном сейчас смысле, выступление каждой области на общегосударственном денежном рынке в качестве единого целого, несомненно, внесло бы нечто положительное в распределение ссудных капиталов, привело бы к более равномерному и более целесообразному с обще-хозяйственной точки зрения распределению свободных ссудных средств. Это не значит, что такое выступление области всегда означало бы увеличение доли приходящихся на нее ссудных капиталов. В конце концов, общая масса ссудных капиталов, приливавших на общенациональный денежный рынок для распределения внутри страны, всегда попадала в те или иные области. Если предположить, что при оформлении областных интересов на денежном рынке некоторые районы выигрывают в борьбе за деньги и получают относительно больше ссудных капиталов, то, очевидно, при этом какие-нибудь другие районы станут получать меньше. Но такое „перераспределение“ ссудных средств с общегосударственной точки зрения, несомненно, было бы полезно. Оно предохранило бы денежный рынок от той практики, которая принесла не мало зла и не раз приводила к крахам и кризисам, а именно от увлечения „модными“ районами и „модными“ отраслями хозяйства, инвестирования слишком больших средств в одни отрасли, в ущерб другим. Достаточно вспомнить судьбы нашей уральской металлургии, угольной промышленности нашего Юга, да и пожалуй отчасти судьбу нашего Туркестанского хлопководства, чтобы оценить значение „моды“ в прошлом нашего денежно-кредитного оборота. Сосредоточение слишком большого внимания на финансировании одного какого-либо района в ущерб всем прочим являлось естественным результатом централизма, а вместе с тем и известной случайности в распределении ссудных капиталов, отсутствие подхода к делу с точки зрения интересов отдельных областей. А в конце концов гипертрофия кредитования одного района приводила не только к задержке в развитии других районов, но и к тяжелым последствиям для района наиболее финансируемого.

Для рационального распределения ссудных капиталов между отдельными районами страны, и между отдельными отраслями хозяйства может, таким образом, оказаться полезным выступление области в „борьбе за деньги“, как единого целого, осознание областных интересов в этом отношении. Сопоставление интересов отдельных областей, в некоторых случаях столкновение их интересов, могло бы устранить те неизбежно связанные с разочарованиями и кризисами увлечения, которые так часто имеют место, при чрезмерной централизации денежного рынка.

Областные интересы в сфере денежно-кредитного дела возникают, однако, не только там, где идет речь о привлечении средств в данную область, в сфере, если можно так выразиться, *пассивной* политики области. Осознание и оформление областных интересов необходимо и в сфере *активной* политики, в сфере распределения средств. Область не только заинтересована в том, чтобы получить надлежащую долю ссудных капиталов из общего резервуара денежного рынка, но и в том, чтобы полученную, таким образом, часть рационально использовать. Участие области, как известного объединения в распределении ссудных капиталов, в размещении их между отдельными отраслями хозяйства и отдельными типами предприятий не противоречит, конечно, интересам государства в его целом. В чем же заключаются интересы области в сфере активной кредитной политики? Какое значение имеет в этом отношении вопрос о централизации и децентрализации? Раньше всего область заинтересована в том, чтобы ссудные капиталы не только затрачивались на ее территории, но и имели в виду под'ем ее хозяйства. Эти два момента не всегда и не во всем должны совпадать. Государство может строить железную дорогу на территории области, направлять, таким образом, капиталы в эту область, но эта постройка может вестись двояким образом, преследовать две разные цели. Государство может преследовать „стратегические“ цели, может иметь в виду транзитное значение дороги, ее роль в облегчении сбыта продуктов других районов, или же оно может иметь в виду по преимуществу под'ем хозяйства в данной области. В том и другом случае дорога будет проходить по различным направлениям. „Стратегическая“ или транзитная дорога может оказаться непригодной к хозяйственным нуждам области и наоборот. Область имеет, таким образом, свои интересы в железнодорожной политике. Это не значит, конечно, что при несовпадении государственных и областных интересов, первые должны быть принесены в жертву вторым. Но осознание

областных интересов, учет их особенностей наряду с учетом общегосударственных интересов, необходим. Область должна вести в этом отношении свою активно-кредитную политику. Подход к финансированию предприятий какой-либо области без достаточного учета интересов этой области, децентралистическая затрата средств при централистической тенденции в их использовании, составляло, несомненно, большой грех нашей экономической политики по отношению к окраинам. Этот подход сказался особенно в политике России в отношении Туркестана. Туркестан едва ли может пожаловаться на то, что ему уделялось относительно мало средств из общего резервуара русского денежного рынка, в особенности в последнее десятилетие до войны. Точный баланс Туркестана и его взаимоотношение с Россией едва ли можно установить, но крупная заинтересованность наших коммерческих банков в Туркестанском хлопководстве и других Туркестанских предприятиях общеизвестны. Общеизвестен и факт быстрого роста туркестанского хлопководства за последние годы до войны, и интерес, хотя больше платонический, который проявляло к этой окраине старое правительство. Но поток частных капиталов в Туркестан, государственная финансовая политика в Туркестане проводилась под известным углом зрения, в котором интересы самого Туркестана мало учитывались. К финансированию Туркестана подходили имея в виду, главным образом, потребность в хлопке Московского и Ивано-Вознесенского текстильных районов. Это был, собственно, даже и не общегосударственный подход, а подход, если угодно, областной, но учитывающий интересы не той области, которая финансируется, а области другой. Затрата в Туркестане громадных капиталов, разумеется, не прошла бесследно для этой области. Здесь развилось не только хлопководство, но и другие связанные с ним отрасли, как выделка масла, жмыхов, здесь выросли города, развилась торговля и т. д. Но все же подход к Туркестану был неправилен. Туркестан мог бы сказать и, действительно, говорил: „без меня меня женили“. Результаты ненормального брака и не замедлили сказаться. Развитие хлопководства пошло в ущерб производству пшеницы, и при первых затруднениях в транспорте, возникших в 1916/1917 г.г., в Туркестане начался голод. Для поддержания хлопководства в крае была установлена высокая пошлина на иностранный хлопок. Все это было хорошо до поры до времени. Московский район получал то сырье, которое ему было нужно. Но в какой мере вся эта политика была рациональна с точки зрения развития хозяйства самого Туркестана, должно еще показать будущее. Сейчас мы переживаем переходный мо-

мент, быть может не вполне характерный для будущего; но в этот переходный момент Туркестан горько жалуется на прошлое нашей финансовой политики.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что как в сфере своей пассивной кредитной политики, так и в сфере своей активной кредитной политики, область имеет свои интересы, не всегда покрываемые общенациональными интересами. Осознание этих интересов полезно, а их защита со стороны заинтересованной области правомерна и рациональна. Поскольку область выступает как самостоятельная хозяйственная единица в общей борьбе за деньги, поскольку она имеет свои интересы в сфере распределения притекающих к ней ссудных капиталов, постольку можно с известным основанием говорить об областном; или районном денежном рынке, как части общенационального рынка, так же как говорят о денежном рынке отдельных стран, как части международного рынка ссудных капиталов. Отсюда, однако, не следует сделать того вывода, что денежный рынок области есть рынок в той или иной мере замкнутый в себе, самодовлеющий. Такое представление мы имеем в рассуждениях о „перекачивании“ капиталов из района в район, из области в область. Жалобы на „перекачивание“ капиталов, на „выкачивание“ их из какой либо области основаны на предположении, что можно сконструировать движение ссудных капиталов внутри области, как нечто отделенное от остального денежного рынка. Думают, что можно отгородить денежный рынок данной области от денежного рынка других областей и вести политику в том направлении, чтобы ссудные капиталы, приливающие на рынок от жителей области и шли непременно на финансирование предприятий этой же области. Эта точка зрения предполагает, что каждая область имеет какое то преимущественное право на *свои* капиталы, и что отлив этих „своих“ капиталов в другой район уже сам по себе представляет известное нарушение областных интересов. С этой точки зрения Московский район, напр. должен питаться своими капиталами, Сибирь — своими и т. д. Такой взгляд ошибочен во всех отношениях. Областные интересы в сфере денежного рынка вовсе не заключаются в том, чтобы организовать самодовлеющие областные рынки. Особенность ссудных капиталов заключается, как мы отметили, в легкости их передвижения. В этом существенное отличие их от реальных товаров. От товара можно отгородиться таможенными барьерами, запретительными мероприятиями, мерами транспортной политики. Но ссудный капитал гораздо легче переходит из страны в

страну. Затруднить ввоз или вывоз ссудных капиталов далеко не так просто, как затруднить ввоз или вывоз товара. Ссудные капиталы всегда находят свои лазейки, чтобы проникнуть туда, где для их размещения существуют подходящие условия. Это не значит, что в данной сфере экономическая политика совершенно бессильна. Путем сложной системы финансовых и экономических мероприятий та или иная борьба с приливом или отливом капиталов, конечно, возможна. Но в общем и целом переливы ссудных капиталов совершаются с большой легкостью. В этой сфере больше быть может, чем где бы то ни было сказывается взаимная связь мирового хозяйства, взаимное сцепление самых отдаленных и казалось бы совершенно различных уголков этого хозяйства. Вот почему установление каких бы то ни было барьеров на путях движения ссудных капиталов весьма трудно. В особенности это было бы трудно внутри отдельной страны. Конструировать областной денежный рынок, как рынок самодовлеющий, представляется уже по этим соображениям невозможно.

Такая конструкция, кроме того, вовсе и не вызывается потребностями развития хозяйства в том или другом районе. Во—первых, область не всегда заинтересована в том, чтобы весь ее собственный капитал применялся на ее же территории. Если при данной обстановке в других районах имеются лучшие условия для экономического развития, то для богатой капиталами области может оказаться более выгодным выступить в роли „рантье“ по отношению к этим районам, снабжать их своими капиталами, гарантируя себе известный доход. Такое перераспределение ссудных капиталов совершенно необходимо в интересах хозяйства всей страны. Если бы выставить положение, что капиталы, накапливаемые в Бакинском районе, должны обязательно идти на развитие промышленности в этом округе, а капиталы Сибирских маслоделов на развитие промышленности Сибири, и провести это положение до конца, то оказалось бы невозможным развитие хозяйства в *новых* областях, которые не имеют еще своих капиталов. Очевидно Сибирь только в том случае может отстаивать свое право на известную долю ссудных капиталов, если весь рынок страны рассматривается, как рынок единый. „Сибирские ссудные капиталы—для сибиряков, а капиталы—Юго-Востока для юго-восточной промышленности“—тезис совершенно неприемлемый в рассматриваемой нами сфере отношений. Каждая область должна получить из общего резервуара ссудных капиталов долю, соответствующую ее потребностям и состоянию ее хозяйства, независимо

от того, в какой мере она сама питает денежный рынок свободными средствами. „Выкачивание“ и „перекачивание“ капиталов само по себе не представляет ничего ненормального.

Помимо того, денежный рынок области не может иметь самодовлеющего характера и по другой причине. Дело в том, что область может одновременно выступать и в роли кредитора, и в роли должника, получать ссудные капиталы от одних областей, и в свою очередь размещать ссудные капиталы в других. К этому приводит разнообразие форм кредита. Московский район, конечно, питается ссудными капиталами разных других районов. Москва затратила за последние пару десятилетий до войны на постройки, вероятно, около полумиллиарда рублей. Свыше 300 миллионов рублей получили Московские домовладельцы в ссуду от Городского Кредитного Общества. В конце концов все эти дома построены в значительной части на капиталы держателей облигаций этого Общества, рассеянных по всей России. В этом смысле, мы можем сказать, что Москву построила вся Россия. Но и Москва в свою очередь одновременно с тем, снабжала своими ссудными капиталами всю остальную Россию. Достаточно вспомнить те кредиты, которые оказывались фабрикантами непосредственно, или через оптовых торговцев, различным самым отдаленным районам. Если Сибирь может сказать, что она участвовала в постройке Москвы, то и Москва может сказать, что она снабжала Сибирь ссудными капиталами в сфере мануфактурной торговли. Уже благодаря этому факту взаимного кредитования не может быть речи об областных денежных рынках, как о рынках в большей или меньшей степени замкнутых в себе. Впрочем, как мы видели, и в пределах целого государства нет замкнутости в этом отношении. Германия, Соединенные Штаты, Россия выступали до войны на международном денежном рынке одновременно и в роли кредиторов и в роли должников. Они получали средства из одних стран и снабжали ими другие страны. В этом проявлялось единство мирового рынка.

Мы попытались установить пределы областных интересов в сфере денежно-кредитного оборота. Мы пришли к выводу, что область имеет в этой сфере свои интересы, что в известном смысле можно говорить об областном денежном рынке, но что этот рынок отнюдь нельзя представлять себе, как нечто самодовлеющее. Но мы не касались до сих пор вопроса об *организации* денежного рынка, устройства того аппарата, при помощи которого ссудные капиталы приводятся в движение. Остановимся вкратце на этом вопросе.

Если, как мы видели, область имеет известные интересы на денежном рынке, интересы, которые она должна отстаивать, то какое значение имеет это обстоятельство в сфере организации кредита? Иными словами, должна ли область иметь и свой особый аппарат на денежном рынке? Движением ссудных капиталов руководят кредитные учреждения. Должны ли, в таком случае, в системе кредитных учреждений существовать областные учреждения? Эти вопросы приводят нас к спорному вопросу о централизации и децентрализации банковского дела, о центральных и провинциальных банках, и в частности, к поставленному в кооперативной литературе вопросу о центральных и областных кооперативных банках. Как известно, до революции был сделан ряд попыток к организации местных, по преимуществу, областных кооперативных банков („Северный Кооперативный банк“, „Украинский Кооперативный банк“ и т. д. См. Е. С. Лурье: „Центральный и областной кооперативный банк“). Возникает вопрос, в какой мере организация областных банков рациональна?

В сущности ответ на эти вопросы дан в значительной мере тем, что было высказано на предыдущих страницах. Поскольку мы признаем, что область должна выступать на национальном рынке, как единое целое, и как единое целое принимать участие в „борьбе за деньги“, поскольку мы признаем правомерным влияние области на активную сторону размещения ссудных капиталов в ее пределах, мы должны признать и необходимость существования областных кредитных учреждений. Ибо всем хорошо известно, какую роль играют банки в качестве орудия в борьбе за деньги. Чем ближе стоит данная организация к денежному рынку, чем лучше ее кредитный аппарат, тем больше у нее шансов на получение своей доли ссудных капиталов, тем лучше она в состоянии вести свою линию в сфере активной кредитной политики. Недаром в Америке чуть ли не каждый трест старается иметь свой банк. Недаром, и у нас в России, каждая отрасль промышленности старалась обзаводиться верным ей и обслуживающим ее по преимуществу банком. В этом смысле, как будто не должны вызывать возражения попытки по организации провинциальных кредитных учреждений, и в частности кредитных учреждений кооперативных. При существовании у кооперации данной области собственного банка, она будет иметь больше шансов на получение надлежащей доли ссудных капиталов, чем при условии, когда распределение средств сосредоточено исключительно в руках центрального учреждения. Совершенно очевидно, что местный

банк, ближе знакомый с хозяйством района, с отдельными предприятиями, или кооперативами, при прочих равных условиях, должен реже ошибаться в своей оценке отдельных соискателей кредита, и скорее может обойти те опасности, которые неизбежно связаны с кредитованием.

Рациональность известной децентрализации денежно-кредитного дела, приближение в этом смысле кредита к населению, в особенности в такой стране, как Россия, не требует, как нам кажется, длинных доказательств. Лишь на одном возражении нам хотелось бы остановиться. Обычно указывают, что децентрализация кредита противоречит „объективному ходу развития“. Действительно, за последние 3—4 десятилетия мы наблюдаем в Западной Европе процесс централизации кредитного дела. Повсюду, в Англии, Франции, Германии, мы видим постепенное исчезновение бывшего хозяина денежного рынка, частного банкира и концентрацию банковского дела в руках левиафанов-акционерных банков. Банкир постепенно исчезает со сцены, частью „вливается“ в акционерный банк, частью превращается в маклера, работающего через акционерный банк. Провинциальные банки— прежде сильные кредитные учреждения, превращаются в отделения коммерческих банков. В результате этого процесса в Англии все банковое дело сосредоточилось в руках десятка крупных акционерных банков, проглотивших сотни частных банкиров и провинциальных банков. Один из левиафанов „London City and Mailand Banc“ к 1910 г. „проглотил“ 72 провинциальных банка и частных банкиров. Во Франции все банковое дело сконцентрировалось в руках 3 парижских банков. („Credit Lyonnais“ „Société générale“ и „Comptoir National d'escompte“) с многочисленными отделениями. В Германии командование перешло к 6 „grossbanken“. То же мы наблюдали и в России. Провинциальные банки постепенно сходили со сцены и стремились превратиться в большие столичные банки.

Таков, несомненно, „объективный ход развития“ в банковом деле. Можно ли, однако, отсюда сделать вывод о преимуществах концентрации в банковом деле вообще и о преимуществах этой концентрации в кооперативном банковом деле в частности? Едва ли! Раньше всего концентрация в банковом деле на Западе была связана в значительной мере с общим процессом концентрации в промышленности и торговле. Что эта концентрация была „объективным фактом“, это несомненно. А вот в какой мере этот объективный факт представлял собою экономический прогресс, в этом позволительно весьма и весьма усумниться. Ведь эта concentra-

ция пока ни к чему хорошему не привела и ею особенно увлекаться не приходится. Не приходится увлекаться и объективным фактом концентрации банковского капитала. Ведь это та именно концентрация, которая привела к сосредоточению власти над денежным рынком в руках небольшой группы финансовой олигархии, слабо связанной с местным хозяйством. Что же, напр. хорошего в том, что ключи к финансированию Сибири находились в руках людей, которые в Сибири никогда не были и имели слабое представление о ее нуждах и хозяйстве. И какое может быть сомнение в том, что для развития Сибири было бы выгоднее, если бы напр., „Сибирский банк“ остался бы провинциальным банком, обслуживающим Сибирь, как это было в начале, а не полез бы в столицу, как этого требовал „объективный ход развития“. Нельзя ли думать, что тот кризис, к которому нас привел „объективный ход развития“ заставит пересмотреть кое какие выводы из сферы банковской практики, и несколько иначе оценить исчезновение провинциальных банков и сосредоточение всего дела кредита в столицах.

Тем менее может этот объективный ход развития разрешать вопрос об организации кооперативного кредита. В кооперативном строительстве все же организационные силы конкурируют с силами стихийными и здесь кредитный аппарат может строиться не совсем так, как он строился в сфере частного кредита. Конечно, некоторые из тех мотивов, которые заставляли наши провинциальные банки стремиться в Петроград, будут существовать и у кооперативных учреждений. Это—стремление приблизиться к центрам мирового денежного рынка, стоять ближе к правительственным учреждениям и т. д. Зато местным кооперативным учреждениям чужды многие другие мотивы, которые питали концентрацию частного банковского дела, а с другой стороны для них на первом плане стоит вопрос об интересах местного хозяйства, мотив, который отсутствовал у частных банков. При таком положении вещей постройка кооперативного кредитного аппарата может пойти и не тем путем, каким шла организация частного кредитного аппарата.

Выше мы охарактеризовали пределы областных интересов в сфере денежно-кредитного оборота. Этим как будто определяются и роли областных кредитных учреждений в общей системе кредита, в особенности в области кооперации. Поскольку областной денежный рынок не есть самодовлеющий рынок, не может рассматриваться, как замкнутая в себе организация, а составляет лишь часть, неразрывную часть единого общенационального денежного рынка, постольку и

областные кредитно-кооперативные учреждения не могут быть вполне самостоятельными и высшими организациями кооперативного кредита в стране. Представительство на международном рынке, распределение ссудных капиталов между отдельными областями, должно сосредоточиваться в центральных кредитных учреждениях.

З. Каценеленбаум.

Судьбы жилищной кооперации в России и областное начало в ее союзном строительстве.

Развитие жилищной кооперации в России.

Жилищная кооперация является едва ли не самой молодой ветвью русской кооперации. Массового характера она не успела приобрести до революции. Реальные попытки удовлетворить жилищную нужду путем самопомощи относятся к первому десятилетию 1900-х годов, а первый кооперативный дом в России сооружен, насколько нам известно, в Петербурге „Т-вом для постоянных квартир“, возникшим в 1910 г. За 4 года, протекавшие с этого момента до войны, кооперативное движение в жилищной области не успело, да и не могло дать сильного развития, так как основные причины, тормозившие его, самым тесным образом были связаны со всем политическим и социальным укладом дореволюционной России. Общее число жилищных кооперативов, обзаведшихся своими домами к настоящему моменту, едва ли превышает до нашему подсчету (правда, очень приблизительно) 2—3 десятка на всем пространстве нашей страны, причем добрые три четверти кооперативов относятся на долю Москвы и Петрограда. Нельзя не отметить также, что почти все русские строительные Т-ва, обладающие домами, за ничтожным исключением, лишь с большою натяжкой могут быть названы кооперативными организациями. В основу их положено право собственности отдельных членов Т-ва на квартиры, открывающее широкую возможность перепродажи и передачи по произвольным ценам; по усмотрению квартировладельца и вне всякого контроля со стороны общественной власти. Ясно, что члены таких Т-в, вложившие свои средства в кооперативный дом, заинтересованы, поскольку они не занимают сами квартир в этом доме, в сдаче этих квартир по возможно высокой цене, а Т-ва в целом не имеют оснований принимать каких-либо мер против обуздания аппетитов своих сочленов, так как каждый из членов может в любой момент очутиться в положении сдатчика своей квар-

тиры. При этих условиях роль таких Т-в в борьбе за удешевление квартирных цен сводится почти к нулю.

Заслуга этих пионеров русской жилищной кооперации заключается разве лишь в том, что своим строительным опытом они доказали возможность для потребителей квартир обойтись без дорого стоящих посредников, в лице домовладельцев. Несмотря на огромные сметные перерасходы, которые, как правило, сопровождали постройку почти каждого из кооперативных домов, тяжело отражаясь и на бюджете членов Т-в и на внутренних их взаимоотношениях, — результаты эксплуатации этих домов в первые же годы были таковы, что жизнеспособность идеи самопомощи в области удовлетворения жилищной нужды блестяще оправдывалась даже на русской почве, неблагоприятной для кооперативных всходов. При относительной дороговизне постройки, кооперативные квартиры оказывались в конечном счете экономичнее, выгоднее частно-владельческих (в так наз. доходных домах), благодаря более низким ежемесячным платежам, большим удобствам в пользовании помещениями и, самое главное, большей гигиеничности, — разумея под этим обеспечение квартир теплом, светом и воздухом.

Из строительных организаций, отвечающих, если не строго по форме, то по характеру своей деятельности, духу кооператизма, мы можем назвать в Москве лишь одно О-во для удовлетворения квартирной нужды московских городских служащих, основанное в 1910 г. и через 4 года по возникновении отстроившее свой первый дом на 78 квартир (на Донской улице). Члены этого О-ва не обладают индивидуальным правом собственности на занимаемые ими квартиры; они могут пользоваться помещениями в кооперативном доме лишь сами лично, без права передачи их кому либо, даже во временное пользование. По сравнению с обычными квартирами обитатели дома городских служащих — до его национализации — пользовались громадными преимуществами; за невысокую плату (на 10—20% ниже рыночных), они имели гигиеничные, удобные (с газовыми плитами, общую прачечную и ванными) квартиры и были застрахованы от произвола домовладельца: раз получивший в свое пользование квартиру, член О-ва не мог быть выселен из нее, пока он соблюдал все принятые на себя обязательства. Городское Управление, выдавшее О-ву ссуду на постройку дома *),

1) Кстати сказать, на условиях, несколько не обременявших городскую кассу (6% годовых, считая и погашение в течение 49 лет) но, наоборот, дававших ей некоторый профит по сравнению с тем, что город сам платил за эти деньги своим кредиторам.

оставило за собой только право требовать от О-ва повышения квартирных плат в случае недостаточности их для исправной уплаты $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ по ссуде.

Во всем остальном ни общество, ни члены его ничем не были связаны и пользовались полной самостоятельностью в управлении своим кооперативным домом. Отсюда видно, что жилищный кооператив городских служащих предоставлял своим членам те же права и преимущества, что и квартирновладельческие строительные Т-ва,—кроме одного права эксплуатировать других путем перепродажи и передачи квартиры. Вместе с тем обязательные членские взносы в этом кооперативе в общий неделимый капитал были до чрезвычайности скромны—50 коп. в месяц—тогда как паевые взносы в квартирновладельческих Т-вах выражались в тысячах рублей и были под силу только лицам, имевшим собственные свободные средства или пользовавшимся дешевым кредитом на стороне. В соответствии с этим и размеры квартир и расценка их в доме городских служащих были рассчитаны на людей с самым скромным бюджетом: квартиры были только в 2 и 3 комнаты (не считая кухни) площадью от 7 до 13 кв. саж. и расценивались, начиная с 18 рубл. в месяц; в квартирновладельческих же Т-вах преобладающим типом были барские квартиры в 5—6 комнат с площадью в 25—40 кв. саж. и с соответствующей высоты платежами.

Опыт московских городских служащих с достаточной наглядностью показал, что при наличии широкого (до 90% стоимости постройки) и дешевого долгосрочного кредита и дешевой земли жилищная кооперация могла бы обслуживать и те слои населения, которые живут изо дня в день только своим заработком и не могут делать хоть сколько-нибудь значительных сбережений. Но в условиях режима, господствовавшего в России до 1917 года, нельзя было думать ни о широком долгосрочном кредите, ни тем более о дешевой земле. Случай с Московскими городскими служащими был лишь счастливым исключением из общего, неблагоприятного для жилищной кооперации, правила. Ни государственная власть, ни домовладельческие городские думы не были расположены оказывать покровительства своему конкуренту—врагу. Дать развиваться жилищной кооперации значило содействовать ослаблению жилищного голода,—этого неиссякаемого источника домовладельческих барышей.

Великая революция, раскрепостив Россию, открывала блестящие перспективы и для русской жилищной кооперации. Разрешение аграрного вопроса в городах в интересах трудовой демократии могло создать неисчерпаемый земель-

ный фонд для городского строительства в меру здоровой потребности населения, и, в первую голову—строительства кооперативного. Грядущее возрождение и реорганизация государственного и муниципального кредита, раскрепощение и расцвет кооперативного кредита, прилив громадных средств в страховые кассы и в кассы профессиональных союзов и пр. пр. сулили строительной кооперации обильные источники непрерывного финансирования. Наконец, уже тогда обнаружившееся, широкое и быстрое развитие кооперативной промышленности могло при известных условиях обеспечить жилищные кооперативы главнейшими строительными материалами, как наприм., кирпичем, цементом, лесными материалами и пр. и тем способствовать удешевлению кооперативных построек. Оставалось только создать достаточно сильный организационный аппарат, который мог бы с надлежащей полнотой использовать открывавшиеся возможности для развития кооперативного строительства. Конечно использование этих возможностей в полной мере стало бы доступным лишь по окончании мировой войны, когда враждовавшие государства перешли бы на мирное положение, и занялись бы строительством в интересах человечества, а не бога войны. В условиях войны о массовом сооружении новых домов, хотя бы и кооперативных, нельзя было думать, ибо и кредит и промышленность, не говоря уже о прочих факторах строительства, были обращены на служение обороне государства, а не культурным целям. Но для кооперации оставалось бы широкое поле деятельности в виде обобществления существующих жилищ, разумеется, методами и средствами кооперативными, а не безоговорочного декретирования сверху.

Муниципализация домов и земель.

События, однако, пошли другим путем. Вместо обращения к самодеятельности трудовых масс для выхода из жилищного кризиса, власть остановилась на более простом, на первый взгляд, методе—муниципализации недвижимостей. Первоначально эта мера, как известно, была осуществлена в Москве, в декабре 1917 г. постановлением местного Совета Раб. и Кр. Депутатов, а затем декретом В. Ц. И. К. от 20-го августа 1918 г. ей придано в несколько измененной форме характер общегосударственного закона. Судя по статьям—комментариям, появившимся в печати после осуществления муниципализации в Москве, автор этого закона преследовал двоякого рода цель: с одной стороны—перекачку в Советскую казну „многомиллионных барышей“ домовладельцев, а с другой—улучшение жилищных условий трудовых масс.

Проводником этой меры в жизнь первоначально было избрано само население в лице его представителей—домовых комитетов, которым было предоставлено устанавливать и собирать квартирную плату, производить расходы по дому, а известную ее долю вносить в городскую кассу,—но как признавались сами творцы муниципализации ¹⁾, на этот шаг они шли, скрепя сердце, лишь за неимением другого, более подходящего, на их взгляд, аппарата. Такой аппарат скоро—уже через год после введения муниципализации—был создан в Москве, в виде института „управляющих квартальными хозяйствами“ или, как сокращенно окрестили их обыватели—„квартальных надзирателей“. За домовыми комитетами остались лишь дела продовольственного характера, связанные с карточной системой распределения предметов первой необходимости, а все права их и обязанности по управлению домами перешли к „квартальным“, назначаемым президиумами районных Советов Р. и Кр. Д. В настоящий момент (декабрь 1919 г.) истекло два года с момента фактического осуществления муниципализации городских недвижимостей в Москве,—срок, достаточный для оценки закона, тем более, что проводился он в жизнь здесь в Москве, под непосредственным руководством и при ближайшем участии самих авторов этого закона.

Посмотрим, достигнуты ли за это время цели, к которым стремился законодатель. Обогатилась ли советская казна и насколько конфискованною у домо—и земле-владельцев рентою и улучшились ли жилищные условия трудящегося населения Москвы?

Точного ответа на первый вопрос мы дать не можем, за отсутствием в советской печати каких-либо определенных данных о размере сумм, поступивших в виде отчислений из квартирных плат с муниципализованных владений. Но, судя по отрывочным сведениям, просачивавшимся в печать о недоимках по отчислениям, а также имея в виду колоссальные разрушения, которые испытали, главным образом, дома с центральным отоплением за последнюю зиму, можно с уверенностью сказать, что вместо многомиллионных доходов, ожидавшихся от муниципализации, получен был огромный дефицит, точный размер которого определится лишь по восстановлении полуразрушенных зданий.

Как бы однако, ни был велик этот дефицит, с ним можно было бы примириться, если бы ценою его было куп-

¹⁾ См. статьи Д. Кузовкова в № 1 „Известия Москов. Жилищного Совета“ за 1918 г.

лено значительное против прежнего улучшение жилищных условий городского населения. К сожалению, в данном случае такому оправданию места не находится.

Печальное наследие от прошлой зимы—две тысячи домов с центральным отоплением, ранее благоустроенных, а ныне—с полопавшимися от мороза трубами отопления,¹⁾ водопровода и канализации—являются немymi свидетелями в каких условиях приходится жить теперь Московскому населению. Если до революции в Москве, как и в других русских городах ощущался недостаток в квартирах, годных для жилья, то с разрушением нескольких тысяч домов положение москвичей и в первую очередь—трудящихся классов должно было неизмеримо ухудшиться.

В разрушении домов в Москве нам не приходится винить стихии, против которых бессильны человеческий опыт и знание. Каждому понятно, что можно не иметь дров, но в то же время сохранить в целости все домовые сети: и отопления, и водопровода и канализации. Для этого надо обладать только небольшим хозяйственным опытом и желанием сберечь общественное имущество от разрушения. Этой то незначительной предпосылки у проводников муниципализации домов в Москве и не оказалось.

Домовые комитеты, составленные из жильцов, уже по одному тому должны были оказаться плохими хозяевами, что угроза быть во всякий момент выселенными из дома отнимала у жильцов всякий стимул для заботы об этом доме. Среди членов домовых комитетов было много людей, располагавших техническими знаниями и хозяйственным опытом, необходимыми для управления домов, но было мало деятелей, способных отдавать свое время и силы тому делу, плодов которого они во всякое время могли быть лишены. Сменившие домовые комитеты квартальные управляющие не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они не являются теми хозяевами, пекущимися об общественном имуществе, создать которых стремился законодатель. При них муниципализованные дома, раньше имевшие плохих хозяев, в лице домовых комитетов, сделались совершенно безхозяйными,—остались вовсе без присмотра, и разрушение их и ухудшение санитарного состояния пошло быстрым темпом²⁾.

¹⁾ См. беседу с проф. К. В. Киршем, напечатанную в № 17 газеты „Кооперация“ за 1919 г.

²⁾ Не избегли общей участи и те немногочисленные кооперативные дома, которые были построены до революции. Большая часть их была квартализована, правления устранены от своих обязанностей, а члены кооперативов почти все были выселены из занимаемых квартир.

На это было несколько причин. Прежде всего, оторванность квартальных управлений от того хозяйства, удовлетворять нужды которого они были поставлены. Имея в своем районе, в среднем около 20 домов с несколькимистами квартир, они, конечно, физически не в состоянии следить за теми недостатками и дефектами, своевременное устранение которых могло бы предупредить обветшание и разрушение всего дома. С другой стороны, отсутствие хозяйского глаза на местах повлекло за собой полный упадок общественной дисциплины среди жильцов, которые очень скоро усвоили себе взгляд на квартализованные дома, как на безхозяйное, заброшенное, никому не принадлежащее имущество, порча которого никем фактически не преследуется и не наказуется. Характерно признание этого факта самой властью, вынужденною издать ряд декретов об охране муниципализованных домов, как напр., о воспрещении колки и рубки дров в комнатах, на чердака и лестницах, — употребления стропил и обрешетки крыш на топку и проч. и проч. Мыслимо ли было ранее такое варварское обращение с благоустроенными помещениями в кооперативных и даже частных домах, какое мы наблюдаем теперь в муниципализованных домах, только на бумаге охраняемых специальным штатом квартальных управляющих и целым рядом строгих декретов?...

Второю причиною, сводившею к нулю хозяйственную роль квартальных, является отсутствие у них самостоятельности в расходовании средств, предназначенных на текущие потребности домового хозяйства, та длительная волокита, с которою неизбежно связан отпуск средств даже на неотложные нужды при бюрократическом ведении дела. Квартирная плата, собираемая с жильцов квартализованных домов, поступает по закону в государственные сберегательные кассы, и квартальные могут получать необходимые средства для заведываемых ими хозяйств лишь с надлежащего каждый раз разрешения жилищноземельного отдела.

В результате этих причин ремонт квартализованных домов или совсем не производится, или — если и производится, то с большим запозданием, что, разумеется, отражается на целостности и сохранности общественного имущества.

Далее, немаловажную роль сыграл личный состав новых проводников муниципализации. На эти должности шли или „специалисты“ из числа бывших домовладельцев, или несведующие в этом деле лица, искавшие на новой должности лишь заработка. Первые, по всему своему мирозер-

цанию отнюдь не расположенные к социальным экспериментам, разумеется, не станут содействовать успеху муниципализации, отнявшей у них „кровное достояние“. Вторые — бесполезны и даже вредны для дела вследствие своей неопытности и неосведомленности. Мы уже не говорим о тех „жуликах“, пробравшихся в этот институт и растрачивающих собираемую ими квартирную плату, к борьбе с которыми творцы муниципализации теперь призывают население ¹⁾.

Наконец,—и это самая главная причина —при бюрократическом способе ведения хозяйства, при отсутствии широкого общественного контроля, дело муниципализации домов фатально не могло быть поставлено хорошо, так как единственный корректив, который вывозит при таких условиях частное хозяйство—*личная заинтересованность* заведующего хозяйством, здесь также отсутствует.

Кооперирование жилищ как неизбежное следствие муниципализации.

Это, повидимому, начали сознавать и творцы муниципализации. Декретами, изданными летом текущего года, Советская власть пытается приостановить дальнейшую гибель московских домов путем обращения к общественной самодеятельности. Одним из этих декретов домовым комитетам и прочим коллективам жильцов предоставляется взять на себя ремонт домов (на государственные средства), а рядом других декретов, те же коллективы жильцов призываются заняться заготовкою для своих квартир топлива. В качестве премии за выполнение той и другой работы власть обещает населению неприкосновенность занимаемых им жилищ до 1-го мая 1920 г.

Как известно, ремонт муниципализованных домов и обеспечение их топливом, согласно положению о муниципализации недвижимостей, составляют одну из главнейших обязанностей управляющих квартальными хозяйствами. Если в результате 1½ годичн. опыта решено переложить эти обязанности на другие плечи, —очевидно, не стихийные явления были главною причиною неуспешного выполнения их квартальными.

Новый элемент в общественном строительстве —городское население, которое раньше служило лишь объектом воздействия со стороны власти, ныне приглашается к актив-

¹⁾ См. ст. Д. Кузовкова „Это в ваших же интересах в № „Вечерних Известий“ за ноябрь 1919 г.

ному участию в воссоздании разрушенного хозяйства. Важна и другая сторона в этих актах советской власти. Даруя населению гарантии от выселений до 1 мая будущего года, власть тем самым, с одной стороны, соглашается с необходимостью создания момента заинтересованности в успешности выполнения данных хозяйственных операций, а с другой, констатирует, что такой заинтересованности у населения муниципализованных домов до сих пор не было и не по его вине. Таким образом, практиковавшаяся до сих пор жилищная политика, убивавшая в населении всякую волю к действию—в отношении охраны общественного достояния (т. е. муниципализованных домов) от разрушения, потерпела крах.

Правда, гарантия неприкосновенности жилищ обещана лишь до весны будущего года. Этот факт показывает, как тяжело достаются в переживаемую эпоху уступки требованиям жизни. Но, с принципиальной стороны, указанное ограничение сути дела не меняет.

Раз сделана одна уступка, то под давлением необходимости,—а жизнь уже выявила эту необходимость—последуют и другие, пока сущее не совпадет с должным. Вопрос лишь во времени. Чем позже будет радикально изменен курс жилищной политики,—тем больше испытаний падет на голову городского населения.

Но что он будет изменен для нас сомнений нет. Дух кооператизма, дух общественной самодеятельности, воспрянет в конце концов, как бы его не подавляли, и свободное творчество народа даст своей жизни те новые формы, которые наилучше удовлетворяют его хозяйственным и духовным потребностям. Если это положение верно вообще, то в области жилищной политики оно приобретает сугубое значение. Здесь мы уже зашли в такой тупик, выхода из которого, по признанию самой власти, нет иного, кроме, как по пути общественной самодеятельности.

Вот почему мы думаем, что жилищная кооперация, бывшая до сих пор самым молодым побегом на российской кооперативной почве, скорее возродится, чем другие более зрелые и многие отрасли кооперации, поблекшие и увядшие под действием неблагоприятной атмосферы.

Перспективы развития жилищной кооперации.

В предыдущей главе мы охарактеризовали состояние русской жилищной кооперации до революции, сведения ее на нет при советской власти и признаки ее грядущего возрождения.

Попытаемся теперь наметить в общих чертах тот путь, по которому может пойти развитие жилищной кооперации при изменившихся благоприятных условиях, сферу ее влияния, ее взаимоотношения с другими отраслями российской кооперации, и как вывод из сказанного, основы ее союзного строительства. Мы мыслим развитие строительной кооперации в России, как широкое общественное движение, вбирающее в себя широкие трудовые массы в их стремлении к улучшению своих жилищных условий. Необходимыми предпосылками его является прежде всего отмена частной собственности на землю в пределах муниципальной черты, установленной по плану, предусматривающему возможное расширение города или поселка на продолжительный период времени (по английск. закону—до 50 лет); затем—организация широкого и льготного долгосрочного кредита при участии государства, органов местного управления и кредитной кооперации. Весьма важным моментом в развитии строительной кооперации будут также обеспечение снабжения ее строительными материалами, и организация консультационно-инструкторской помощи. При этих условиях в кооперативном строительстве домов могут принять участие самые широкие слои трудящихся, включая всех рабочих, обладающих устойчивым заработком и связанных с данным городом постоянными занятиями. Сезонные рабочие, затем чернорабочие, не имеющие постоянного заработка и, наконец, лица не могущие обходиться без общественной поддержки останутся на попечении органов местного управления, сооружающих для них ночлежные дома, приюты, дома для одиноких и для семейных и т. д.

Объектом воздействия жилищной кооперации могут быть не только вновь возводимые здания, но и существующие, ныне муниципализованные. Чем бы ни кончился будущий мир Советской России с Антантою—закреплением ли всех советских позиций, или сдачею части их капиталу, возврат от муниципализации домов к безоговорочному восстановлению частной собственности на дома с государственной точки зрения недопустим.

По Москве восстановление до $\frac{2}{3}$ общего числа домов бывших ранее благоустроенными, а ныне приведенных в негодное для нормальной жизни состояние,—требует таких колоссальных средств, что без помощи государства в той или иной форме оно не может быть осуществлено. Таким образом, роль частного собственника сведется лишь к использованию общественных средств для ремонта имущества, которое станет орудием новой эксплуатации населения. Не

говоря уже о том, что у государства не будет никакой гарантии, что отпущенная им ссуда будет целиком израсходована по своему назначению и притом израсходована хозяйственно целесообразно; не в интересах народа будет содействовать возрождению за его счет того класса, без которого *хозяйственная жизнь в этой области может обойтись*. Пока тверд и устойчив был тот социальный строй, с которым было тесно связано существование крепкого частного землевладения, домовладелец имел интерес быть хорошим организатором домового хозяйства, так как рациональная, не хищническая эксплуатация дома обеспечивала ему постоянный и устойчивый процент на капитал. В потрясенном переворотом строе, как бы велики ни были уступки, вызванные „передышкой“ — миром с Антантою, восстановленный в своих правах домовладелец стал бы чувствовать себя непрочным, прежнего стимула к целесообразной постановке дела в своем хозяйстве он не имел бы и все его стремления свелись бы к возможно скорому и основательному использованию выгод своего положения, — словом к хищнической эксплуатации возвращенного ему дома. Таким образом, вместо прежнего деловитого организатора, мы получили бы, в лице домовладельца, лишь хищника-спекулятора.

Другой результат мы можем получить от кооперирования муниципализованных домов. Создав для жильцов элементы заинтересованности их в целесообразной эксплуатации дома, мы подготовим почву для образования жилищного кооператива. Такими элементами являются — обеспечение бесспорной неприкосновенности жилища от произвольной эвакуации, или уплотнения, полная внутренняя автономия в деле заведывания домом и отчисление известной части остатков от квартирной платы в фонд личных сбережений жильцов, — в их паевой капитал — как премии за их бережное отношение к государственному имуществу, которое им передано для пользования. За государством в этом случае остается лишь утверждение строительных и эксплуатационных смет, контроль за их выполнением, установление норм жилой площади на душу ко всему городу и распоряжение излишком этой площади против этой нормы, где таковые окажутся в кооперированных домах после добровольного уплотнения ¹⁾.

Само собою разумеется кооперированные жилища должны быть, как нами уже указывалось, добровольным актом со стороны населения, а не принудительным образованием

¹⁾ Детальнее мысль эта развита в статье моей „Кооперирование жилищ“, напечатанной в №№ 51 и 54 газеты „Кооперация“ 1919 г.

их в виде каких-либо жилищных коммун. Нельзя обольщать себя надеждой, что это движение пойдет сразу быстрым темпом. Русский обыватель к какому бы классу он ни принадлежал, настолько изверился в различных методах спасения от последствий современной разрухи, что не сразу станет на кооперативный путь, пока на примере соседа не убедится в его практичности—выгодности. Опять-таки это вопрос времени, а не принципа.

Сохранение за государством известных прав финансового контроля, оговоренное выше, нисколько не противоречит идее и независимости кооперации. Всякий кто знаком с положением и развитием так называемой общепользуемой (демократической) жилищной кооперации на западе, где широкое кредитование ее производится государством и муниципалитетами лишь при условии предоставления им контроля в указанной нами форме—согласится, что этот контроль не стесняет по существу свободы кооператива и не несет никаких неблагоприятных последствий для кооперативов, пользующихся общественным кредитом.

Что касается права государственной власти распоряжаться излишней против нормы жилой площадью, то это право вызвано стихийными обстоятельствами переживаемого момента—недостатком благоустроенных жилищ, а потому должно быть допущено, как обусловливаемое суровой необходимостью.

Взаимодействие с другими отраслями кооперации.

Быстрое и успешное развитие жилищной кооперации в России немислимо без тесного общения с другими отраслями кооперации. Начать с того, что самое возникновение жилищного кооператива значительно облегчается, если в его создании принимают участие лица, спаянные работою в уже существующем кооперативе, хотя бы и другого вида. На Западе мы имеем много примеров, как потребительные общества, путем создания особых фондов из специальных взносов своих членов, содействовали сооружению кооперативных домов. Можно указать, в частности, на Гамбургский Левиафан немецкой потребительной кооперации „Продукцион“, способствовавший расселению свыше 1,000 своих членов в кооперативных квартирах.

Той же цели служит деятельность потребительских кооперативов в Рочдэле, Лидсе, Больтоне и др. городах Англии, Германии и проч. стран. Сюда же можно отнести попытки (пока не давшие осязательных результатов) нашего

Центросоюза создать кооперативные дома для своих служащих и рабочих.

Нам и мыслятся различные формы связи жилищной и потребительской кооперации. В одном случае потребительское о-во само берется за постройку кооперативных домов, которые оно и эксплуатирует путем сдачи квартир в них всем или части своих членов (обязавшейся делать специальные членские для того взносы); в другом случае оно способствует организации самостоятельного жилищного кооператива, пропагандируя среди своих членов применение кооперативного принципа в области удовлетворения жилищной нужды, предоставляя на первое время бесплатно помещение и служебный персонал для вновь возникающего кооператива; оказывая ему материальную помощь, путем выдачи денежных ссуд, как самому кооперативу, так и отдельным его членам (на составление пая) или путем снабжения его строительными и др. материалами и наконец, передавая ему в собственность, на известных условиях, кооперативные дома, выстроенные до его возникновения. И в том и в другом случае,—т. е. и при смешанном, жилищно-потребительском кооперативе и в самостоятельном жилищном кооперативе, возникшем при содействии потребительского о-ва, мы видим проявление вполне естественной связи двух названных видов кооперации. Такое сотрудничество чрезвычайно благотворно может отразиться на развитии жилищной кооперации, не только со стороны материальной,—но и со стороны идейно-организационной, так как в новый жилищный кооператив будут вливаться уже не новички, не прозелиты кооперации, а люди прошедшие уже в той или иной мере кооперативную школу, привыкшие соблюдать кооперативную дисциплину. Это особенно важно при установлении новых форм общежития, что и является одной из задач жилищных кооперативов.

Подобную же связь строительной кооперации можно наметить и с некоторыми другими, помимо потребительской, отраслями кооперации, так наприм., кредитной, промысловой.

Кредитная кооперация, особенно, если она получит возможность (что весьма вероятно по нашему мнению, даже в близком будущем) поставить и развить операции с долгосрочным кредитом,—явится могучим фактором в преуспевании жилищной кооперации. Как бы ни сложились отношения между строительной кооперацией и государственною властью центральной и на местах—и как бы ни был широк кредит открываемый этой властью на поддержку кооперативного строительства,—все же финансирование последнего

со стороны кредитной кооперации не только не может быть признано излишним, но при известных условиях даже более предпочтительным, чем кредитование у государства. Кооперативный аппарат носящий в себе элементы свободного творчества и инициативы, отличается вообще как известно, гораздо большею эластичностью, более легкою приспособляемостью к требованиям жизни, чем орган публично-правовой власти, склонный даже в условиях нового государственного строя к бюрократизации живого начинания к чрезмерной угодливости перед бумагою в ущерб существу дела. Это явление находит помимо других причин естественное объяснение в большей связанности правительственного аппарата всякими регламентами, не поддающимися быстрому изменению, но во всяком случае—оно факт, с которым кооперации приходится считаться.

В результате при непосредственном обращении жилищных кооперативов к органам государственной власти возможны задержки в выдаче ссуд, а через это пропуск благоприятного времени для приступа к строительной деятельности, задержки в расплате с поставщиками при начавшихся работах, даже перерыв в строительных работах, что влечет удорожание постройки, а иногда и крах всего предприятия.

В особенности чреватые такими опасностями могут быть сношения тех жилищных кооперативов, которые находятся вдали от мест пребывания центральной власти и которым приходится иметь дело с местными властями, лишенными возможности двинуть дело непосредственно.

Посредничество кредитной кооперации, располагающей правом выпуска долгосрочных обязательств и имеющей свободные средства для выдачи кратко-срочных ссуд, может, если не устранить возможность таких задержек, то сократить их до минимума, благодаря гибкости аппарата и большей близости к заемщику—строительному кооперативу.

Поэтому наиболее желательным с точки зрения интересов жилищной кооперации было бы установление такого порядка государственного финансирования ее, при котором содействие государства выражалось бы с одной стороны в предоставлении государственной гарантии ипотечным бумагам, выпускаемым кооперативными банками, а с другой передача государственных средств (получаемых путем выпуска специальных государственных займов) тем же банком на предмет финансирования строительной кооперации.

За тот короткий период времени, который имеет за собой русская жилищная кооперация, связь между нею и на-

шим кооперативным кредитным центром Московским Народным Банком, успела уже отлиться в известные формы. С одной стороны эта связь выражалась в финансировании Банком возникавших или уже функционирующих домостроительных Т-в и О-в в Москве путем выдачи кратко-срочных ссуд на строительные работы, пока Т-ва не получают ипотечной ссуды из Кредитного О-ва или Земельного Банка, а также на заготовку на весь годовой период топлива, пока необходимые кооперативу средства не будут собраны им из квартирной платы своих членов; с другой стороны, домостроительные Т-ва помещали в Народн. Банк свои свободные средства, образовавшиеся у них периодически из квартирной платы или из паевых капиталов и ипотечных ссуд, впрямь до израсходования по их назначению.

Таким образом, если уже в прошлую трудную эпоху, отличавшуюся изобилием всяких рогаток на пути Народного Банка, идея сотрудничества русской жилищной и кредитной кооперации сумела найти жизненно-устойчивые и практически целесообразные формы для своего выражения, то едва ли можно сомневаться в блестящих благотворных результатах такого сотрудничества когда наступит полное раскрепощение всех видов русской кооперации.

Мы не будем долго останавливаться на возможных формах взаимодействия между жилищной кооперацией и остальными ее отраслями, кроме потребительской и кредитной, так как это не входит в прямую задачу настоящего очерка.

Скажем только, что мы мыслим установление тесных и постоянных связей между жилищной и сельско-хозяйственной, закупочной и промысловой кооперацией. На первый взгляд это может показаться несколько странным. Строительная кооперация до сих пор считалась состоящею на службе исключительно городского жителя, а не деревенского, ибо жилищный вопрос являлся проблемою городов, и притом крупных, быстро растущих, а не проблемою деревни.

Не надо, однако, забывать, что жилищный вопрос в городе создаст не только *недостаток* жилых помещений, но их *недостатки*. А в этом последнем отношении наша сельская Россия не уступит городской. Поэтому проблема оздоровления крестьянской избы остается столь же жгучею, как и улучшение жилища городского рабочего. Разрешение ее также встанет перед кооперацией, как только крестьянин получит возможность употреблять имеющиеся у него свободные денежные средства на удовлетворение своих нужд, давно назревших, но до сих пор не получивших удовлетворения.

Выработка улучшенного, приспособленного к крестьянскому быту и в то же время отвечающего требованиям и культурным потребностям, типа деревенского дома, замена где возможно, дерева и соломы огнестойкими строительными материалами, рациональная распланировка селений, создание сельских садов, улучшение водоснабжения, удаление нечистот, электрификация деревни,—и проч. и проч., все это составит обширное поле для кооперативной работы, на ряду с деятельностью органов местного управления, и не надо быть большим оптимистом, чтобы утверждать, что деревня займется всем этим, как только с нее будут сняты вековечные путы докучливой опеки и кооперативная инициатива получит простор для своего развития.

Несомненно, что, раз народится сельская жилищная кооперация, то несмотря на некоторые особенности своих форм и внутреннего содержания по сравнению с городской жилищной кооперацией, она вступит в связи и постоянное взаимодействие с этой последней, а, с другой стороны, она примкнет другим своим боком к чистой воды сельскохозяйственной, закупочной и промысловой кооперации.

С первую она будет связана общими планами рационального переустройства и усовершенствования типа рабочего и крестьянского жилья и поселка, разрабатываемыми и осуществленными с помощью общего организационно-инструкторского аппарата, затем, б. м. общими источниками кредита и, наконец, совместно закупкою строительных и иных материалов, одинаково нужных как для городского, так и для сельского жилища. Сельско-хозяйственная же кооперация будет нужна жилищной постольку, поскольку ее закупочная и промышленная деятельность будет идти на встречу строительным нуждам. Устройство лесопильных, цементных заводов, эксплуатация каменоломен, производство огнестойких строительных материалов, использование белого угля в целях электрификации сельской промышленности и деревенского жилья и быта, все это может создать твердую почву для совместной работы жилищной и с.-хоз. кооперации.

Союзное строительство в жилищной кооперации.

Ограничиваясь сказанным относительно возможных взаимоотношений между жилищною кооперацией и другими видами кооперации, перейдем теперь к намечению тех форм союзного строительства, которые могут удовлетворять потребностям жилищ кооперации. Остановимся сначала на кооперации городского типа.

Возьмем простейший случай. В основе схемы стоит специальный жилищный кооператив I-й степени, возникший самостоятельно или отпочковавшийся от потребительского о-ва, районом действий его может быть или целый город или часть его, обособленный поселок-сад, или наконец, один или несколько домов. Размер района кооператива в значительной степени будет зависеть от характера состава его членов, от того, каким путем шел процесс организации кооператива, какого рода признак был положен в основу подбора его членов; последние могут быть связаны друг с другом либо общим местом службы, либо одинаковою профессиею, либо просто, наконец, одинаковыми требованиями предъявляемыми ими к своему жилищу, в отношении типа квартиры, ее размеров, расценки, местонахождения и пр. Соответственно этому на территории одного города могут быть несколько строительных кооперативов, объединяющих людей, б. м. различных профессий, с разнородными бюджетами, и с различными вкусами, потребностями в отношении жилища, но имеющих в то же время одинаковые нужды, удовлетворение которых достигается лучше и дешевле объединенными усилиями всех этих кооперативов, чем каждым из них в одиночку. Такого рода нуждами могут быть закупка строительных материалов для сооружения домов и для ремонта существующих, закупка топлива, организация постоянного технического надзора за различного рода домовыми устройствами (отоп. система, водопровод, канализация, газопровод и проч.), исходатайствование ссуд па развитие строительной деятельности, отстаивание интересов кооперативов перед органами местной и центральной государственной власти и т. д. и т. д. Совместное удовлетворение этих нужд и ляжет в основу постоянного объединения жилищных кооперативов данного города,—их Союза. Жилищно-кооперативные союзы будут иметь свои склады топлива и строит. материалов при ж. д. станциях и пристанях, откуда, затем, закупленные товары будут распределяться между членами их,—кооперативами I-й степени.

Пример такого объединения уже дали строительные Т-ва г. Москвы, создавшие в 1918 г., на основании закона 20-го марта 1917 г. „Московский Строительный Кооперативный Союз для удовлетворения жилищной и продовольственной нужды“. В числе задач этого Союза, кроме удовлетворения материальных и культурно-просветительных нужд, указана также, между прочим, осуществление ревизионно-инструкторской деятельности по отношению к членам Союза и содействие объединению, как инструкторской помощи кооперативам, так и товарищеского контроля кооперативов. К Союзу

примкнули почти все существовавшие в Москве жилищные кооперативы (7 из 9), но развить свою деятельность Союз не успел, так как вскоре, после зарегистрирования его устава почти все кооперативные дома в Москве были реквизированы и обращены в рабочие дома или коммуны.

Еще до возникновения этого Союза Московские Строительные Т-ва производили совместную закупку дров непосредственно у владельцев лесных дач, при чем эта операция дала им большие выгоды по сравнению с домами пользовавшимися услугами дровяных торговцев.

Следующую ступень в Союзном строительстве жилищной кооперации будут занимать, как нам мыслится, *областные Союзы*, объединяющие городские союзы кооперативов.

В основе их деятельности будет лежать собственное производство и заготовка материалов, необходимых для строительной кооперации, затем организационно-инструкторская помощь к-вам, и наконец, при известных условиях участие в организации кредита строит. союзам и к-вам 1-й степени.

Осуществление всех этих задач не по плечу будет ни Строительным Союзам малого района, ни тем более Кооперативам 1-й степени. Прежде всего, собственное кооперативное производство строительных материалов может удешевить их только при том условии, если оно будет иметь достаточно большие обороты; последние же будут иметь место при наличности большого числа заказчиков в лице кооперативов 1 степени, что в свою очередь возможно лишь тогда, когда клиентура предприятия охватывает обширный район, в данном случае область, насчитывающую в себе несколько десятков городов, и имеющую целую сеть кооперативов 1-й и 2-й степени. С другой стороны, организация производства в крупном масштабе требует затраты столь больших капиталов, что она не под силу жилищно-кооперативному Союзу малого района, т. к. он не будет обладать ни достаточно крупными собственными капиталами, ни достаточно широким кредитом со стороны.

Постановка на надлежащую высоту организационно-инструкторской помощи кооператива также может быть осуществлена только областным объединением, имеющим пребывание в одном из крупных наших городских центров.

Возьмем для примера устройство города-сада на кооперативных началах. Разработка плана такого города требует привлечения специалистов, научно образованных, имеющих большой опыт в этом деле. Изобилием таких специалистов не может похвалиться и „заграница“ создавшая науку

о „городостроительстве“; тем больший недостаток в них испытывать будем мы, россияне. Поэтому, как вообще научные силы, так и специалисты по городостроительству будут еще долгое время концентрироваться в определенных городах, так наз. университетских центрах, б. ч. совпадающих с областными центрами. Упомянем также об организации показательных выставок по жилищному вопросу и, в частности, по кооперативному строительству. Чтобы обставить их, действительно, с пользой для молодых кооператоров, надо за это дело браться солидной организации, располагающей и необходимыми денежными средствами и соответствующим кадром специалистов. То же можно сказать об устройстве курсов для инструкторов по жилищной кооперации. Жилищная проблема слишком сложная и мало еще разработанная область научного знания и опыта, чтобы популяризацию методов ее разрешения можно было проводить кустарническим способом.

Остановимся теперь на вопросе о том, представляет ли жилищная кооперация достаточно материала для деления страны на области или б. м. областное деление здесь является чисто-искусственным, которое на деле может быть заменено другою схемою. Мы полагаем, что сопоставление потребностей строительной кооперации с теми ресурсами, которые будут находиться в распоряжении областных объединений для их удовлетворения, даст утвердительный ответ на заданный вопрос. Областная схема союзного строительства здесь, как и в других отраслях кооперации, зиждется и на естественно-исторической, и на экономической, и на бытовой базах.

Поскольку в задачи областных союзов будет входить заготовка и производство строительных материалов и топлива, постольку при создании их придется считаться с естественно-историческими и экономическими особенностями различных полос России, обуславливающими применение тех или других строительных материалов, того или иного вида топлива.

Южная Россия с ее камнем, черепицей, балочным железом и углем, северный край с его лесными богатствами, Поволжье с его сланцами и цементным производством, Урал с кровельным железом и т. д.—все это будущие области с своими специфическими производствами для внутреннего потребления и для вывоза к соседям— областным союзам в обмен на то, чего у них нет дома. Поскольку, далее, областные союзы будут обслуживать организационную технико-зодческую сторону дела, нам придется считаться с бытовыми и климатическими особенностями различных областей, отразившимися на выработке известного типа жилища, ха-

ракторного для данной области. Усовершенствование этого типа с сохранением его особенностей,—это задача областного объединения, своими корнями связанного с краем, им обслуживаемым и т. д.

Наконец еще вопрос: будет ли необходимо четвертое звено в цепи союзного строительства жилищной кооперации и, если будет, то каковы его возможные функции? Мы полагаем, что схема жилищной кооперации должна быть завершена созданием центральной организации, т. е. 4-м звеном, но функции ее будут лишены хозяйственного характера, т. к. для развития их не будет материальной базы. Главное назначение центрального объединения, жилищной кооперации,—это выполнение организаторской и представительской ролей, как внутри России так и за границей. Участие в международных и всероссийских съездах и выставках, сношения с заграничными родственными по целям коллективами, представительство жилищной кооперации и защита ее интересов перед высшими органами государственной власти, и т. д.,—разработка вопросов теоретического и практического характера—вот главные функции идейного центра жилищн. кооперации.

Что касается закупки строительных материалов заграничн. происхождения (наприм., предметов электрического и газового оборудования), то ее целесообразнее всего будет осуществлять с помощью специальной хозяйственной организации—закупочного бюро областных Союзов, располагающих необходимыми для того коммерческим опытом и персоналом. Задачи этого Бюро—концентрация заграничных заказов и распределение получаемых товаров между заказчиками—областными союзами.

Хозяйственный аппарат этого Бюро будет несложен; он сведется к организации конторы в России, б. м. со складочными помещениями в главнейших портах, и агентами за-границей.

Такова в общих чертах возможная схема союзного строительства городской жилищной кооперации. Что касается сельской жилищной кооперации, то на первых 2-х ступенях она в виду присущих ей особенностей и некоторых отличий от городской кооперации, может развиваться, в организационном отношении, в виде самостоятельной ветви строительной кооперации, ближе подходя к другим видам сельской кооперации—закупочной и промысловой;—на 3-ей же ступени она, по всей вероятности, будет входить в те же областные объединения которые будут обслуживать городскую кооперацию, так как потребности, удовлетворяемые областными союзами, будут однородны как у той, так и у другой ветви жилищной кооперации.

С. Александров.

Организация культурно - просветительной деятельности в областных кооперативных объединениях.

Организация культурно-просветительной деятельности и кооперативного просвещения в союзах, охватывающих несколько губерний и имеющих областной характер,—явление не новое в кооперативной жизни. Такие союзы, как например, Северо-восточный, Нижегородского края, Саратовского края, Смоленского района и друг., развили на своей территории широкую областную просветительную деятельность. Правда, они еще не выработали вполне отчетливых форм этой деятельности, но отдельные союзы дали уже в этом отношении ценные подготовительные материалы, ждущие общей сводки и сравнительной оценки.

Моя статья подходит к этому вопросу только с одной стороны,—как попытка уяснения схемы организации союзной кооперативной просветительной деятельности в рамках строгого областничества, мыслимого в виде определенной государственной единицы, вновь зарождающейся в России,—единой России, но расчлененной на автономные области или распадающейся на федеративные части. Таким образом, если не федерация, то во всяком случае *культурная автономия* областей—в таком освещении мне рисуется будущая умиротворенная и успокоившаяся от внешних и внутренних тревог Россия.

Культурное самоопределение областей, какова бы ни была их территория и национальные особенности, заключает в себе право населения области самостоятельно, независимо от центра, с которым она связана политически, вести и развивать культурно-просветительную работу в широком смысле этого слова и в полном объеме, включая духовную и материальную культуру страны, устное и печатное слово, театр и искусство, школу и внешкольное образование.

Оно,—это культурное самоопределение областей,—выражается в трех типичных формах: 1) национальной,—

когда определенная народность в прочно очерченных границах отстаивает свое право на самоопределение в зависимости от своих национальных особенностей, бытовых условий, сложившегося вскогового уклада национальной жизни. Это наиболее чистая форма самоопределения, хотя она и осложняется часто уродливым проявлением национального шовинизма,— угнетения в культурном отношении национальных меньшинств области. 2) Географической—территориально изолированные области (Сибирь, Дальний Восток и др.) в силу географических, климатических условий, от'единяются от центра в культурном отношении. Сама природа говорит здесь о своеобразии культурного самоопределения. Пути сообщения с центром, самостоятельные просветительные учреждения и т. п.—внешние факторы влекут к этому самоопределению. 3) Экономической—когда социально-экономические особенности области ведут за собой определенное отграничение не столько от центра, сколько от других областей (Приволжье, Промышленный край, Прикамье и Урал). Культурное самоопределение областей при этом вытекает из глубокой связи социально-экономического положения области с ее духовной культурой.

Кооперация, как хозяйственно-экономическая организация, в лице своих крупнейших об'единений наиболее тесно связана с промышленно-экономическими центрами и обособленными областями государства. Она к ним естественно примыкает, около и среди них возникает, отражая в себе все многообразие и сложность экономических интересов как внутри областей, так и между центром и областью. Кроме того, кооперация вынуждена устанавливать свои отношения и к тем формам самоопределения областей, которые диктуются их национальной и территориальной изолированностью от центра, хотя кооперация по своему хозяйственному строю безнациональна и экстерриториальна.

Во всех этих типичных формах областной организации, кооперация, сохраняя свое лицо, однако, находит некоторую равнодействующую линию поведения, оставаясь в рамках общекультурного самоопределения областей, и не создавая особых организационных связей, которые противоречили бы строго установленной культурной автономии области.

Говоря о культурно-просветительной деятельности областных кооперативных об'единений, необходимо рассматривать ее не оторванно, а в той обстановке, какую дает ей областная жизнь в ее отношениях к главенствующему центру и к другим областным об'единениям.

Национальные запросы, географически сложившиеся отношения должны быть учтены кооперацией. Она не может создавать искусственно перекинутый мост для об'единения с другой областью там, где нет общей почвы для единения: что удобно для кооперации, не может быть чуждым и для той области, где она работает. Если, например, Сибирская кооперация уже создала свои естественные центры, для нее, очевидно, есть своего рода *modus vivendi* в общеобластном масштабе.

Есть, однако, у кооперации свои кооперативные задачи и пути ее осуществления, свои цели, своя идеология. От них, от своей природы, она не может отказаться ни на далеком севере, ни под тропиками, ни среди инородцев, ни среди англичан, ни в горном, ни в земледельческом или степном районе. В хозяйственно-экономическом отношении у нее есть свои интересы, свои потребности, свои технические приемы. Примирение областных интересов с кооперативными одна из существенных сторон в организации культурно-просветительной работы областных кооперативных об'единений.

Все эти довольно длинные предпосылки и отступления важны для нас, как некоторый предварительный фон, на который краски жизни ложатся в сочетаниях, отражающих этот фон. На этом фоне строится организация просветительной деятельности кооперации в ее областных об'единениях.

Культурное самоопределение областей имеет ту характерную особенность, что она никогда целиком не оторвана, не изолирована от государственного центра. Нужна ли эта связь для кооперации? Да, нужна. Но она покоится, по видимому, не на том принципе, который ныне по традиции установился между ею и ее кооперативными идейными и хозяйственными центрами, т. е. не на принципе деловой связи по отдельным просветительным мероприятиям и не на попытке создания единого руководящего центра.

Областное об'единение и отмежевание от центра должно быть более глубоким. Автономная, самостоятельная жизнь и творчество кооперации должны быть в полном соответствии с основными принципами самоорганизации области. *Свой областной кооперативный центр*— вот самодовлеющая культурно-просветительная единица, около которой группируются более мелкие кооперативные единицы. Они не знают другого центра. Если только областной кооперативный центр чувствует более сильную тягу к своему единому всероссийскому центру,— это вполне возможно и допустимо,— то этот вопрос нужно ставить на разрешение всетаки в общеобластном масштабе, а не изолированно. В его возникновении и постановке

может оказаться признак болезненности, ненормальности общеобластного вопроса, нуждающегося, может быть, в пересмотре и поправках с точки зрения общего самоопределения области.

Отсюда уместен вывод, что не всякий кооперативный союз областного характера, как бы велик он не был, есть уже в культурно-просветительной деятельности чисто областной, имеющий право на культурное самоопределение, если только он в своем строении не равняется по их общему областному плану. Всякая автономия, как таковая, не только дает права, но и ко многому обязывает.

Наиболее приемлемой формой единения кооперативной области с единым центром является глубокий и широкий, не связывающий узкими формальными рамками путь — *организации Всероссийских съездов и совещаний* и делегирование на них своих представителей. Совет Всероссийских Кооперативных Съездов останется идейным центром этого объединения. Он должен подвергнуться известной трансформации, но эта трансформация будет сравнительно безболезненной в отношениях к провинциальным областным центрам и более всего в культурно-просветительной работе Совета, п. ч. он не успел еще обрасти теми сложными центральными органами, которые наперед предшествовали бы и обуславливали формы просветительной работы на местах, принудительно и обязательно ее инструктировали из центра.

То, что дает в настоящее время в провинции в культурно-просветительном деле, например Центросоюз,— в высшей степени плодотворно и ценно, но с развитием областной самоорганизации кооперативной России в государственном масштабе работа его будет подлежать серьезному пересмотру в смысле разгрузки ее и децентрализации. Было бы наивно думать, что вся его работа приостановится или в корне изменится. Но ее идеологические подпорки и основания будут другие, изменится темп работы и ее конечные цели.

В чем-же выразится фактически это общение единого кооперативного центра или нескольких кооперативных центров с областью? В двух направлениях: 1) в установлении обще-кооперативной просветительной идеологии и тактики, 2) в защите местных и общих просветительных интересов кооперации, когда они с какой либо стороны подвергаются нарушению или искажаются. Общекооперативная позиция кооперации охватывает все виды ее работы. Установление ее было необходимо до революции; при временном революционном правительстве оно выразилось в пропаганде и проведении в жизнь нового кооперативного закона. Оно оказалось

нужным и в Советской России. Настоящая потребность в этом единстве фронта будет в кооперации, пока существует государственная власть с ее принудительными функциями, не всегда гармонирующими с добровольно принимаемыми на себя функциями кооперацией, как частно-правовым учреждением. До сих пор это право защиты и идейного руководства преимущественно осуществлялось центрами. Оно и потом останется за центрами. Но кооперативные областные объединения более самостоятельно будут реагировать в этом направлении. Они дадут центру более фактического, тоже руководящего, жизненного материала. В сфере защиты интересов кооперации, кооперативный областной центр в зависимости от объема и степени своей общественно-политической и культурной „самостийности“ сам будет компетентен стоять на стороне своих просветительных интересов, отстаивать их от всяких покушений на самостоятельность и свободное развитие.

И только более широкие вопросы общекреативной просветительной политики останутся за всероссийскими центрами, но и то при большем, чем теперь, проявлении активности и инициативы областей: не в кабинетах всероссийских центров, а на всероссийских кооперативных съездах и в специальных областных делегациях.

Каждый областной центр сам нормирует жизнь своей области, устанавливая связь с его отдельными районами. Если отношения его с всероссийским центром определяются исходным моментом культурной автономии, то решающим фактором организационного единения центра с районами служит чисто деловая заинтересованность той и другой стороны в этом единении; она не осложняется привходящими элементами областного строительства в связи с государственным центром.

При таком общем построении работы областного центра рядом с единым всероссийским центром и со своими местными районами встает обычный вопрос — необходимы ли в культурно-просветительной сфере деятельности кооперации особые всероссийские центры по типам кооперации? Ответ на этот вопрос можно найти в решении более общего вопроса: налагает ли определенный тип кооперации свой отпечаток на организацию ее в области просвещения. Если общее просвещение тесно связано со специально-кооперативным — а мыслить его таким в кооперации только и возможно — то отдельные типы кооперации должны сохранить некоторые обособленные центры своей деятельности, построенные по общему типу той же областной организации, какая указана

выше, но тесно связанные с единым идейным центром кооперации. Тот болезненный процесс возникновения в Москве множества больших и малых центров хозяйственной деятельности кооперации временно оправдывается переживаемыми страной событиями, не дает ясной картины того, каким должен быть нормальный план их возникновения и развития, но одно несомненно в постановке просветительной деятельности этих центров: они должны пойти исключительно в направлении учета типовых особенностей просветительной работы кооперации и только. Широкое распыление ее, как бы это не увлекало тот или иной центр, будет не экономной тратой культурных сил, которыми мы и так очень бедны.

То-же надо сказать и о роли местных областных типовых центров кооперации, хотя на местах сфера просветительной деятельности их может быть более расширена вследствие тесной связи хозяйственной деятельности кооперации с ее просветительными функциями. Дорожа этой связью, нельзя исключить право хозяйственных центров на широкую просветительную инициативу.

Культурно-просветительная деятельность кооперативов первой степени в обособленной кооперативной области складывается в организационном отношении также, как и во всяком кооперативном районе. Областной центр объединяет и руководит входящими в состав его организациями.

Около него группируются отдельные кооперативы. Но в настоящее время наши всероссийские центры не уклоняются категорически от общения и связи с кооперативами первой степени, хотя все они построены на принципе объединения союзов. В области при существовании своего областного центра это отмежевание непосредственной деловой связи кооперативов первой степени от всероссийских центров должно быть, повидимому, проведено более последовательно и строго. Дело вовсе не в том, что эти кооперативы не могут установить эту связь, но она должна быть точно урегулирована в организационном плане областного центра. В этой некоторой „спутанности“ связей и отношений я вижу не один только излишний параллелизм работы, но и нарушение областной автономии в просветительной работе. На эту автономию следует смотреть не с формально-юридической стороны, а по существу, по тому содержанию, которое в нее вкладывается.

Вот в каких чертах рисуется нам общая схема организации всероссийских и областных центров в их взаимных отношениях. Основная ее особенность: осторожное, бережливое отношение к культурной автономной области. Она при-

емлема для всех тех случаев, когда эта автономия вполне и прочно сложившееся явление. Менее устойчивые, не установившиеся стадии в ее развитии внесут свои коррективы в эту схему, сохраняя, однако, ее принципиальные основы.

Еще требует освещения один организационный вопрос в жизни областных кооперативных союзов: об отношении их к тем союзам, которые входят в состав других соседних областей, с таким же самостоятельным строем своей внутренней жизни. Как ни различны они по своему характеру, хозяйственная, а потому и культурная работа той и другой области не мыслятся совершенно оторванными друг от друга. Где-то они неизбежно соприкасаются. Скрещивание этих интересов происходит в двух направлениях: или непосредственно, или через всероссийские центры. Если первое происходит чаще и не вызывает сомнений, то последнее многими признается и допускается не без колебаний. Зачем этот посредствующий центр, эта бюрократическая лестница с разными переходами. Побольше простоты и непосредственности сношений. Но в будущем строении федеративной России, и в особенности ее автономных, но политически связанных областей, еще долгое время будет иметь большое значение основной общегосударственный центр. Связь с ним в интересах под'ема и развития местной культурной жизни будет долго еще играть очень крупную роль. Но в ближайшем будущем наступит момент полной автономии духовной культуры областей. Характерный пример этому дает географически резко оторванная от центра Сибирь или Украина с ее ярко очерченной самостийностью и постоянным культурным взаимодействием с Великодержавией. Еще не скоро центры потеряют свою притягательную силу для окраин, в особенности более близких к нему областей. Спешить ослаблять эту связь, форсировать это центробежное движение преждевременно и невыгодно для самих областей. Пусть только основными законами страны будет устранена опасность всякой „великодержавности“ и насилия центра над перифериями.

Те-же межобластные с'езды и совещания закрепят идейно чисто деловую связь областей. Через центральные всероссийские с'езды разрешаются более общие и основные междуобластные вопросы народного образования и кооперативного просвещения.

Внутренняя просветительная работа областных центров отчасти в ближайшем прошлом предначечена в своих основных чертах. Их уже дала русская кооперативная действительность в более или менее обособленных областных коопера-

тивных центрах: Северо-западный край, Алтай, Сибирь, южная кооперация и друг. На съезде только эта областная союзная работа доведена до конца. Кооперативное строительство вообще проходит у нас в России еще период созидания, не сложилось окончательно, не оформилась в определенно и резко очерченных границах идея областничества не только в ее территориальных пределах географически, но и потому идейному содержанию, которое определяло бы резко внутреннюю жизнь ее в смысле культурной независимости и самостоятельности. До сих пор многие области еще не знают своих границ, не установили своей внутренней компетенции в деле народного образования. Желательно было бы в ближайшую очередь установить те особенности культурного строительства областных кооперативных объединений, которые непосредственно вытекают из идеи областничества и с ним связаны.

Каждая область, обладая правом культурного самоопределения, имеет свои специальные органы, заведующие народным образованием в крае. Компетенция их устанавливается основным государственным законом. В пределах ее область автономно осуществляет все мероприятия по народному образованию. Если в центре возникает вопрос об отношениях кооперативных органов к центральной власти, то он ставится жизнью и перед местными областными учреждениями, в ведении которых централизуется народное образование. Кооперативные центры устанавливают с ними соответствующий контакт, в то же время отстаивая самостоятельность частной инициативы, право ее на творческую работу независимо от принудительного воздействия и влияния государственной власти.

Добиваясь представительства в областных коллегиальных органах по заведыванию народным образованием, там где необходимо это представительство, областные кооперативные союзы выполняют его непосредственно или через свои районные союзы также и в остальных местных областных учреждениях по народному образованию. Опыт такого представительства кооперации в Государственном Комитете по народному образованию и в некоторых областных и более мелких правительственных учреждениях дает яркий пример, подтверждающий полезность этого участия. Но до сих пор эта форма взаимодействия власти и кооперации не оформлена и не отлилась в определенные организационные рамки, между тем, во многих областных центрах и в Москве, она—реальный факт, находящий свое оправдание в реальной действительности.

Центральные просветительные органы по заведыванию народным образованием берут на себя, особенно в переходное время, не только задачи объединения всех работающих в этой области, но иногда и руководство. Обойти их и игнорировать нельзя: все равно жизнь заставит с ними считаться. Для кооперации важно установить наилучшие, более отвечающие ее интересам формы этого единения, а не ждать, когда они регулятивно будут установлены извне, может быть, не вполне отвечая стройности кооперативного строительства, вызывая излишние трения и ведомственные недоразумения.

Организационный план просветительной работы кооперативных областных союзов разрабатывается самостоятельно на своих самостоятельных основаниях, но он дает известное место в своей организации и вопросу о том, где и как происходит соприкосновение частно-правовых просветительных интересов кооперации с публично-правовыми, с правительственными. Участие в коллегиальных совещаниях и советах избираемых кооперацией представителей обеспечит ей влияние в своих интересах на общую постановку просветительного дела в кооперативном районе. Этот вопрос недавно стоял перед кооперацией и земством, вызывал горячие споры (Ярославское совещание по внешкольному образованию, Харьковский Съезд по народным развлечениям 1915 г.). Земство не существует, но то, что его заменяет теперь, местами принимает отчасти тот же облик местных органов общественного самоуправления. Приходится переносить сюда старые вопросы, беречь, может быть, еще не зажившие старые раны. Вопрос о взаимоотношениях тех и других организаций не отпал, а ощущается еще более остро и злободневно.

Другое дело, если областная общая организация еще не существует, а областные союзы уже сформировались. Внутри их пойдет подготовительная работа к тому, чтобы во время оказать свое влияние на создание областных связей во всем их объеме. Предварительная инициатива кооперации в работе по областному самоопределению того района, где уже действуют союзы, очень важна: кооперация более чем кто-либо заинтересована и компетентна в этом. Культурное самоопределение, как выражение народной самодеятельности и инициативы, так близко по своему основному характеру с кооперацией.

Заведывание просветительным делом в областных союзных кооперативных объединениях не отрывается от их хозяйственных центров. Это положение твердо было установлено Первым Всероссийским Съездом по культурно-просветитель-

ной деятельности кооперации в пункте 3-м резолюции об общей постановке культурно-просветительной деятельности кооперации:

„Составляя неотъемлемую часть всей работы кооперации—эта просветительная деятельность мыслима лишь в тесной связи с деятельностью хозяйственной, а потому существование специальных культурно-просветительных организаций не снимает с кооперации обязательства вести свою культурно-просветительную работу“.

По общим организационным вопросам, характеризуя работу Совета Всероссийских Кооперативных Съездов, Съезд признал необходимым:

„создание более крупных кооперативных центров, обслуживающих своей культурно-просветительной деятельностью кооперативные союзы и отдельные кооперативы, с сохранением, однако, их самостоятельной инициативы, и приобретающих характер руководящих органов кооперации“.

Создание центральных всероссийских идейных органов кооперации, достаточно оправдавших свое право на существование, говорит в пользу сохранения и возникновения областных идейных центров в форме Советов Съездов. Для наших обычных областных объединений можно говорить пока только о возможности, или желательности таких Советов. Не везде они вызываются прямо жизнью: создают их иногда сверху, искренним, но бюрократическим порывом, не свойственным кооперации.

В новой кооперативной области, созидающей вновь свою просветительную деятельность самостоятельно и независимо от центра, строительство новых просветительных органов очень ответственно и сложно. Хозяйственные кооперативные центры, хотя и не всегда, могут взять на себя эту ответственную работу, но сложность ее только поведет к ослаблению хозяйственной мощности союзов и вызовет потребность некоторого разгрузки и разделения труда. Эта потребность усиливается, когда в областном центре действуют несколько кооперативных центров. Строение областных Советов Съездов в кооперативной среде определено оформилось. Мы имеем ряд проектов и положений фактически уже действующих.

В культурно-автономных областях придется считаться с тем, что этот идейный центр получит преимущественное право идейного представительства в органах местного управления по просветительным вопросам. Надо поставить это представительство так, чтобы было устранено нежелательное вмешательство общественной власти в возможные внутренние тре-

ния среди кооперативных об'единений, чтобы они сглаживались и ослаблялись внутри же кооперации. Совет С'ездов—авторитетное кооперативное учреждение. Об'единяющая роль останется за ним, а за отсутствием его—за временными специальными об'единяющими кооперативными совещаниями и комиссиями, в состав которых входят представители всех хозяйственно-кооперативных центров области.

Большое значение в автономных областях приобретают и те *союзы просветительных организаций*, о которых было так много прений на Всероссийском Просветительном С'езде. Автономная область с кооперативными об'единениями, со всем своеобразием своей жизни, с однородными интересами и общим для области культурным укладом жизни населения—готовая почва для таких об'единяющих культурных организаций. Типичными для нас, в России, являются два таких союза: Алтайский и Нижегородский. Первый, охватывая довольно изолированную оторванную от центров Сибирскую провинцию, ближе стоит к тому типу, какой рисуется нам в каждой автономной области. Второй—более смешанного и менее определенного характера. Созданный почти в центре России (в Нижегородском Поволжье), он может быть с некоторыми поправками типичен для более центральных областей*).

Каждая область в своей внутренней жизни имеет свое направление, свои уклоны. Географическое положение, хозяйственно-экономическая обстановка, исторические и бытовые условия—все это отразится на просветительной работе края. Наметить заранее основное русло ее, конечно, нельзя. Каждый район сам будет заинтересован в своем самоопределении. История выделения некоторых областей России в своих деталях (например, вопрос о народном и литературном языке в Украине) показывает, что жизнь нередко ломает теоретически-правильные выводы и положения, когда они исходят сверху и извне, не вырастая из гущи народной, как ее естественный росток, корнями сплетенный с нею и ею питающийся.

Во всякой культурно-просветительной работе области громадное и почетное место займет местное краеведение. Изучение края станет во главу угла всякого культурного почина, возвращаясь к нему всякий раз и впоследствии,

*). См. Устав Алтайского Союза в моей книге «Культурно-просветительная деятельность кооперативных союзов» 1919 г. стр. 50—53.

О Нижегородском Союзе, см. там-же стр. 68 и журн. «Внешкольное образование» 1918 г. и книгу Медынского «Как организовать и вести сельские просветительные общества и кружки» стр. 36—48.

когда какое-либо мероприятие и учреждение захватит новую область местной жизни, затронет новые, еще не втянутые в жизнь вопросы. Библиотечное дело, театральное, музейное, экскурсионное—примут ту именно окраску, какую дает им действительная жизнь во всем ее своеобразии. Чтобы не быть шаблонной, просветительная работа должна пропитаться местным духом и колоритом. Аромат действительной жизни обвеет ее, краски ее не будут бледнеть от набившего оскомину общего трафарета, каким часто страдают просветительные учреждения.

В союзах просветительных учреждений, в Совете Съездов, в кооперативных союзах должны быть поставлены на очередь не одни статистические работы в их обычных формах, а всестороннее „изучение края“, не спородически, не случайно, а систематически.

Музееведение и краеведение так близки кооперации в ее хозяйственной деятельности, к ним она подходит практически, со своими образцами местных продуктов, местного производства, с техническими орудиями и материалами. Культурно-просветительные учреждения кооперативных союзов внесут в это дело систему, стройность и ясность цели, и плана, более глубокие и широкие перспективы. Культурно-просветительные работники сами нуждаются в такой системе обследования края. Локализация просветительной работы в настоящее время один из основных методических приемов ее. В краеведении этот метод находит необходимый для себя материал. Когда же общие основы просветительной работы в области одни и те же, при каких бы условиях она не протекала, когда однородные методы ее, когда организация их не требует какой-либо особой подготовки,—нет нужды создавать непременно что-то свое местное.

Театр, библиотека, народный дом, книжный склад имеют свои определенные задачи, где бы они не возникали. Достижение их пойдет раз навсегда установленным путем. Фетишизмом своей колокольни так часто страдают провинциальные деятели. Налет провинциальщины при автономии области должен постепенно сгладиться и исчезнуть, если все эти местные особенности культуры и быта, которыми так дорожит провинция, освещенные более широким горизонтом, будут скрашены теми общими принципами, которые характеризуют всякую работу, как бы мелка она ни была. Местное краеведение в широком масштабе приведет в конце концов к этой широте горизонта, выяснив место, какое занимает местный край и все факты и явления в общем строе его жизни, как частицы широкой общегосударственной и даже

мировой культуры. Областничество, кажущееся иногда провинциальным крохоборством около своего угла и своей печки, введенное в культурные рамки жизни, потеряет свое узкое значение, сохраняя в то-же время драгоценные краски своего быта. Недаром иногда крупные центры так обезличиваются, теряют свое оригинальное лицо, так иногда скучно похожи друг на друга.

Нужно вообще избегать в культурно-просветительной работе двух крайностей: излишней веры в то, что все хорошее и лучшее исходит из центра, что нет пророка в своем отечестве, что жизнь области мелка и незаметна. Излишним самоуничтожением мы часто страдаем, вместе с тем впадаем в другой грех: в самовозвеличение, когда центробежные силы становятся сильнее центростремительных; мы замыкаемся в себя, забывая, что только в широком кругозоре жизни находят себе цену все мелочи жизни, возводятся в „перл создания“. Найти эту среднюю примиряющую и выправляющую линию поведения, значит,—найти верный ключ к раскрытию самоценности областного строительства, путь к истинной культурной автономии, личной и общественной независимости мысли и живого дела.

Областной и культурный работник кооперации скорее чем кто-либо другой найдет этот средний путь. Кооперация в своих хозяйственных операциях постоянно входит в сферу не только, внеобластного и всероссийского обмена, но и в широкий круговорот промышленности, широкого потребления и сбыта. Истинный кооператор, поэтому, не завязнет в тине провинциальной обывательской рутины; она слишком измельчит его работу. Он не будет страдать сомнением, потому что действительность скоро втянет его в более широкие перспективы работы. Изучая и отмечая особенности местной жизни, налагающие особый отпечаток на просветительные мероприятия и учреждения кооперации, всякий деятель ее должен будет найти их принципиальные основы, все то, что дает им точку опоры и как нечто непосредственно вытекающее от жизни. Все случайное при этом само собой отпадет, отрывается все болезненное и вредное.

При изучении края ярко выступают многие пережитки старого быта и культа, драгоценные с научной точки зрения, как материал для исследования и истории прошлого края, но пережитки неприемлемые для нового строя жизни. Перед культурными работниками встанет вопрос о том, чтобы эти пережитки в текущей жизни области перешли действительно в историю. Предстоит вдумчивая, осторожная работа постепенного рассасывания старых наростов и прививки нового.

Когда говорят об украшении быта и обстановки населения, то имеют в виду не одно внесение новизны в старое, а постепенное вытеснение последнего, если оно негодно. Нужно, наоборот, из старого извлечь ценные уроки жизни, если оно забыто под напором случайной современности и моды, то восстановить его.

Далее, все, порожденное узким национальным шовинизмом, окрашивается в космополитический цвет, не теряя своего родного национального фона. Здесь культурник-кооператор натолкнется на более глубокие и болезненные настроения, иногда связанные с вековой неправдой. Горячая привязанность к своей народности, к ее самостоятельности, к прочному закреплению последней — побудит культурные силы области поднять чистое национальное лицо ее на высоту общечеловеческих идеалов, отмечая весь налет случайной переоценки себя или еще неисжитой обиды, в которой были повинны прежние властные насильники, но неповинны их потомки. Только при этом можно рассчитывать на повышение национального достоинства самоопределяющей области. Только при этом условии исчезнет или, по крайней мере, ослабнет то недоверчивое, иногда враждебное отношение к центру, которое так часто приходится наблюдать в жизни окраин, которое так портит вновь нарождающиеся отношения.

Вся эта окраска культурной работы областника-кооператора не должна быть навеяна извне, натаскана и наклеена, как красивая этикетка, а итти естественно в процессе обычной деловой работы его, определяться существом его деятельности и вытекать из нее как вывод, как ее последствие. Среди интеллигенции, оторванной от массы, нередки случаи такого преднамеренного доктринерства; оно делает работу ее не глубокой, внешне только захватывающей одни верхи жизни, не входя в нее вплотную.

В настоящее время приходится наблюдать „великое переселение“ интеллигенции в провинцию, носящее стихийный, массовый характер. Это явление временное и случайное. Оно изменится с восстановлением нормальной жизни в стране, по какому бы руслу она не потекла. В обычной своей обстановке провинция всетаки жила центром, тянула людей от него, жила указкой из центра. При возникновении своей областной жизни и областных интересов возникнет потребность создать свою интеллигенцию, свой кадр ответственных руководителей просветительного дела, сделать областной центр своим просветительным центром.

Перед деятелями области откроется перспектива работы двоякого характера: 1) подготовка новых интеллигентных сил и 2) создание учреждений, которые содействуя этой подготовке, давали бы в то-же время место приложения новых сил, приобретения практического стажа. Что нужно прежде—учреждения ли, при которых могли бы группироваться интеллигентные силы области, или наоборот, предварительная подготовка их для того, чтобы через них дать жизнь учреждениям,—сказать трудно. Вернее—и то и другое пойдет параллельно, дополняя друг друга.

Наличные культурные кооперативные силы области должны избрать путь дружной коллективной работы, в которой, однако, не должна тонуть личная инициатива. Это важно с принципиальной стороны, но еще более необходимо по практическим соображениям. Мы бедны силами и рассыпать их в коллективе, значит,—ослаблять их ударную силу и энергию. Пусть останутся эти люди личного почина со своей инициативной энергией, пусть им в коллективе будет отведено почетное место. Только в процессе самой работы коллектива эта инициатива покроется оболочкой общественности. На этом основании первые организационные работы кооперативного центра выльются в ряд с'ездов, совещаний и комиссий подготовительного характера, где и определится инициативная деятельная группа. Не надо опасаться, что комиссии и совещания утонут в этих предварительных разговорах, потому что в результате их все-таки будут практические задания, для которых необходимы практические работники. Совещательные и комиссионные просветительные органы постепенно выделяют их из себя. В этом взаимообмене будет формироваться основное деловое организационное ядро кооперативного центра. При таком характере работы постепенно будут подготавливаться свои люди, для которых помощь Всероссийского центра тоже будет нужна, но как деловое необходимое дополнение их работы, заполнение пробелов. Они неизбежны, особенно в первое время в провинции, небогатой различными вспомогательными учреждениями. Ими она должна постепенно обрести.

На первый план в областной культурной работе выдвигаются все те-же учреждения, которые имея служебное, вспомогательное значение и специальную задачу подготовки кооперативных работников, в то-же время удовлетворяют основной цели—кооперативному просвещению всей кооперативной среды.

Таковы прежде всего *кооперативные школы и институты*. Они должны быть представлены в каждой области.

В значительной своей форме они возникают из местных долгосрочных курсов. При областной организации учреждение их должно пойти более быстрым темпом. Как теперь они формируются? Чаще всего они опять таки ждут толкачей сверху из центра. Если инициатива идет и снизу, то она всегда сопровождается просьбами к нам — центровикам — дать им руководителя школы, а иногда и педагогов, инструктировать их. Так, регулярное и планомерное развитие школьного дела итти не может, не может просто потому, что кооперативные школы должны очень интенсивно расти и расширяться в области. Без них она обойтись не может. Нужно создать условия естественного роста этих учреждений изнутри, из себя. Для меня такой путь является единственным в смысле самоорганизации провинции, раз она хочет самостоятельно встать на ноги и ходить без подпорок и помочей из центра. Для достижения этой цели необходимо опереться на существующие в области кооперативные курсы, которые организуются почти во всех областных центрах, и сделать их первой ячейкой для будущей школы. Если курсов нет, то начать все-таки с них, с местными лекторами и руководителями. Постепенно, только постепенно ширясь и усложняясь, курсы и школы выработают у себя достаточный кадр работников. Мысль о создании их таким способом кажется утопичной, осуществление ее длительным. Это опасение едва-ли верно. Не только за-границей, но и у нас в России так возникали не только средние, но и высшие рассадники просвещения. Молодые силы, получающие возможность работать в широком масштабе, окрыленные доверием к ним, возможностью сделать „ученую или просветительную карьеру“ в благородном смысле этого слова, умеют скоро ориентироваться в новом положении и сделаться активными, способными сотрудниками новых научных и учебных учреждений.

Так, мне кажется, областной кооперативный центр обзаведется тоже через школу Кооперативным Институтом, как научно-кооперативным центром области. Надо помнить, что культурное самоопределение области, осуществляемое не на бумаге, а на деле, требует создания таких центров. Если она не может к ним подойти, то, очевидно, нет в ней достаточно почвы для культурной автономии — она без директив, без помощи центра, жить не может.

Кооперация всегда умела брать нужные ей силы вне ее, не только пользуясь текущим безвремением, но и раньше. Педагоги, агрономы, врачи, земские деятели, внешкольники теперь заполняют кооперацию. Так она сделает и в

своей новой работе, Кооперативный Институт использует лучшие научные силы области. Местные агрономы, экономисты, педагоги-историки, наиболее ценные деятели—администраторы, не утратившие интерес к науке—желанные сотрудники Института. Разве мы не наблюдаем как эти люди постепенно, не теряя своей специальности, кооперативно воспитываются в период кооперативной деятельности. Рядом с кооперативным институтом будут зарождаться и крепнуть в области и другие рассадники высшего научного образования: университеты, политехникумы. Переплетаясь друг с другом, делаясь сотрудниками, они постепенно создадут ту атмосферу научного интереса, без которого возрождающаяся провинция не сможет прожить ни одного дня. Кто как ни она сама должна осознать свои духовные и материальные ценности? А где кристаллизуется это сознание? Там где есть высшие научные центры, есть живой материал для них. А мертвый инвентарь даёт им сама жизнь, которая в этих научных центрах исследуется и обслуживается.

Около научного института и даже около кооперативной школы, в связи с ней, в связи с тем, чему я придаю громадное, чуть-ли не первенствующее значение: с изучением местного края,—учреждаются *местный музей и библиотека*, не как узко просветительные учреждения, пропагандирующие и просвещающие массы. Такой тип музеев и библиотек уже существует в провинции. Музей-библиотека, как научное учреждение, содействующее изучению и познанию местного края. Музей, как показательное учреждение того, что может дать край и что он должен дать. Собрание местного материала и его систематизация будут служить этой цели: соберет себе этот музей и предметы из центра, давая картину того, каким может быть музей, какую должна быть сама область. Он покажет, что она еще не использовала своих сокровищ: в природе, в ее недрах, в богатых духовных задатках населения. Благодарная, высокая и почетная задача! Область и в частности кооперация, охватывающая ее со всех сторон, не может отказаться от нее, потому что в участии, в ее достижении она кровно заинтересована. Это выгодно для нее. Хозяйственно-экономическая будущность ее всем, кто верит в кооперацию, рисуется как мощная активная сила, создающая материальные ценности, а не только коммерчески использующая то, что есть, что дается ей извне, что уже существует и подготовлено при участии других хозяйственно-экономических факторов области.

Первый период жизни Кооперативного Института, музея и библиотеки протечет в тесном общении со Всероссий-

ским центром и его научными учреждениями, отчасти питаясь от него, но кое-что давая и ему. Это общение останется и потом, но оно утратит тот привкус филантропии и патронажа, какой нередко чувствуется теперь в сношениях центров с провинцией. Из автономной области войдут в общение равный с равным, а может быть, даже молодой научный областной центр даст нечто свое, ценное для общего центра: он будет оперировать и обладать свежим местным материалом. Центры иногда способны замирать, вариться в своем собственном соку, отдавать рутинной.

Живой нервной системой культурного организма области станет *областная периодическая пресса и печать*. Кооперативные местные журналы и издательства займут видное место в культурной работе кооперации. В смысле внутреннего содержания это не будут перепевы столичной прессы и литературы. Это не будут и мелкие местные вопросы и литературные знаменитости своей колокольни. Вся пресса, вся литература области будет дышать глубокой и полной грудью своим вздохом и звучать отголосками своей жизни, ею пропитана. Приэтом, в художественном отношении она будет стоять на надлежащей высоте, не уступая столичной, и даже превосходя ее оригинальностью и свежестью материала. Чем теперь скрашивают иногда страницы своих журналов кооперативные союзы, печатая свой местный материал? Громким именем всероссийского литератора и известности, трактованием общего всероссийского вопроса. Местное, свое точно принижается, отходит на второй план, считается как бы вторым сортом. Настоящая авторитетная печать—а такой ведь она должна быть—привлечет к сотрудничеству известного всероссийского автора из центра, сосредоточит внимание на широкой общей теме, но только тогда, когда ей это нужно в интересах своей же областной жизни, при постановке и разрешении областных-же вопросов.

Почетные гости от науки и литературы, а не хозяева и генералы положения за отсутствием своих авторитетных сотрудников. Книга и периодическая печать области, как самодовлеющая величина, сама в себе ценная,—вот идеал провинциального кооперативного издательства, если только оно хочет быть серьезным органом в местной жизни. При такой постановке оно делается очень ценным поставщиком центра, а не потребителем новых столичных материалов. Центр будет брать от него жизненные соки не в форме сырья, а в обработанных фабрикатах и продуктах.

В настоящее время провинциальное издательство или робко ищет и печатает в небольшом количестве и объеме

местные материалы или добывается права на издание произведений всероссийского значения. При самостоятельности своих задач оно будет иметь основное ядро своей работы в местных изданиях, в местных авторах. С нею центр будет считаться, потому что без нее он сам будет лишен живой почвы. Произведения и авторы общероссийского значения будут издаваться и в провинции, но казалось бы, по общему плану, вырабатываемому в связи с центром. Эту форму совместного издательства подсказывает не идея подчинения провинции центру, а идея целесообразности и взаимной выгоды, простого коммерческого расчета. Почему бы провинции не оказаться соиздательницей в миллионах экземпляров классиков литературы, ценных трудов.

Схема организации издательства в провинции строится на вполне автономных началах только при известном деловом контакте с центром. В свою очередь, местные издательские районы в области, местная районная периодическая пресса выработают взаимные отношения со своим областным центром на началах солидарности и сохранения своей самостоятельности. Общность интересов между областью и районами будет, конечно, гораздо сильнее, чем между всероссийским центром и провинцией. Меньше, поэтому, будет тех трений и взаимных недоразумений, предвзятого недоверия, которыми мы так страдаем теперь в деле кооперативного издательства. Провинция борется за свою самостоятельность с проявлением излишнего централизма. Внутри области меньше места для такого местничества. Интересы своего района будут больше поглощать местную энергию и находить ей приложение. Районная деятельность по издательству, неизбежно скромная по объему, не станет конкурировать с областным центром, не возникнет мысль о взаимном соперничестве.

В частности, периодическая печать области явится самостоятельным источником информации всероссийских центров печати, а не будет играть при них только вспомогательную роль, как это было до сих пор. Но достигнуть она этого сможет только при одном условии: если культурная мощь области доросла до этого, если ее самостоятельность в деле просвещения и культуры фактически ею завоевана. Но ведь к этому и идет областная жизнь в процессе ее культурного самоопределения. Кооперативная печать от него не отстанет, если не хочет замереть и захиреть.

Областная жизнь также резко подчеркнет на местах национальный вопрос. В кооперации он всегда сглаживается, благодаря общности хозяйственных интересов ее членов, к какой бы национальности они ни принадлежали. Надо ждать,

что это проявление кооперативной солидарности и терпимости отразится и на просветительной ее деятельности; не будет среди нее „ни элина, ни иудея“. Просветительная работа потребует от нее величайшей осторожности в постановке национального вопроса, бережливого отношения к интересам каждой отдельной народности, как бы она мела ни была. В рамках областной жизни кооперация чаще столкнется с ними, но здесь же они скорее найдут почву для совместного сговора и согласованности действий. Когда этот вопрос ставится во всероссийском масштабе, он проходит болезненно; на местах национальности скорее, так сказать, притираются друг к другу, а кооперация только усилит эту спайку.

Мне могут указать на обратное: нигде так, как в точках непосредственного соприкосновения, в низах, в сереньких буднях, в сутолоке обыденной жизни, не проявляется национальный антогонизм. Но эти трения, эти недоразумения в области, уже владеющей правом самоопределения, постепенно должны, если не сгладиться окончательно, то регулироваться известными законодательными нормами, т. е. отойти в сферу общих вопросов области, а не специально просветительных, аграрных, промышленных и т. п.

При разнообразии национальностей, входящих в состав области, внутри кооперативных союзов, в их инструкторских и просветительных отделах, выделяются отдельные секции, отдельные специалисты, обслуживающие отдельные национальные группы, но эти лица и отделы, как это наблюдалось ранее в органах земского самоуправления со смешанным составом населения (Уфимская, Вятская, Оренбургская, Астраханская и друг. губ.), не обособятся от других отделов, но будут сливаться с ними в одно коллегиальное общественное дело. Областная жизнь благоприятствует этому объединению работы, благодаря некоторой узости горизонта, местному характеру работы, требующей поневоле дружной спешности и единства. В больших центрах больше простора для взаимного размежевания и обособленности.

Таковы в общих чертах основные контуры областной организации и основные виды культурно-просветительной деятельности кооперации. Каждая отдельная ее деталь и частное развитие требуют специальной проработки не столько в центре, сколько на местах, людьми, близко знающими областную жизнь, при этом в конкретных ее проявлениях. Сибиряк, Воложанин, Уралец—каждый вложит свою лепту в организационные планы области. Но для полного предварительного выяснения их необходим временный центр, объединяющий

пока аморфную во многих местах и несорганизованную вполне работу областных кооперативных объединений. Из них почти каждая живет сама по себе, своею жизнью, не объединяясь даже со своими соседями. Когда приезжаешь в такой центр, как-то не чувствуешь специальной атмосферы своеобразно складывающейся жизни. Все хочет равняться по центру, да и люди здесь все центровики, случайные гости провинции.

Такой временный центр желателен в сердце России—в Москве—в форме или специального бюро областных объединений, или секции при Совете Всероссийских Кооперативных Съездов, или особого общества, ставящего задачи изучения областничества в его кооперативной постановке или, наконец, какого-либо самостоятельного учреждения при Всероссийском Кооперативном Съезде. Подобное учреждение должно взять на себя в области кооперативного просвещения и культурно-просветительной деятельности кооперации выполнение следующих задач:

1) Пропаганду идей областного объединения и самоопределения кооперативной России. Эта работа пройдет по той-же линии, по какой идет уже теперь разделение России на самостоятельные областные единицы, идет уродливо, в очень неопределенных очертаниях, но в основе этого движения есть здоровое зерно.

2) Собираание материалов о том, что сделано в этом направлении в кооперации, втягивая попутно и материалы по общему областному строительству. Оно имеет богатое литературное прошлое.

3. Подготовку материалов к фактическому осуществлению областной автономии кооперации в связи с общей культурной автономией каждого края. Тут важны не столько конкретные планы. Сочинять их в центре, может быть, и преждевременно. Нужна группировка местных сил около этого вопроса.

4. Содействие возникновению местных бюро по осуществлению этой идеи. Достаточно будет иногда дать эту идею уже в существующие кооперативные союзы. Она живо заинтересует их, заставит реально реагировать на нее.

5. Посредничество и представительство в центральных государственных органах по проведению законодательных норм, ограждающих и определяющих самостоятельность и право самостоятельной инициативы культурно-просветительной работы на местах. Таких специальных государственных учреждений, ведающих вопросы областничества, у нас нет, кроме представительства национальностей и „федеративных республик“.

6. Непосредственная культурно-просветительная работа подобного рода учреждения может идти в плоскости обслуживания местных областных кооперативных объединений. Она должна быть вся пронизана идеей областнической созидательной культурной деятельности.

7. Когда вопросы культурного самоопределения областей станут реальным фактом, такое бюро или то или другое, подобное ему учреждение, сохранит за собою информационное и справочное значение; оно будет целиком использовано всеми областными центрами, которые всегда будут заинтересованы сохранить связь со своим центром по вопросам местной и общей культуры. Бюро сумеет сосредоточить у себя материалы, дающие сравнительную оценку движения областнического вопроса во многих районах, чего будут лишены отдельные кооперативные центры.

Культурное самоопределение, правильно понимаемое и целесообразно осуществляемое, влечет за собой более глубокое сцепление государственного организма, более тесное сожительство между собою отдельных его частей, чем искусственно проведенное „собрание Руси“, как собираются механически части часового механизма, который легко останавливается от ничтожного толчка, от слабой перестановки частей. Кооперативная жизнь дает примеры, подтверждающие эту истину. Какие кооперативные союзы являются наиболее последовательными и горячими сторонниками развития своих идейных центров в Москве и, в частности, Совета Всероссийских Кооперативных Съездов? Те, в которых сильнее бьет ключом жизнь, местная инициатива. Деятельное самостоятельное творчество в культурно-просветительной области и других неторговых и торговых операциях заставляет их видеть в этом центре орган, лишь завершающий их самостоятельную творческую работу, а не бюрократизирующий ее, чего могут бояться мало инициативные союзы.

В живом организме объединяющейся кооперативной и некооперативной России происходит сознательное срастание частей, путем их самоопределения, их органическое взаимодействие.

Это сознание неизбежно должно пройти через культурно-просветительное русло. Когда говорят о политическом самоопределении тех или иных областей России, не могут миновать вопросов культуры и просвещения. Если „все дороги ведут в Рим“, то ни одна из них не минует этой тропинки. Рядом, вместе с ней идет и широкий путь кооперативного строительства во всем его объеме.

Н. Иорданский.

Кооперативное право и Областные Союзы.

В такое время, когда сама кооперация висит на волоске, пожалуй, не подобало бы вовсе говорить о кооперативном праве. Но мы глубоко верим в здоровый организм политического тела России, мы знаем, что состояние болезни исчезнет, как исчезает тиф и другие поваральные болезни. И это сознание необходимости не только сохранить старые правовые формы в кооперации, но и уловить новые, способствующие прогрессу кооперации, обязывает нас, не покладая рук, работать на поприще развития кооперативного права.

Есть еще одно обстоятельство, которое заставляет нас обратить особое внимание на развитие кооперативного права. До революции, когда гнет самодержавия давил и кооперацию, заставляя ее принимать нелепые, уродливые формы строительства, у деятелей кооперации складывалось и внедрялось отрицательное отношение как к закону, так и вообще к праву, в котором видели бездушную формалистику и схоластику, совершенно отрешенную от жизни. Интеллигенция, заполнявшая ряды кооперативных работников, полагала, что кооперация должна быть независимой от какой-либо формы, каких-либо правовых пут, и те из них, которые пытались указать на необходимость правовых форм деятельности кооперации,—встречали нередко пренебрежительное отношение со стороны большинства кооператоров. Но с развитием русской революции, когда накипь и шелуха самодержавного режима была сброшена с правовых форм деятельности кооперации, когда одним из ближайших актов временного правительства было проведение закона о кооперативных товариществах и союзах, хотя и очень далекого от совершенства, но все-таки удовлетворяющего текущим запросам, когда октябрьский переворот ворвался в сферу хозяйственно-правовых отношений кооперации—тогда в среде кооператоров начинает все сильнее и сильнее расти тоска по праву, по тем законным рамкам, в пределах которых могла бы спокойно и свободно развиваться деятельность кооперации. С другой стороны те формы, которые декретировались правительством для кооперации, конечно, не могли удовлетворить всех текущих запросов, и кооперация начинает жить без правовых норм, вырабатывая свое право, свои способы разгра-

ничения сталкивающихся интересов, свои нормы для регулирования кооперативной деятельности.

Росту кооперативного правосознания способствует также выработка форм организационной деятельности кооперации. На ряду с мелко-районными союзами, почти вся Россия покрылась или готовится покрыться сетью областных союзов. Возникает целый ряд новых вопросов, совершенно не предусмотренных ни уставом, ни законом. Например, почти все уставы союзов содержат в себе 63 статьи закона о кооперативных товариществах, их союзах, согласно которой „по постановлению Собрания Уполномоченных, могут быть исключены из состава союза товарищества, не исполняющие своего устава или договора, а также устава или договора союза, нарушившие свое обязательство по отношению к союзу, или действующие в явный ему ущерб“. Статья как будто на первый взгляд и совершенно определенная и ясная, но не так это оказалось в жизни: союз и член этого союза легко могут оказаться конкурентами или соперниками в том или ином отношении и вряд-ли нужно говорить, что никакая сторона не может быть судьей в собственном деле, а потому весьма легко может оказаться, что забвение этой юридической аксиомы поведет на практике к целому ряду нежелательных и совершенно излишних осложнений...

Не будем приводить еще примеров, полагаем, что каждому кооперативному работнику с такими вопросами придется сталкиваться на каждом шагу, и не только сталкиваться, но и давать им то или иное разрешение. Вот совокупность то этих решений и имеет чрезвычайно важное значение, так как эти решения и являются одним из источников права: обычным правом.

Есть две главных силы, творящих право: закон и обычай. В настоящее время, в силу сложной сети причин, второй источник: обычное право, приобретает чрезвычайный интерес, и задача всех юристов, работающих в кооперации, собрать во едино все эти крупинцы права, снабдить их юридическим анализом и тем внести ценный вклад не только в кооперативное право, но и в науку права, пытающуюся определить место кооперативного права в общей системе права.

Областные союзы в этом отношении должны сыграть весьма важную роль. С одной стороны, они близки к гуще жизни, они легко разбираются в фактах действительности, так сказать по первоисточникам, они сами непосредственно участвуют в этой жизни,—отсюда их значение, как коллекторов-собрателей правовых норм и обычаев не подлежит

сомнению. С другой стороны, выполняя свою общественную роль по воспитанию населения, развития в нем общественного самосознания и самодеятельности, Областные Союзы дадут и дают своим членам в руководство их деятельности не теоретические формулы, а разумные, вытекающие из существа кооперативных идеалов, правила, способствующие прогрессу, как самого общества, так и кооперации.

Отсюда вывод. Ближайшей задачей областных союзов в области права является установление общих норм, которыми руководствуются союзы, и сведение как этих норм, так и способов разрешения сталкивающихся интересов (как между союзами, так и между союзом и входящими в состав его членами)—в стройную правовую систему. Затем, учитывая, что кооперация ставит себе все новые и новые задачи, применяя для этого новые способы и средства их достижения, чрезвычайно важно придать этим функциям должную систематизацию и вынести их на обсуждение широких кооперативных кругов. Вот те задачи сегодняшнего дня, которые лежат перед Областными Союдами.

Г. Н. Марков.

О жизненных и логических схемах союзного строительства ¹⁾).

(К вопросу об идеологии областничества).

1. Стихийность процесса союзного строительства.

Союзное строительство кооперации есть такой же стихийный процесс, как и возникновение кооперативов первой степени.

Кооперация есть средство борьбы за существование мелких хозяйств. Объединяя свои цели и средства в определенной области, члены кооператива получают возможность использовать в конкурентной борьбе разные преимущества крупной организации производства, торговли, кредита или заготовки товаров. Сила кооперации заключается в укрупнении хозяйственных операций ее членов.

Объединение кооперативов в разного рода союзы есть только следующий шаг на том же пути. Это только способ еще больше расширить деятельность разрозненных кооперативов, укрепить и усовершенствовать ведение того дела, ради которого образуются кооперативные союзы. Понятно, что движущие силы кооперации, как в момент ее зарождения, так и ко времени завершения ее в союзном строительстве, остаются одними и теми же. Кооперативное движение сверху до низу есть стихийный процесс борьбы за экономическую самостоятельность более слабых элементов хозяйственного организма страны.

Как всякий стихийный процесс союзное строительство дает в результате сложную систему взаимоотношений организующихся элементов. Каждый союз первой степени, смешанного типа, может каждой из сторон своей деятельности входить в особую организацию. Кредитное товарищество, занимающееся кроме того закупкой машин и сбытом зерна, может быть одновременно членом трех разных объединений второй степени. В свою очередь каждый из союзов второй степени для усиления разных сторон своей деятельности может сделаться членом различных, уже окончательно специализировавшихся центров. Получается сложный переплет

¹⁾ Теоретических воззрений автора редакция не разделяет.

экономических и организационных отношений, благодаря которому какой-нибудь скромный кооператив первой степени оказывается заинтересованным в судьбе нескольких мощных центральных организаций. Но эти мощные союзы, получив свое существование от сотен и тысяч незаметных кооперативов первой степени, теперь начинают свою самостоятельную жизнь. Специализация функций развертывает перед ними новые задачи и порождает новые интересы, часто вовсе между собой несогласованные. Возрождение конкурентной борьбы, спор из за рынков и права кооперативного первородства—все это удел об'единений высшего порядка. Таким образом, первичные кооперативы, живущие в мире и согласии, поручив часть своих функций союзным организациям, оказываются затем во вражде с самими собою, будучи одновременно заинтересованы в успехах нескольких союзов, не могущих поделить между собой поле кооперативной деятельности.

Для кооператора-идеалиста, верящего в предустановленную гармонию кооперативных интересов, примирение наблюдающихся разногласий само по себе уже составляет задачу первостепенной важности. К этому присоединяется естественная гордыня человеческого разума. Наблюдая стихийное строительство, где как во всякой борьбе есть победители и побежденные, человек думает, что если бы тот же процесс был подчинен велениям разума, в нем не было бы ненужных жертв. Усилиями вождей кооперации процесс союзного зодчества может быть рационализирован до конца. Может быть придумана и проведена в жизнь такая схема взаимоотношений, при которой в кооперативной среде не будет внутренних трений, при которой весь аппарат будет работать с наименьшей затратой энергии и при которой восторжествует наконец единый кооперативный идеал. Так возникает проблема союзного строительства. Ее мы можем определить, как *задачу отыскания в среде кооперативных организаций наилучшей схемы взаимоотношений и разделения функций с целью получения максимума пользы для всею кооперативною целою.*

Вопросы союзного строительства приобретают особое значение у нас в России. До войны 1914—19 г. существовало прямое запрещение кооперативам вступать в союзные об'единения. На всю Россию насчитывалось всего 3 крупных кооперативных центра: Союз потр. обществ, Народный Банк и Сибирский союз маслодельных артелей. Заслуги кооперации в деле снабжения армии побудили правительство отказаться от прямого запрещения союзов. К концу 1916-го года

насчитывалось уже около 320 союзных объединений. Революция уничтожила все препятствия для кооперативного движения и долго сдерживаемый поток организационной энергии вылился в необычайно бурный процесс союзного строительства. На 1 октября 1917 года насчитывалось уже 612 объединений, а на 1 янв. 1919 г. не менее 888, в том числе 114 кредитных, 287 потребительных, 7 сельско-хоз., 15 промысловых, 190 смешанных и 275 невыясненных. Из 690 союзов, для которых можно было установить время возникновения 11,3% возникло в 1915 г., 30,9% в 1916 г., 37% в 1917 г. и 13,3% в 1918 г.¹⁾ Энергично развивались таким образом союзы и при советской власти, несмотря на возврат прежнего недружелюбного отношения к кооперативному движению.

Что же получилось в результате этого беспримерного по бурности развития процесса союзного строительства?

Мы привыкли считать кооперацию единственным неразрушенным углом народного хозяйства. Усталому глазу хочется отдохнуть на созерцании здорового, стихийного развития. И вдруг, вопреки ожиданиям, и здесь обнаруживаются свои болезни, свои горести, и—что хуже всего—не в сношениях с внешним миром, а в своей же собственной кооперативной среде, в важнейших организационных вопросах. Вместо симметричных, ласкающих взор очертаний получается уродливое в архитектурном отношении здание. Кооперативные союзы разных степеней никак не могут поделить своих функций, на закупочные операции набрасываются и кредитные союзы, и областные, и центры, возникает конкуренция между отдельными союзными организациями, появляются коммерческие тайны, болезненно разбухает исполнительный аппарат, заходит речь о бесполезности и упразднении целых звеньев кооперативной системы.

2. Поиски логических схем.

От всякой неурядицы русский человек ищет спасения в отвлеченных схемах и логических построениях. За последний год народилась целая литература о союзном строительстве, началась полемика, совещания, мнения разделились между разными схемами, споры обострились, и до последнего времени не выработалось еще ни одного общепринятого взгляда даже по самым основным вопросам кооперативной архитектоники.

¹⁾ „Союзы Кооперативов России“. Изд. Сов. Всер. Кооп. С'ездов. М. 1919, стр. VII и XLI—XLII.

Среди спорящих можно в общем различить две группы. Одни вносят примиряющую ноту и заявляют, что нет еще достаточно об'ективных данных для принятия той, или иной схемы. Пока достаточно было бы сговориться относительно общего принципа который должен быть положен в основу кооперативной системы. Путем специальных исследований можно было бы тогда наметить все детали схемы, и неуложившимся в нее звеньям и отраслям деятельности кооперации пришлось бы примириться со всеми вытекающими отсюда последствиями. Можно, например, без спора согласиться, что вся система кооперации должна быть построена по экономическому принципу, т. е. достигать наибольших результатов с наименьшими затратами. Мы не знаем сейчас, что с этой точки зрения выгоднее: смешение кредитных, закупочных, сбытовых и распределительных функций, или строгое разделение; не знаем как работа идет экономнее: при наличии областных союзов, или без них; не знаем, одинакова ли должна быть система союзного строительства при любых условиях рынка и для всякого товара, или нет и т. д. На все эти вопросы можно получить ответ только путем тщательных статистико-экономических исследований и тогда мы сумеем отделить добро от зла в современном хаотическом строительстве. Пока же нужны только исследования.

Другое течение кооперативной мысли думает, что мы уже располагаем достаточным материалом для немедленного построения идеальной схемы. Разделение труда внутри кооперации и максимальное сбережение организованных сил и средств кажутся настолько бесспорными принципами, что все противоречащее им может быть отмечено с первого же взгляда и без всяких оговорок. Ясно, что схемы, построенные на таких предпосылках, больше задевают живые интересы. Они вызывают резкие протесты со стороны всего того, что не укладывается в их рамки. Споры обостряются, аргументы начинают подсказываться уже инстинктом самосохранения, и в результате вопросы о числе ступеней и т. п. начинают звучать уже вроде „какo веруеши“.

Наши личные симпатии лежат на стороне первого течения уже по одному тому, что оно отличается большим спокойствием и об'ективностью. Для окончательных решений время действительно еще не пришло. Правда, возраст русского кооперативного движения измеряется уже десятилетиями, но стихийный рост его относится только к последним годам. Только недавно вопрос о схемах строительства в общерусском или даже крупно-областном масштабе стал во-

просом реальной жизни. Но как раз последние годы отличаются таким ненормальным течением и такими уродливыми условиями, что ни о какой нормальной линии развития союзного строительства не может быть и речи. Расцвет кооперации совпал с развалом народного хозяйства. Рано еще поэтому говорить о каких бы то ни было затвердевших схемах, куда должны уложиться не только прошлое и настоящее, но и грядущие судьбы кооперации.

Приветствуя осторожный подход к вопросам союзного строительства через статистико-экономические исследования, мы в то же время решительно расходимся с защитниками первого взгляда как раз в том пункте, где они сходятся с представителями второго.

Все без исключения поиски идеальной схемы строительства проникнуты верой в возможность открытия такой схемы. Как бы ни были запутаны современные внутрикооперативные отношения, взгляду верующего кооператора чудятся за ними стройные, архитектурно-безупречные очертания кооперативного целого. Творческая мысль неуклонно стремится к этому манящему, воздушному замку. В угоду ему рано или поздно, до или после экономических исследований, будут срезаны все выдающиеся углы кооперации, будет уничтожено все уродливое, конкурирующее, негармоничное. Безусловная вера в рационализацию кооперативного движения,— вот основная предпосылка всех рассуждений о схемах кооперативного строительства.

3. Городская и сельская кооперация.

Но так ли бесспорна эта предпосылка? Верно ли, что в отличие от частно-хозяйственных атомов народного хозяйства его кооперативные элементы могут быть рационализированы до конца и сложены в одну стройную централизованную систему? Верно ли, что по заданиям руководящих кооперативных органов может быть построена вся система кооперации во всем ее практическом разнообразии?

Необходимым условием стройности и прочности кооперативной организации является однородность интересов объединяемых ею групп населения. Имеется ли в действительности такая однородность и можем ли мы сказать, что вся кооперация в целом проникнута одними и теми же интересами, живет одними и теми же надеждами, болеет одними и теми же горестями?

Отрицательный ответ ясен сам собою. Правда, в одном отношении социальная среда кооперации однотипична. Кооп-

перация есть прежде всего средство взаимопомощи *мелких* хозяйств и вот эта дробность хозяйственных единиц есть единственный признак, который может быть вынесен за скобку всех видов кооперации. Домашнее хозяйство городского рабочего и мелкого служащего, крестьянское хозяйство, хозяйство ремесленника—вот субъекты кооперативного движения. За его бортом остаются крупные хозяйственные единицы, имеющие собственные формы организации и самопомощи.

Однородность кооперативной среды имеет однако формальный характер. Более внимательный взгляд обнаруживает глубокие противоречия среди элементов, объединенных кооперацией. Это прежде всего *противоречие между производителем и потребителем*. Два социальных класса составляют фундамент кооперации—класс мелких городских потребителей по преимуществу рабочих и класс мелких земледельцев, крестьян. Нет надобности долго останавливаться на выяснении противоположности интересов этих двух слоев населения. Она слишком сильно ощущается в реальной жизни, для того чтобы нуждаться в теоретических пояснениях. Главное различие заключается в том, что рабочий ведет только домашнее потребительное хозяйство, а крестьянин еще и приобретательское. Рабочий только покупает, крестьянин еще и продает, для первого нужны дешевые цены по всей линии, для второго—только для продуктов покупных.

Отсюда вытекает принципиальное различие задач кооперации потребительской и сельскохозяйственной, точнее городской и деревенской. Целью городской кооперации является удешевление всех продуктов домашнего обихода и личных потребностей. Она не может ставить своей задачей непосредственное увеличение денежного дохода объединяемых ею слоев населения. Высота заработной платы рабочего или жалованья служащего от кооперации не зависит и определяется своими собственными экономическими законами. Задача городской кооперации только удешевить продукты, дать возможность городскому жителю на ту же сумму денежного дохода получить большую сумму реальных ценностей.

Иное дело сельская кооперация. Ее непосредственная задача заключается в увеличении денежного дохода своих членов. Поскольку кооперация не распространяется на производство, она может сделать это только путем увеличения цены, которую крестьянин выручает за свой продукт. Правда вытесняя посредников, кооперация часто может дать одно-

временно и более высокую цену крестьянину и более низкую городскому потребителю. Но это—временная гармония интересов. Стоит только представить себе кооперативное движение достаточно мощным, чтобы полностью заменить услуги частных посредников, и интересы производителя и потребителя станут лицом к лицу. Потребитель будет желать дальнейшего понижения цен, а производитель, не довольствуясь достигнутыми результатами, будет настаивать на повышении их.

Противоположность интересов городской и сельской кооперации не может быть затемнена никакими рассуждениями об общекооперативном идеале. Она проявляется на практике в том обособленном положении, которое занимает идеология потребительской кооперации.

Потребительская кооперация чаще всего пред'являет претензию на главенство в кооперативной семье. Планы переустройства на кооперативных началах всего человеческого общества исходным пунктом своих построений выбирают, обыкновенно, потребительные общества. Об'единение потребителей должно постепенно обрастать собственными домами, фабриками, земледельческими хозяйствами и банками. Все остальные виды кооперации—сельскохозяйственной, промышленной и кредитной, оказываются подчиненными кооперации потребительской. Интересы потребителя господствуют над всем кооперативным миром, интересы производителя занимают второстепенное подчиненное место. Не трудно узнать в подобных рассуждениях голос главного представителя потребительской кооперации, голос городского жителя и прежде всего голос городского рабочего. Это для него кооперация должна создать из ничего фабрики, дворцы, театры и прежде всего дешевые цены на земледельческие продукты. Это для него кооперация должна сделаться средством преобразования всего мира, уничтожения капитала и частной собственности. Это он кричит о едином идеале кооперации и выбирает символом ее братское пожатие руки горожанина и жителя деревни. Но символ обманчив и братство призрачно. Для городского рабочего кооперация есть только средство к достижению его собственного идеала. Для него кооперация является не более как „слугою социализма“. Все рассуждения о едином кооперативном идеале падают в тот момент, когда рабочему удастся захватить власть в свои руки. Лучшим свидетельством могут служить заявления наших русских коммунистов, всего более последовательных из всех социалистических партий и наиболее прямо ставящих вопрос. Отношение их к кооперации резко отрицательное. При дик-

татуре пролетариата. допускается только рабочая кооперация и то лишь в виде временной переходной формы организации рабочего класса. Общегражданская кооперация объявляется упраздненной, а все рассуждения о едином идеале клеймятся прозвищем „кооперативного кретинизма“ ¹⁾. Кооперативные формы хозяйства, „как вредные пережитки прошлого . . . должны быть сломаны и заменены новыми формами, соответствующими социалистическому содержанию общественного развития“ ²⁾.

В этих откровенных заявлениях городского пролетария много правды. При социализме кооперация действительно не нужна. Сколько бы ни продлился опыт социалистического строительства, руководители кооперативного движения должны делать из него определенный вывод. Пора бросить приевшиеся рассуждения о едином идеале. Пора признать, что кооперация объединяет разнородные элементы. Можно было говорить о едином движении, пока все оно было слабо и имело общего врага—посредника между производителем и потребителем. Теперь в Советской России посредничество уничтожено силой и город и деревня стали лицом к лицу. Эта встреча никогда не забудется. Отныне кооперативное движение разделится на два русла, одно объединяющее городских потребителей и другое деревенских производителей. Рабочая и деревенская кооперация разделились для того, чтобы никогда не соединиться вновь.

Отсюда следует, что не может быть и единой схемы союзного строительства для всей кооперации. Чистая потребительская кооперация должна организоваться отдельно. Не может быть ни создано, ни выдуманно иного плана, который устанавливал бы организованную связь между всеми видами кооперации. Между потребительской кооперацией и другими ее видами не может быть иных отношений, как покупателя и продавца. Потребительская кооперация должна быть исключена из схем союзного строительства.

Спешим оговориться. Мы все время имеем в виду только чисто потребительскую, городскую, по преимуществу рабочую кооперацию. Отсюда не следует, что деревня не должна иметь собственных потребительских лавок, или что она вступит когда-нибудь с ними во вражду. Но сущность деревенской потребительской кооперации совершенно иная, чем городской. Крестьянское хозяйство состоит из двух частей.

¹⁾ „Новые идеи в кооперации“ М. 1919.

²⁾ В. П. Милютин. Социализм и сельское хозяйство. М. 1919 стр. 45.

Приобретательная его половина ведет хозяйство, обрабатывает землю, разводит скот, продает продукты и старается выручить возможно большую цену. Другая половина занимается домашним хозяйством, где крестьянин выступает уже потребителем и собственных продуктов и покупок. Здесь, наоборот, нужны низкие цены и доступные товары. Обе половины неразрывно связаны между собой, и сельская потребительская лавка должна обслуживать их сразу. В „потребилровке“ земледелец должен найти и средство к удешевлению своего домашнего обихода и средство понизить расходы по ведению своего хозяйства. Соответственно этим заданиям должна быть приспособлена и организация сельской лавки. Понятно, что она будет совсем непохожа на лавку городскую. И, понятно, что объединение городской и сельской кооперации в единую систему союзов может быть уделом только младенческого состояния кооперации. Как ни импонирует развитие операций Центрального союза потребительных обществ, оно построено на соединении противоречивых элементов. Только временно и не надолго могут быть слиты в одну организацию такие противоположности, как интересы крестьянина и городского жителя. Руководители сельской лавки могут быть настроены в униссон со своими односельчанами; в союзе тех же кооперативов первой степени, включившем городскую элемент, проявляются уже иные чуждые мотивы. Последние звучат все громче по мере продвижения к верхам кооперативной лестницы. Идеология центра может уже резко расходиться с настроением низов, именно благодаря преобладанию интересов городского потребителя. Не случайно Центросоюз так легко превратился в единое М. П. О., а деревенская кооперация все еще борется за самостоятельность и не приемлет декрета 20 марта. Результатом экспериментов, которые производятся ныне над потребительской кооперацией, должно быть расчленение ее на городскую и сельскую. Сельская ветвь ее обзаведется, вероятно, собственным центром и тогда уже ясно будет, что кооперация должна иметь две, а не одну схемы союзного строительства.

Во всяком случае уже и теперь мы не можем ставить себе целью отыскать схему взаимоотношений, в которую бы уместились все существующие виды кооперации, включая и потребительскую. Схема союзного строительства последней, составляет самостоятельную проблему и внутренним поводом к выделению ее служит глубокое противоречие между интересами потребителя и производителя, между интересами городской и сельской, потребительской и приобретательской, пролетарской и буржуазной кооперации.

4. Проблема строительства сельской кооперации.

Итак, из четырех видов кооперации—потребительской, кредитной, промысловой и сельскохозяйственной—потребительская как таковая не может быть включена в общую схему союзного строительства. Остальные виды кооперации представляют собою гораздо более однородный материал, пригодный для возведения одной общей постройки. И сельскохозяйственная и промысловая кооперация имеют одинаковую социальную природу, обе они опираются на систему мелких, самостоятельных хозяйств приобретательского типа. В наших русских условиях связь между обоими видами кооперации тем теснее, что оба они обслуживают разные стороны одного и того же крестьянского хозяйства. Кустарные промыслы и сельское хозяйство, это отдельные части одного и того же организационного плана мелкого земледельческого хозяйства. Кооперативы, помогающие работе в области промыслов и в различных отраслях земледелия, имеют один и тот же объект воздействия. Согласование их работы и единая схема союзного строительства требуется как-будто интересами их общего хозяина—русского крестьянина.

Тесно примыкает к этим двум видам кооперации и их третий собрат—кооперация кредитная. В литературе можно отметить стремление выделить кредитную кооперацию на том основании, что законы кредита требуют самостоятельной организации его и строгого отделения от всех остальных хозяйственных операций. Однако и западная и наша практика опровергают это мнение. Кредитную кооперацию не удастся до сих пор ограничить работой с одним единственным товаром—деньгами. Она все время стремится расширить свои задачи, пополняя их скупкой и продажей ряда других товаров. Это и понятно. Кредитная кооперация удовлетворяет нужду в деньгах все того же мелкого производителя, она не может оставаться глухой и к другим запросам его хозяйства.

Все виды кооперации, таким образом, кроме потребительской, имеют одинаковую социальную природу. И сельскохозяйственная и промысловая и кредитная кооперация обслуживают нужды мелкого приобретательского хозяйства, в наших русских условиях по преимуществу хозяйств крестьянских. Единство объекта воздействия требует согласования действий отдельных видов кооперации и ставит вопрос об их взаимном размежевании. Проблема союзного строительства в России делается задачей строительства крестьянской кооперации. Материалом этой постройки ее первичными ато-

мами являются промысловые, кредитные и сельскохозяйственные кооперативы первой степени, а также потребительские общества поскольку они обслуживают нужды крестьянского хозяйства.

Но разрешима ли проблема союзного строительства даже в таком сокращенном объеме? Можно ли воздвигнуть стройное здание единой крестьянской или сельскохозяйственной кооперации? Достаточно ли предпосылки однородности социальной природы обслуживаемых хозяйств для того, чтобы говорить о возможности рационализации всего кооперативного движения?

Господствующее течение кооперативной мысли отвечает на этот вопрос утвердительно. Оно дает ряд схем союзного строительства, которые должны обнять все существующие организации во всем их разнообразии, претворив их в единый „кооперативный аппарат“, работающий без трений и перебоев и обслуживающий все нужды крестьянского хозяйства. Присмотримся сначала к основным чертам рекомендуемых схем, а затем поставим вопрос о самой возможности их построения.

5. Основные вопросы союзного строительства.

Согласно с имеющейся литературой, можно различать четыре стороны союзной проблемы ¹⁾. Полная схема взаимоотношений кооперативных организаций должна установить: 1) каково должно быть наиболее выгодное *число звеньев* кооперативного аппарата, иначе говоря—допустимо ли объединение первичных кооперативов в союзы 3, 4 и даже 5 степеней; 2) как и по какому принципу следует разграничить *районы* деятельности союзов каждой степени; 3) каковы должны быть *функции* каждого кооперативного звена или ступени; 4) каков должен быть *состав членов* каждой ступени союзных объединений.

В этом перечне вопросов союзного строительства не все они равноценны. Установление районов деятельности союзов в значительной степени предreshает вопрос о числе звеньев кооперативного аппарата. Состав членов союзной организации предопределяется теми функциями, которыми мы ее наделим. Фактически все споры о союзном строительстве вращаются около двух вопросов: должны ли союзы специализироваться в своих функциях, или быть смешанными, и затем—есть ли в рациональной схеме место для областных

¹⁾ „Материалы по вопросам союзного строительства сельскохозяйственной кооперации. М. 1919, стр. 7.

союзов или нет. Одни стоят за применение к союзному строительству принципов централизации и специализации, другие стоят за областничество и универсализм.

В общем до сих пор победа оставалась на стороне централистов. Правда, ни смешанность функций кооперативов, ни областные настроения в союзном строительстве от этого не исчезали. Но в кооперативной литературе господствует убеждение, что все это явления временного, переходного характера, что рано или поздно кредитные кооперативы отделяются от несвойственных им закупочно-сбытовых функций, потребительские общества займутся только распределением, каждая отрасль сельского хозяйства обзаведется собственной системой кооперативных органов и вообще весь „кооперативный аппарат“ приобретет формы строго рационального, технически совершенного механизма. С другой стороны и „областничество“ часто слишком скоро сдает свою позицию, довольствуясь полупризнанием и мирясь с дозволением временного существования.

В нашу задачу не входит подробный разбор аргументации спорящих¹⁾. Нас интересует только один вопрос, не различны ли „молчаливые предпосылки“ обеих сторон, не вызывается ли спор расхождением кооперативной идеологии и не объясняется ли живучесть областных и универсалистских принципов особенностями хозяйственной природы кооперации. Пусть сами „областники“ и „универсалисты“ плохо понимают экономическое обоснование защищаемых ими форм кооперативного движения, пусть в своей аргументации они исходят из тех же обычных представлений о природе и целях кооперации какими руководятся и централисты. Тем хуже для них и тем слабее их теоретическая позиция. Это не мешает поставить вопрос о социально-экономической природе областничества, и нам думается именно в этом направлении можно найти разрешение спора о принципах союзного строительства.

Перечисленные выше 4 вопроса союзной проблемы признаются обеими сторонами: и централистами, сторонниками специализации и универсалистами-областниками. Обе стороны ищут ответа на вопрос, какое число звеньев является наиболее целесообразным, обе стороны определяют наивыгоднейший район деятельности союзов разных степеней, обе стороны спорят о наилучшем распределении функций и состава

¹⁾ Довольно подробный перечень доводов сторонников специализации и универсалистов можно найти в книге А. Е. Кулыжного: „Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства“. М. 1918 г., гл. XI.

членов союзов. Обе стороны сходятся таким образом в постановке вопроса. Схемы строятся в надежде найти *наивыгоднейшую* комбинацию взаимоотношений между кооперативными организациями.

Но наивыгоднейшую для кого? Об этом, как правило— молчат и централисты и областники. Чувствуется, однако, один и тот же ответ: от правильной схемы строительства должны выиграть все общество и вся кооперация в целом. Опять на сцену выплывает общекооперативный идеал и гармония интересов, хотя бы на этот раз и только в пределах сельскохозяйственной кооперации. Мы должны со всем вниманием остановиться на выяснении этой предпосылки построения схем, она, в сущности говоря, предрешает ответ на вопросы союзного строительства.

6. Органическая теория кооперации.

Допущение гармонии интересов кооперирующих хозяйств, доходящей до такой степени, что становится возможным построение единого кооперативного аппарата, равносильно принятию *органической* точки зрения на сущность кооперативного движения.

Это значит, что все проявления кооперативного движения рассматриваются как члены, части или жизненные отправления единого кооперативного организма. С точки зрения органической теории и все народное хозяйство представляется единым общественно-хозяйственным процессом, направленным на удовлетворение материальных потребностей общества. Отдельные отрасли народного хозяйства — промышленность, торговля, земледелие — являются дружно работающими участниками одного и того же общего дела. Успешность их работы расценивается с точки зрения содействия их общему благу, в смысле удешевления и увеличения числа продуктов, принадлежащих обществу. Дальше предполагается, что хозяйственная деятельность в пределах каждой отрасли народного хозяйства или во всех их вместе может быть организована при помощи разных принципов. снабжение общества „приятными и полезными“ для него вещами, может взять на себя и капитализм и социализм и кооператизм. Верховным судьей в выборе форм организации является само общество, наделяемое на этот случай частнохозяйственной психологией. Критерием служит сравнительная дешевизна и обилие продуктов, создаваемых каждой формой организации народного хозяйства. Самые формы эти олицетворяются, приобретают вид живых и борющихся сил, руководимых единой волей. Дело представляется таким образом, будто все современное

народное хозяйство—есть единое грандиозное капиталистическое предприятие, руководимое единой волей и организованное на основах строгой специализации и разделении труда. В один прекрасный день, рядом с этим капиталистическим предпринимателем, снабжающим общество всем ему необходимым, появляется кооператор и предлагает сделать то же. Кооперация возникает кучками и пятнами, одновременно в разных частях капиталистического организма. Она объединяется в союзы, растет, крепнет, пропитывает все новые отрасли народного хозяйства и обещает построить единый кооперативный аппарат, обслуживающий общество подобно единому капиталистическому предприятию. Понятно, что общество, для которого важно получить только возможно больший и возможно дешевый общественный продукт, предъявляет и к кооперативному аппарату требование, чтобы он работал не менее дешево и производительно, чем предприниматель-капиталист. Подчиняясь этому требованию, идеологи кооперации и начинают строить схемы взаимоотношений кооперативных организаций „наивыгоднейшими“ с точки зрения общественной экономии и кооперативного целого.

Представим себе на минуту, что все мелкие хозяйства, объединенные кредитной, сельской, промысловой и сельской потребительской кооперацией только бесчисленные ответвления одного и того же гигантского хозяйственного организма, что-нибудь вроде отдельных хуторов южно-русской сельскохозяйственной кооперации. Тогда, конечно, воля центра и его планы будут законом для самого отдаленного хуторка. Управление имением может, наприм., запретить одному из хуторов разводить огород потому, что для овощей есть более пригодная почва в другом месте и они могут быть доставлены нашему хутору дешевле, чем во что обошлось бы ему собственное производство.

Между всеми отдельными хозяйствами и их объединениями, задачи должны быть распределены таким образом, чтобы одно хозяйство не мешало другому и чтобы весь аппарат работал бы с наибольшей экономией и производительностью. Возможно, что при этом одному хозяйству придется поступиться своими непосредственными интересами, потому что иначе оно станет поперек дороги другому, более важному хозяйству и повредит целому.

Так именно и смотрят обыкновенно на задачи союзного кооперативного строительства и именно в этом и заключается сущность органической точки зрения. Она сказывается прежде всего во всех тех случаях, когда руководящими принципами взаимоотношений кооперативных организаций де-

ляется специализация и централизм. Во имя чего в самом деле можно защищать специализацию функций между союзами различных степеней, как не во имя „общественной“ экономии и отвлеченного „экономического принципа“ и таких же отвлеченных понятий „разделения труда“ между различными частями народного хозяйственного организма? Зачем же и нужен централизм, как не затем, чтобы сначала объединить внутри отдельные отрасли кооперации, а затем создать из них органическое целое единого „кооперативного аппарата“.

Органическую точку зрения можно открыть в рассуждениях самых различных авторов. Мы находим ее в схеме строительства с. х. кооперации проф. А. Н. Челинцева¹⁾, объявляющего посреднические функции кредитной и потребительской кооперации „терпимыми“ только временно и намечающего „очередь выделения“ их из несвойственной им области и считающего „специализацию и разделение труда в кооперации“ как и повсюду залогом продуктивности работы“.

Теми же идеями проникнуты рассуждения А. Е. Кулыжного²⁾, убежденного, что „универсализм постепенно должен будет уступить место специализации по всей линии“. Вся его аргументация построена на описании выгод крупного капиталистического предприятия вроде экспортной фирмы Дрейфуса и сводится, приблизительно, к следующему силлогизму: раз капитал для того чтобы владеть производством пользуется специализацией и централизацией, то тем же путем должна идти и кооперация, если она хочет сбить капитал с занятых им позиций. В обоих случаях преподносится знакомый уже нам образ *единого* капиталиста, планомерно организовавшего все народное хозяйство и тень *единой* кооперации, направляемой единой организующей волей и обещающей работать для общества, не хуже капитализма.

Тот же образ управляет и рукой А. В. Чайнова в его последнем труде, посвященном крестьянской кооперации. Автор признает, что „перед нами почти неразрешимая проблема, каким образом сохраняя волю самостоятельного населения, объединенного в кооперативы, утвердить также волю центральных объединений, единство и независимость которых одни только обеспечивают успех дела“. В подчеркивании самостоятельности населения, в признании „перво—мотором“ кооперации интересов отдельных хозяйств, в несколько не-

1) А. Н. Челинцев. О строительстве с. х. кооперации. Южно-русская с. х. газ. №№ 1—2, и 3—5 за 1919 г., стр. 6 и 10.

2) А. Е. Кулыжный. Коопер. сбыт продуктов сел. хоз. Изд. З. М. 1918 г., стр. 183.

ясных рассуждениях о „социальных силах“ кооперативного движения и в противопоставлении их организующему разуму „кооперативных предпринимателей“ чувствуется верный подход к проблеме союзного строительства, верное понимание экономической природы кооперации. И все же в конце концов автор говорит об организации „Кооперативного Аппарата“ с прописной буквы, „вся сельскохозяйственная кооперация в целом от местного товарищества до национальных центров“ оказывается у него „единым рабочим аппаратом русского крестьянина“, все симпатии его не на стороне Народбанка, остающегося „федерацией независимых местных союзов“, а на стороне Центрального товарищества льноводов, „управляемого единой волей“ и „слитого с местными союзами в единую организацию по сбыту льна“. „Нелепая“ по словам автора идея слить тысячи кооперативных аппаратов „действительно в один аппарат, управляемый одной волей одного правления“ выбираемого „всеобщим голосованием всех крестьян кооператоров“ на деле оказывается вовсе не столь чуждой основному уму настроению этого горячего защитника крестьянской кооперации¹⁾.

Даже схемы Н. П. Макарова, при всей их эклектичности и обилии вариантов и исключений, правилом предполагают все же специализацию и централизацию союзного строительства. В основе их лежит все та же идея единого кооперативного аппарата и молчаливая предпосылка возможности рационализировать по экономическому принципу кооперативное движение сверху донизу²⁾.

7. Критика органической точки зрения.

Итак, большинство схем исходит из органического представления о сущности народнохозяйственных и кооперативных процессов. Логическое обоснование их возникает и падает вместе с принятием этой точки зрения.

Она занесена в кооперативную литературу из политической экономии, где органическая теория народного хозяйства считается однако уже изжитой.

Очень часто говорилось и говорится о народном хозяйстве как о каком то самодовлеющем целом. Наше ухо привыкло к рассуждениям „о точке зрения народного хозяйства в целом“, которой должны подчиняться интересы частные и

¹⁾ А. Чайнов. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М. 1919, гл. XV.

²⁾ См. материалы по союзному строительству сх. кооперации, затем „Вестник М. О. С. К. О.“ и неизданные лекции того же автора по союзному строительству.

групповые, и т. д. Во всех этих представлениях коренится глубокая логическая ошибка. Пока народное хозяйство страны сохраняет свой индивидуалистический характер, пока оно состоит из системы единичных хозяйств, направляемых автономной волей их владельцев, оно может носить только название „псевдохозяйства“¹⁾. Для того, чтобы быть настоящим хозяйством, у него не хватает самых важных признаков: субъекта хозяйства и единства руководящей хозяйством воли. Народное хозяйство индивидуалистического типа представляется бессубъектным, об его „подлинных интересах“, с точки зрения целого и т. д. можно говорить лишь с большой осторожностью, постоянно рискуя незаметно подменить интересы несуществующего „целого“ интересами конкретных групп населения или государства как юридического лица. Только в социалистическом, точнее даже в коммунистическом государстве появляется реальная „народнохозяйственная“ точка зрения, ибо там государственное хозяйство расширяется до рамок народного. Там система бесчисленных индивидуальных хозяйств превращается в единое общество — хозяйство, и у последнего появляются субъект с единой организующей волей.

Органическая точка зрения на народное хозяйство является природным свойством всех социалистических систем и, главное, не только в положительных, но и в критических их построениях. Мы не сомневаемся, что именно оттуда она и попала в кооперативную литературу. Кооперативная идеология всегда близко стояла и стремилась к социализму. Не мудрено, что оттуда позаимствован и основной символ веры социализма о том, что народное хозяйство может и должно быть перестроено на началах единства, управления из центра, с соблюдением полной централизации и строгого разделения труда, что только тогда будет достигнута максимизация общественного продукта и максимум общественной пользы. Кооператорам тоже рисуется идеал планомерной организации всего народного хозяйства в целом. У крайних фанатиков кооперации он покрывает все виды ее, у других речь идет только об организации мелких производителей, у третьих задача суживается до построения единого аппарата для одной крестьянской кооперации. Но во всех этих случаях конечной целью является создание единого хозяйства, управляемого единой волей и имеющего единую цель.

Незаконность органической точки зрения на кооперацию также ясна, как и по отношению ко всему народному хозяйству.

¹⁾ См. П. Струве. Хозяйство и цена. Т. I. М. 1913.

Кооперативное движение происходит на фоне буржуазного правопорядка, оно составляет часть народного хозяйства индивидуалистического типа. Как бы далеко не разошелся кооперативный идеал с предпринимательским, в основе обоих лежат одни и те же экономические предпосылки: экономическая свобода, частная собственность на средства производства и право на созданный при их помощи продукт. Кооперация, взятая в целом, есть *система* хозяйства, как и народное хозяйство - индивидуалистического типа, а никак не общество - хозяйство коммунистического склада.

Кооперация объединяет миллионы хозяйств, но ни одно из них не теряет при этом своей экономической самостоятельности. Когда несколько индивидуальных разрозненных хозяйств объединяются в кооператив первой степени, они не перестают от этого быть самостоятельными, автономными единицами. Сущность кооперации в добровольном соглашении. Несколько хозяйств решаются объединить некоторые из своих функций, напр., функции сбыта произведенных продуктов, в одной общей организации. Их единственная цель при этом усилить свое положение в конкурентной борьбе и получить большую выгоду, чем при разрозненных действиях. Пока кооператив выполняет эту задачу, он полезен и нужен. Как только часть его членов видит, что путем самостоятельных действий она получит больше, кооператив распадается. То, что сказано о кооперативах первой степени, справедливо и относительно союзного строительства.

Кооперация в целом есть бессубъективное единство „псевдохозяйство“, лишенное юридического лица. Рассуждения об общекооперативном интересе—такая же фикция, как и точка зрения народного хозяйства в целом.

Но если это так, то падает предпосылка и о возможности рационализировать сверху донизу всю систему кооперативного строительства. Как можно построить безупречное в архитектурном смысле здание, если каждый камень его обладает самостоятельной волей. Мы видим, правда смутные очертания строящегося здания. Атомы кооперативного организма никогда не находятся в аморфном, бездеятельном, хаотическом нагромождении. Кооперативы первых степеней постоянно группируются в мелкорайонные объединения, те в свою очередь уступают часть своих функций более крупным организациям, кооперативная постройка приобретает формы трех-четырех и даже пятиэтажного здания. Но все это на почве добровольного соглашения самих атомов кирпичей, не теряющих своей экономической автономности. Кооперативный зодчий не имеет собственной воли,

здание вырастает самопроизвольно под его руками. И если оно в один прекрасный день начинает не нравиться архитектору, то причины этого нужно искать в реальных интересах объединяемых организаций, а не в недостатках отвлеченных схем. Никогда не следует забывать, что не „организующий разум“, а экономические интересы конкретных хозяйств составляют движущую силу кооперативного строительства. Пока всем этим интересам по дороге, постройка идет быстро и споро; как только возникают противоречия, появляются трещины и возникают опасения за судьбу всего гордого здания.

Наш вывод заключается в том, что союзное строительство не может быть рационализировано до конца. Кооперация не есть область предустановленной гармонии, здесь могут быть и диссонансы, против которых бессильны все отвлеченные схемы и идеальные построения. Со многими дисгармоничными сторонами кооперативного движения приходится просто мириться и принимать их так, как они есть. Они — результат „буржуазной“ природы кооперации, того индивидуалистического начала, которое составляет всю силу стихийного развития ее.

8. Атомическая теория кооперации.

Органической точке зрения на кооперацию должна быть противопоставлена таким образом *атомическая*. Во главу угла должны быть поставлены не фиктивные интересы кооперативного целого, а реальные жизненные интересы тех индивидуальных, самостоятельных хозяйств, которые объединяются кооперативами первой степени.

Такая постановка вопроса сразу облегчает нам и решение проблемы союзного строительства. Борьба двух течений может быть объяснена именно разными взглядами на природу и задачи кооперации. Сторонники органической теории, как мы видели, оказываются централистами. Их противники в теоретических спорах оказывались обыкновенно более слабой стороной. Но это происходило от того, что они пользовались несвойственной и чуждой им аргументацией. Нельзя защищать областной принцип и смешанность функций имея одну общую цель с противником построение наиболее дешевого и рационального аппарата кооперации. Эта цель, как мы видели, заимствована из социалистического тезиса о полной рационализации народного хозяйства. Те, кто считает кооперацию одним из явлений народного хозяйства индивидуалистического типа должны стоять на принципиальной по-

зиции. В основу областничества должна быть положена атомическая теория кооперации. Мы думаем, что живучесть этого течения, несмотря на слабость теоретического обоснования, именно и объясняется тем, что „областники“ по крайней мере чутьем верно угадывают природу кооперативного движения.

С принятием атомической или индивидуалистической теории кооперации легко разрешатся и основные вопросы союзной проблемы. Нужно ли рассматривать многообразие форм союзного строительства, как что-то ненормальное и подлежащее исправлению? Должен ли „организующий разум“ произвести отбор „наилучших“ форм или может спокойно взирать и на смешение функций, и на параллелизм, и на безхозяйственность работы кооперации?

С нашей индивидуалистической точки зрения, кооперативные дисгармонии должны быть принципиально оправданы. Оправданы уже по одному тому, что интересы мелкого производителя, истинного творца и хозяина кооперации, могут не совпадать и даже противоречить интересам „кооперативного целого“. Мы думаем, что эта мысль ясна и сама по себе. Но для иллюстрации можно привести пример. Возьмем производство и сбыт какого нибудь товара, скажем масла. С точки зрения единой кооперации цель будет достигнута только тогда, когда фунт кооперативного масла будет продаваться не дороже, а лучше даже дешевле масла частного торговца. Если для этого понадобится прекратить производство дорогого масла в Тульской губ. и потребовать добавочного количества от Сибири, то „национальный“ масляный центр не задумается это сделать. Но что скажут на это тульские кооператоры. Они скажут, пусть наше масло с „народнохозяйственной“ точки зрения невыгодно, пусть в Сибири оно производится дешевле, но нам до этого нет дела; ищите сбыта для нашего масла, если нужно делайте новые „народнохозяйственные“ несообразности, везите его в другом более длинном направлении, загружайте транспорт, словом делайте что хотите, но дайте нам возможность получить от нашего масла больший доход, чем мы получали до сих пор и больше ничего; если вы не можете этого сделать, мы организуем новый союз, хотя бы он и работал параллельно вашему.

В союзном строительстве, как и в создании первичных кооперативов, верховным принципом должно быть удовлетворение интересов конкретных хозяйств, стоящих за спиной кооперации. Там, где этот интерес противоречит логическим схемам, должны пасть схемы, а не выгоды самого хозяйства.

9. Смешанность функций.

С этой точки зрения легко разрешаются по существу и вопросы о допустимости смешения функций и областных союзов. Что касается первого из них, то смешанный состав функций и членов кооперативных объединений получил уже достаточное обоснование и в теории и в жизненной практике. Мы не будем повторять хорошо известную аргументацию Н. В. Малолетенкова¹⁾ и В. А. Кильчевского, этих горячих поборников мелкорайонных союзов смешанного типа. Хотелось бы только подчеркнуть, что их доводы прямо вытекают из индивидуалистического понимания природы кооперации. Если сельская кооперация имеет своей целью поднятие доходов мелкого производителя, то как же лучше достигнуть этой цели, как не созданием организации, помогающей всем важнейшим сторонам крестьянского хозяйства. Н. В. Малолетенков совершенно прав, указывая, что „никогда нельзя отделить хозяйство от хозяина“ и что разностороннее участие в жизни кооперативов всех видов ведет неизбежно к усложнению работы мелкорайонных союзов, а отсюда и к смешению функций“.

То, что сказано относительно мелкорайонных союзов справедливо и по отношению к союзам высших ступеней. Нельзя отрицать значения специализации, как орудия в конкурентной борьбе. Передоверяя часть своих функций союзам высших ступеней, первичные кооперативы тем самым разрешают им и пользоваться специализацией и разделением труда, как методами борьбы со своими соперниками. Но специализация союза на какой либо одной функции неизбежно ослабляет связь его с первичным хозяйством, живущим еще целым рядом других хозяйственных интересов. Специализация развивается всегда в ущерб полноте обслуживания первичного хозяйства. Параллельно с повышением степени союза и ростом специализации возникают поэтому и центробежные силы. Первичному хозяйству легче расстаться с союзом, обслуживающим одну сторону его деятельности, чем с организацией его всесторонне об'емлющей.

В специализации кроется таким образом опасность ослабления силы сцепления кооперирующихся хозяйств.

С другой стороны как раз смешение функций оказалось спасительным в тяжелые времена переживаемые ныне сельской кооперацией. Хаотичность работы „кооперативного аппарата“

¹⁾ Н. В. Малолетенков. Схема кооперативн. строительства в деле снабжения населения предметами личного потребления, домашнего обихода и промысла.

режет сейчас глаз кооператора, имеющего наготове стройную схему союзного строительства. А между тем не может быть понятнее кооперативных дисгармоний в нынешнем экономическом состоянии России.

Его характерными чертами является бестоварье и система монополий. Вопросы о сбыте почти не существуют, но тем ожесточеннее развивается конкуренция между покупателями и за распределение. И вот, на этой почве, дух соперничества проникает в кооперативную среду. Сейчас главным яблоком раздора между кооперативными организациями являются как раз закупочные операции. Ни кредитные кооперативы, ни областные союзы ни центральные организации не хотят отказаться от самостоятельных заготовок одних и тех же предметов. Сбытовые и кредитные операции как то сами собой отступают на задний план, но из-за заготовок и распределения идут жесточайшие споры, один кооператив старается перехватить товар у другого, разгорается борьба, мало чем смягченная по сравнению со свободным соперничеством. „Конструктивность“ схемы требовала бы объединения закупочных операций и исключения целого ряда посредствующих звеньев, но встречаются какие то препятствия, и вопрос не получает гармонического разрешения. Мы думаем, что помехой на пути логических схем оказываются реальные интересы.

Во имя чего, в самом деле, данная организация должна отказываться от фактически производимых закупочных операций? Во имя того, что другой союз закупает те же продукты дешевле? Но другой союз обслуживает и другие индивидуальные хозяйства. Плохое утешение для данной группы хозяйств ссылка на то, что другая организация может работать дешевле. За то и пользу от этого получают другие. Повторяем, это особенно ясно во времена бестоварья и монопольных прав. Если ощущается абсолютный недостаток товара, то выигрывает тот, к кому он фактически попадет. Строго централизованная закупка и распределение сельскохозяйственных машин дала бы, конечно, экономию общих кооперативных сил и ласкала бы взор конструктивностью своей организации. Но какой союз откажется в настоящее время от собственной закупки машин во имя удешевления и общеккооперативного интереса? Интересы кооперации в целом, как мы видели,—фикция, а машина, хотя бы и по более дорогой цене,—необходимая и желанная реальность. Кто согласится сейчас променять имеющийся в руках товар на неверную надежду получить его на несколько рублей дешевле, причем в неопределенный срок и в №-ной очереди получателей.

Наблюдающееся в кооперативной среде конкуренция и параллелизм работы есть, таким образом, не что иное, как естественное проявление здорового экономического разума. Было бы тщетной попыткой до конца национализировать кооперативное строительство в такое время, когда в отсутствие логических схем проявляется как раз мощь кооперации. На все время нынешнего кризиса и еще долго после него нужно будет мириться со смешением функций кооперативных организаций и с известным параллелизмом их работы.

В кооперативных же низах смешение функций останется навсегда по крайней мере до тех пор пока кооперация будет иметь главным объектом своего воздействия мелкого самостоятельного производителя с многосторонними хозяйственными интересами.

10. Областничество.

Другой пункт спора о союзном строительстве вопрос о роли областных и краевых объединений также получает принципиальное обоснование в свете атомической теории кооперации. Если целью кооперации является всесторонняя помощь обслуживаемому ею хозяйству, то областнические течения неустраимы. В пользу областничества, как и в пользу смешения функций существует целая система убедительных аргументов. Мы ограничимся только теми из них, которые непосредственно вытекают из нашего подхода к вопросу.

Областничество неустраимо уже по одному тому, что необозримые пространства России представляют собою целый ряд самостоятельных экономических районов. Как ни ослаблен дух конкуренции в сельском хозяйстве вообще, различие районных интересов все же так велико, что о построении единой системы кооперации не приходится и мечтать. Это особенно ясно, если стране нашей суждено распасться на ряд самостоятельных государств с автономной экономической политикой. Не исключена возможность, что отдельным частям России придется конкурировать между собой на внутреннем и внешнем рынке. Каждая группа хозяйств, попавшая в новые государственные границы, заживет тогда самостоятельной жизнью, и в бесплодную мечту обратится единый аппарат кооперации. Для органической теории кооперации это будет огромная брешь в воздушном замке союзного строительства. Для индивидуалистической точки зрения это только логические следствия экономической природы кооперации.

Неизменно действующим ферментом областничества является далее любовь и привычка местных людей к экономическим отношениям своей родины. Пусть общесооперативный аппарат работает дешевле местного самодельного механизма. Зато этот механизм свой, здесь работают знакомые люди, здесь зреет и крепнет сила кооперативного сцепления. Идеологи единого аппарата придают слишком большую цену работе без трения. Предполагается, что всякая недобранная копейка ослабляет позицию кооперации по сравнению с капиталистическими конкурентами. Здесь опять все та же фикция общественного хозяйства, работающего в безвоздушном пространстве, без трения и сопротивления среды. У общества есть как будто заранее данные цены продукта и всякий, кто на копейку поставляет дороже, объявляется неспособным и выбрасывается за борт конкурентной борьбы. В действительности у самих капиталистических производителей нет единой цены. И здесь аппарат конкуренции не работает в безвоздушном пространстве. И здесь есть отклонение цен прибылей и доходов, объясняемые бытовыми, национальными, культурными и во всяком случае не чисто экономическими причинами. Кому не известен факт широкого расхождения цен в магазинах на разных улицах и кто не знает социально-психологических причин этого явления? Что же сказать о кооперации, которая имеет так много идеологических надстроек и которая уже в чисто экономических своих расчетах оказывается гораздо менее стесненной, чем капиталистический предприниматель. Мы ведь знаем, что кооперация опирается на крестьянское хозяйство, а последнее высчитывает свои издержки производства и доход совершенно иными способами, чем капиталистическое предприятие. Крестьянское хозяйство не стеснено „обычной нормой“ прибыли, как ни широк сам по себе этот термин. Передавая часть своих функций кооперации, индивидуальное хозяйство, требует, повышения дохода, но не ставит минимальной границы для него. Об'единяясь в кооперацию хозяйства требуют только получения большего дохода, чем при самостоятельных выступлениях, но не непременно максимально возможного. Поэтому об'единившиеся элементы легко мирятся с значительной бесхозяйственностью, расточительностью и разбуханием организационного аппарата своего кооперативного хозяйства. Этим между прочим объясняется и устойчивость кооперативного начала в народнохозяйственной жизни, несмотря на то, что по точности, отчетливости и дешевизне работы кооперация никогда не сравнится с капиталистическим предприятием.

Отсюда же вытекает и неустранимость областного принципа в кооперативном строительстве. Аргумент об удешев-

лении работы при заведении „единого аппарата“ никогда не будет звучать с достаточной убедительностью для кооперативных низов. Признавая его на словах, они на деле будут стремиться замкнуться в своем экономическом районе, жертвуя стройностью схемы в угоду своим местным, житейским интересам.

Наконец, против излишнего централизма говорит и еще один чисто экономический довод. Речь идет об экономических пределах крупных производств. Только утопический социализм считает выгодным всякое укрупнение производства. В действительности в каждой отрасли промышленности или торговли практически уже найдена граница, за которой дальнейшее увеличение хозяйства становится экономически невыгодным. И кооперация, стремясь к экономии путем разделения функций и централизации заготовочно-распределительного аппарата, скоро наталкивается на те же границы. Центральное товарищество льноводов, кооперативные зерна, яйца и тому подобные монопольного типа организации могут льстить себя надеждой процветания только до определенного числа миллионов годового оборота. Затем начнут действовать те же центробежные силы, которые приводили в свое время к распаду синдикатов и которые являются главной причиной неудач нынешних „Главков“ и „Центров“.

Итак, ни полной централизации, ни окончательной специализации быть не может. *Пока кооперация остается средством борьбы за существование мелкого хозяйства в рамках индивидуалистического общества союзному строительству придется считаться с тенденциями универсализма и областничества.*

11. Заключение.

Мы закончим статью необходимыми оговорками. Непривычная мысль требует резкой и заостренной формулировки, но мы не хотели бы, чтобы наша аргументация была принята за принципиальную защиту политики *laissez faire*, *laissez passer* в области кооперативного строительства. Сознательное воздействие на кооперацию и руководство кооперативным движением, полезно и необходимо. Нужно только помнить естественные границы такой рационализации. Кооперативное движение относится к разряду стихийных экономических процессов. Всякое же стихийно-социальное движение имеет свое собственное внутреннее *ratio* и не нуждается в дальнейших оправданиях или осуждениях. Раз кооперативные атомы складываются в такую, а не иную архитектурную форму, значит, таковы законы их молекулярного движения. Атомы и сами по себе не останутся в бесформенном, случай-

ном сочетании. Сила сцепления, сила стихийно осознанных экономических интересов заставит их в конце концов выкристаллизоваться в те или иные архитектурные формы. Они окажутся гораздо более сложными, чем логические схемы, построенные на голом экономическом принципе, выгодах разделения труда или специализации функций. Без сомнения, будут действовать и эти моменты, но на ряду с ними окажутся такие трудно учитываемые факторы, как национальные и культурные области, различие быта, языка, природы и всевозможных местных интересов. Рационализировать всю эту многочисленность нет никакой возможности. „Организирующему разуму“ положены здесь тесные пределы: его задача только открывать эмпирически законы молекулярного движения кооперативных атомов, устранять препятствия ускорять, где возможно, наметившиеся процессы и не идти наперекор течению.

Таков должен быть подход к основным вопросам союзного строительства.

Л. Литошенко.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ I-я.

<i>Хвостов В. М.</i>	Область, как фактор социальной психологии	1
<i>Николаев А. А.</i>	Областное творчество, как один из методов организации современного общества	25
<i>Панов В.</i>	Область, как основная единица в процессах русского государственного творчества	52
<i>Булатов В.</i>	Исторические экзамены областничества	60
<i>Веселовский Б.</i>	Из истории земских и городских объединений	77
<i>Ветринский Ч.</i>	О программах и курсах областных изучений	89

ЧАСТЬ II-я.

<i>Щецов А.</i>	Постановка операций Всероссийских кооперативных центров с точки зрения кооперативного областничества	97
<i>Герн Алексей.</i>	Кооперативная агрономия и областные союзы	109
<i>Наценеленбаум З.</i>	Денежно-кредитный оборот в Государстве и области	127
<i>Александров С.</i>	Судьбы жилищной кооперации в России и областное начало в ее союзном строительстве	140
<i>Иорданский И.</i>	Организация культурно-просветительной деятельности в областных кооперативных объединениях	160
<i>Марков Г. И.</i>	Кооперативное право и областные союзы	182
<i>Литошенко Л.</i>	О жизненных и логических схемах союзного строительства	185
